

INSPIRIA

ОТКРОВЕНИЕ В ГАЛИСИИ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «PLANETA»

ДОЛОРЕС
РЕДОНДО

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Долорес Редондо

Откровение в Галисии

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

Редондо Д.

Откровение в Галисии / Д. Редондо — «Эксмо», 2016 — (Ток. Национальный бестселлер. Испания)

ISBN 978-5-04-185631-1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ИСПАНИИ. КНИГИ АВТОРА
ПЕРЕВЕДЕНЫ НА 38 ЯЗЫКОВ МИРА. ИХ НАЗЫВАЮТ САМЫМ
ЗНАЧИМЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯВЛЕНИЕМ В ИСПАНИИ ЗА
ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «PLANETA».

Всего несколько часов назад он звонил из Барселоны. И вот он уже мертв – нелепо погиб на противоположном конце страны. Как такое могло случиться? Знаменитый писатель Мануэль Ортигоса внезапно получает известие о смерти самого близкого человека, Альваро. И мчится на место трагедии, в Галисию, в легендарный винодельческий регион Рибейра Сакра, который встречает его оглушительными пейзажами, неповторимым местным колоритом – и шокирующими новостями... Альваро оказывается не тем, за кого себя выдавал. Он носил один из самых древних галисийских аристократических титулов: маркиз де Санто Томе – и владел богатейшими виноградными угодьями, гордостью Рибейры. А его смерть на самом деле – не результат ДТП, а убийство. Однако дело быстро закрывают. Родня Альваро, влиятельный клан Муньис де Давила, засевший в сумрачном родовом поместье, не желает расследования. Мануэль вступает в борьбу со знатным семейством, все отчетливее понимая: тайна гибели бывшего маркиза – не единственная страшный секрет, который эти дворяне всеми силами стараются скрыть навеки. И одновременно он все больше и больше влюбляется в изумительную Галисию – теперь это его земля, его место...

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-185631-1

© Редондо Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Спасательный круг	8
Ледяная пустыня	13
Источник иссяк	21
Фэншуй	25
Игра	28
Ступор	31
Апатия	48
Секреты старого сада	56
«Славные подвиги»	64
«Солнце Фив»	72
Начало расследования	75
По следу	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Долорес Редондо Откровение в Галисии

Посвящается Эдуардо. Ты всегда в моем сердце

Моему отцу, истинному галисийцу, моей матери и их любви, не подчинившейся воле родственников и укрепившей мою веру в себя и в непобедимую силу чувств

Людям вообще свойственно заботиться о том, что о них подумают окружающие. Не беспокоятся только две группы населения – бездомные и аристократы. Те и другие поступают как им вздумается и не страдают из-за того, какое впечатление это произведет на других. Я говорю не о богатых бездельниках, которым только и дела, что закатывать вечеринки. Я о тех, кто с молоком матери впитал одну мысль – ничье мнение не имеет значения, кроме их собственного.
Агата Кристи. «Тайна замка Чимниз»¹

Практически любой человек в доме мог это сделать.
Агата Кристи. «Скрюченный домишко»²

План был безупречен, его надежность – гарантирована. Майкл Корлеоне исключил все возможные случайности. Он был терпелив и рассчитывал посвятить подготовке целый год. Увы, судьба-злодейка лишила его этого года, причем самым неожиданным образом. И подвел Майкла Корлеоне не кто иной, как сам крестный отец, великий дон Вито.
Марио Пьюзо. «Крестный отец»³

*Они будут с тобой жить, они будут с тобой разговаривать, как
будто ты со мной.*

Исолина Каррильо. «Две гардении»

Dolores Redondo

Todo Esto Te Daré

Todo esto te daré © by Dolores Redondo Meira, 2016. By agreement with Pontas Literary & Film Agency

© Распутина Ю.А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2023

Спасательный круг

За дверью кто-то ждал. Настойчивый и уверенный стук свидетельствовал о том, что посетитель требует немедленной аудиенции. Ни гости, ни сантехники, ни курьеры не проявляют подобного рвения. Как вспоминалось ему позже, в глубине сознания мелькнула мысль: «Так ведут себя полицейские».

Еще пару секунд он задумчиво смотрел на курсор, мигающий в конце предложения. Этим утром работалось отлично – самый продуктивный день за последние три недели. Не хотелось признавать, но дело шло лучше всего, когда дома никого не было. Можно не придерживаться графика, не прерываться на обед и ужин по расписанию, а просто творить. Именно так и происходило на этом этапе работы над романом. Книга «Солнце Фив» будет закончена через пару недель. А то и раньше, если все сложится удачно. И до того момента ему предстоит жить своим творением и круглосуточно думать только о нем. Так случалось каждый раз: возникало ощущение живительной и в то же время разрушающей силы, которая и восхищала и пугала одновременно. Опыт подсказывал, что в ближайшие дни это чувство не исчезнет, с чем придется смириться.

Он бросил быстрый взгляд в коридор, отделявший гостиную от входной двери. Курсор продолжал мигать, словно желая выплеснуть на экран еще не написанные слова. Обманчивая тишина породила мимолетную надежду, что незваный гость ретировался. Но нет: мощная чужеродная энергия проникала даже через дверь. Он опять посмотрел на монитор и положил пальцы на клавиатуру, намереваясь закончить предложение. Искушение не обращать внимания на визитера было велико, но со стороны маленькой прихожей снова раздался настойчивый стук.

Раздражало не столько то, что работу прервали, а бесцеремонность посетителя. Хозяин дома пошел открывать, бормоча проклятия в адрес консьержа: сколько раз повторять, что не стоит мешать человеку, когда он занят? Резким движением писатель распахнул дверь.

Двое гражданских гвардейцев⁴ в униформе, мужчина и женщина, сделали шаг назад.

– Добрый день! Здесь проживает сеньор Альваро Муньис де Дáвила? – спросил страж порядка, бросив взгляд на листочек, который почти утонул в его большой ладони.

– Да, – ответил Мануэль. Раздражение моментально испарилось.

– Вы его родственник?

– Муж.

Хозяин дома заметил, как гвардеец переглянулся с коллегой, но нервозность достигла уже такой степени, что было наплевать.

– С ним что-то случилось?

– Я альферес⁵ Кастро, а это сержант Акоста. Мы можем войти? Лучше поговорить внутри.

Мануэль писал книги и без труда мог предугадать, как будут разворачиваться события. Если двое гвардейцев при исполнении предлагают пройти в квартиру, вряд ли они пришли с хорошими вестями. Хозяин дома кивнул и отодвинулся в сторону. В маленькой прихожей два стража порядка в зеленой униформе и армейских ботинках казались великанами. На отполированном паркете их подошвы издавали скрип – словно подвыпившие матросы пытались

⁴ *Гражданская гвардия* – испанский орган охраны правопорядка, подчиняющийся одновременно Министерству внутренних дел и Министерству обороны и в т. ч. выполняющий полицейские функции за пределами крупных городов, входящих в сферу контроля Национальной полиции, что роднит Гражданскую гвардию с французской Национальной жандармерией.

⁵ *Альферес* – в Испании звание, являющееся историческим аналогом российского звания прапорщика, однако при этом выступающее первым офицерским чином (наиболее известное наименование этого звания, используемое в целом ряде стран, – *энсин*).

удержать равновесие на палубе небольшого судна. Мануэль провел гвардейцев в гостиную, где работал, и направился было в сторону дивана, но резко остановился, повернулся, чуть не столкнувшись с визитерами, и настойчиво повторил:

– С ним что-то случилось?

Прозвучало это скорее как утверждение, чем как вопрос. Пока писатель шел по коридору, тревога переросла в мольбы, монотонно отдающиеся в мозгу: «Нет, пожалуйста, только не это, только не это!» Хотя Мануэль понимал, что все напрасно. Молитвы не помогли, когда рак свел в могилу его сестру за каких-то девять месяцев. Она, измученная болезнью и истощенная, как всегда, пыталась поддержать и утешить брата, даже когда на ее белом, сливающимся с подушкой лице уже лежал отпечаток смерти: «Похоже, я не тороплюсь уходить из этого мира, как не спешила и прийти в него». Писатель униженно просил бездействующие высшие силы о чуде и в тот момент, пока, еле передвигая ноги, брел в кабинет врача. И там, в тесной и душной комнатке, доктор сообщил, что сестра не пережила ночи. Нет, молитвы не помогут, хотя Мануэль отчаянно продолжал надеяться, сложив руки перед собой, когда ему сообщили горькую правду, приговор, который не способен отменить ни один правитель.

Альферес с удивлением рассматривал внушительную библиотеку – книжные шкафы полностью занимали две стены гостиной. Затем бросил взгляд на рабочий стол, посмотрел на писателя и указал на диван.

– Давайте лучше присядем.

– Не хочу я сидеть. – Фраза прозвучала грубо, и, чтобы смягчить ее, Мануэль вздохнул и прибавил: – Пожалуйста...

Гвардеец колебался, явно чувствуя себя неловко. Он закусил губу и смотрел куда-то в сторону.

– Речь о... о вашем...

– О вашем супруге, – прервала коллегу сержант, решив взять ситуацию в свои руки. Альферес не скрывал облегчения. – К сожалению, у нас неутешительные новости. Весьма печально, но сеньор Альваро Муньис де Давила сегодня утром попал в серьезную аварию. Когда «Скорая» прибыла на место происшествия, он уже скончался. Примите наши соболезнования.

Лицо сержанта представляло собой идеальный овал. Еще больше его подчеркивала прическа – собранный на затылке пучок, из которого начали выбиваться отдельные пряди.

Мануэль четко расслышал: Альваро мертв. Но с удивлением поймал себя на том, что любит правильными чертами лица женщины и заворожен ими, даже готов сделать комплимент. Сержант Акоста была наделена особенной мягкой красотой и, похоже, не осознавала этого, что лишь усиливало ее очарование. Позже Мануэль поймет: мозг включил режим самосохранения в шоковой ситуации и сосредоточился на совершенно посторонних вещах, как утопающий хватается за брошенный спасательный круг. Это продолжалось всего несколько драгоценных секунд, а затем сознание выдало лавину вопросов. Но вслух Мануэль произнес только одно:

– Альваро?

Сержант взяла писателя за руку (позже ему пришлось на ум, что именно так она, наверное, привыкла обращаться с задержанными), подвела к дивану и усадила, легонько надавив на плечо и устроившись рядом. Мануэль не сопротивлялся.

– ДТП произошло ночью. Автомобиль, как мы полагаем, слетел с трассы, двигаясь по прямой в условиях хорошей видимости. Других машин поблизости не было. Наши коллеги из Монфорте считают, что сеньор де Давила заснул за рулем.

Мануэль внимательно слушал сержанта, силясь вникнуть в детали и не обращать внимания на все громче раздающийся внутри хор голосов, повторявших: «Альваро мертв, Альваро мертв». Теперь сознанию уже не хватало созерцания красивого женского лица. Краем глаза

Мануэль заметил, что альферес принялся разглядывать его рабочее место: чашку с остатками кофе и забытой ложечкой; приглашение на церемонию вручения престижной литературной премии, которое писатель использовал как подставку под стаканы; мобильный телефон, по которому Мануэль всего несколько часов назад разговаривал с Альваро; мигающий курсор в конце последнего написанного утром предложения. Вот идиот – радовался, что работа спорится... А теперь все это не имеет значения. Ничто не имеет значения, раз Альваро мертв. Причин сомневаться нет, ведь к нему заявили гвардейцы, а хор голосов в голове завывает громче и громче. И вдруг писатель увидел ниточку, за которую можно ухватиться, второй спасательный круг.

– Вы сказали, Монфорте? Но это же...

– Монфорте-де-Лемос в провинции Луго. Нам позвонили именно оттуда, хотя ДТП произошло в небольшом городке неподалеку от Чантадо.

– Это не Альваро.

Уверенный тон Мануэля отвлек альферес от созерцания предметов на письменном столе. Страж порядка в замешательстве повернулся к писателю.

– Почему вы так думаете?

– Это не может быть Альваро. Позавчера вечером он уехал в Барселону, чтобы встретиться с клиентом. Мой муж – специалист по маркетингу. Несколько недель он трудился над проектом для сети гостиниц. Они провели пару рекламных кампаний, а утром у Альваро была презентация, поэтому он не мог оказаться в Луго. Видимо, произошла ошибка. Вчера мы созванивались. Сегодня – еще нет, потому что, как я уже сказал, у него важная встреча, да и я не встаю рано. Сейчас наберу ему.

Мануэль вскочил на ноги и устремился к рабочему месту, мимоходом заметив многозначительные взгляды, которыми обменялись гвардейцы. Начал неуклюже рыться в куче предметов, валявшихся на столе, задел чайную ложку, и она зазвенела, ударившись о край чашки с въевшимися пятнами кофе. Он схватил мобильник, нажал пару раз на экран и прижал телефон к уху, не сводя глаз с сержанта. Та с грустью смотрела на него. Множество долгих гудков, а потом звонок сбросился.

– Должно быть, Альваро на встрече, не отвечает.

Акоста встала с дивана:

– Вас зовут Мануэль, верно?

Он кивнул, чувствуя, будто на плечи ложится тяжелый груз.

– Подойдите сюда, присядьте.

Писатель послушно вернулся и сел.

– Мануэль, я тоже состою в браке. – Сержант бросила быстрый взгляд на потускневшее золотое кольцо на его пальце. – И знаю по опыту – прежде всего благодаря работе в Гвардии, – что мы никогда не можем быть абсолютно уверены в том, где сейчас находится наш партнер. Мы вынуждены учиться жить с этим, не мучаясь неизвестностью ежесекундно. Разумеется, была какая-то причина, по которой ваш супруг оказался в Луго и не рассказал вам об этом. Но мы точно знаем, что покойный – Альваро. На звонок никто не ответит, ведь телефон сеньора де Давилы находится в участке в Монфорте. Тело доставили в морг больницы в Луго, но погибшего уже опознали родственники. Без сомнения, это Альваро де Давила, сорока четырех лет.

В ответ на аргументы, которые приводила сержант, Мануэль лишь продолжал качать головой. Разумеется, она поняла по кольцу, что в браке он уже давно, и начала строить предположения. Всего несколько часов назад писатель разговаривал с Альваро, и тот был в Барселоне. Что, скажите на милость, он мог делать в Луго? Мануэль хорошо знает своего партнера и уверен: тот на деловой встрече, а не в какой-то богом забытой провинции. К черту все эти подозрения и общепринятые представления о супружеской жизни, к черту сержанта Акосту, которая решила читать ему нотации!

– У Альваро нет родственников, – возразил писатель.

– Мануэль...

– Хорошо, допустим, что есть, как у всех нормальных людей. Значит, он не поддерживает с ними отношений. Иначе я бы об этом знал, ведь мы сто лет знакомы. Альваро с ранней юности был сам по себе. Вы ошибаетесь.

– Мануэль, ваш номер записан в телефоне сеньора де Давилы с пометкой «при несчастном случае уведомить», – терпеливо объяснила сержант.

– Что? – пробормотал писатель.

Теперь он вспомнил. Много лет назад автоинспекция рекомендовала сделать специальную отметку в телефонной книге, чтобы можно было определить, кому сообщить, если с человеком что-то случилось. Мануэль нажал на экран и увидел точно такую же надпись у себя напротив имени Альваро. Несколько секунд он пристально изучал каждую букву, пока на глаза не набежали слезы. А затем снова попытался ухватиться за спасительную ниточку:

– Но никто не звонил. Со мной же должен был кто-то связаться?

Альферес, кажется, даже обрадовался появившейся возможности вставить словечко.

– Еще пару лет назад мы так и делали. Сообщали указанному в телефонной книге абоненту, а если такого не обнаруживалось, то набирали номер, обозначенный как «Дом» или «Родители». Но практика оказалась весьма травматичной и приводила к сердечным приступам, несчастным случаям и другим нежелательным последствиям. Мы стремимся стать лучше. Сейчас протокол предусматривает личный визит к родственникам покойного. Два сотрудника из ближайшего отделения являются, чтобы сообщить печальную новость или сопроводить человека в морг на опознание.

Так вот для чего все эти предложения присесть и успокоиться! Стражи порядка просто соблюдают формальности, когда передают ужасные известия. В этой игре правила знали только двое. Конечно, теперь Мануэль тоже в курсе, но легче ему не стало.

На несколько секунд повисла тишина, никто не шевелился. Затем альферес сделал знак Акосте, и та начала:

– Возможно, вы хотите позвонить кому-то из друзей или родственников, чтобы они поехали с вами...

Мануэль в замешательстве посмотрел на сержанта. Ее слова едва до него долетали, словно женщина-гвардеец находилась в другом измерении или под водой.

– А что от меня нужно?

– Как я уже сказала, покойного доставили в морг больницы Луго. Там вам сообщат, что делать дальше, и выдадут тело, чтобы вы могли организовать похороны.

Демонстрируя спокойствие, которого он на самом деле не испытывал, Мануэль поднялся с дивана и направился ко входной двери, вынудив гвардейцев следовать за собой. Писатель пообещал сразу же позвонить сестре, как только стражи порядка уйдут. Понимая, что нужно проявить самообладание, если он хочет поскорее отделаться от визитеров, Мануэль пожал гвардейцам руки и выдержал их пристальные взгляды, так не сочетающиеся с демонстрируемым при прощании дружелюбием. Еще раз поблагодарив альфереса и сержанта, он закрыл за ними дверь.

Прижавшись к холодному дереву, хозяин дома постоял несколько секунд в полной уверенности: стражи порядка слушают, что происходит внутри. С этой точки писатель по-новому взглянул на коридор, ведущий в гостиную: он походил на узкий стебель цветка, тянущегося к свету. Квартира, которую Мануэль делил с Альваро вот уже пятнадцать лет, с непривычного ракурса показалась огромной. Солнечные лучи падали из окна, заливая белую мебель и стирая границы между ней, стенами и потолком. И эта знакомая и уютная территория вдруг перестала быть домом и превратилась в ледяной океан, в безрадостную пустыню. И писатель снова

почувствовал себя крайне одиноким, как в ночь, когда умерла сестра. Он обещал гвардейцам, что позвонит ей...

Мануэль грустно улыбнулся. Больше всего ему хотелось, чтобы это было возможно. Нахлынула тошнота – горячий незванный поток, – и глаза наполнились слезами: писатель понял, что единственные два человека, с которыми он хотел бы поговорить, мертвы.

Подавив рыдания, Мануэль вернулся в гостиную, снова сел на диван, взяв со столика мобильник, разблокировал его. На экране появился номер Альваро. Несколько секунд писатель смотрел на него, затем вздохнул и принялся искать в телефонной книге другого абонента.

Ему ответил нежный женский голос Мей Лю, секретаря, которая трудилась у Альваро вот уже больше десяти лет.

– Привет, Мануэль, как дела? Работа над книгой движется? Я сгораю от нетерпения. Шеф говорил, что роман очень захватывающий...

Он резко оборвал ее:

– Мей, где Альваро?

На другом конце провода ненадолго воцарилась тишина, и Мануэль сразу понял, что она совет, и даже, можно сказать, прозрел, на секунду увидев тайные механизмы, управляющие людскими жизнями и, к счастью, почти всегда остающиеся скрытыми от глаз.

– Ну как же... он в Барселоне.

– Не ври мне, Мей! – Прозвучало грубо, хотя он не произнес, а скорее прошептал это.

Вновь возникшее молчание убедило Мануэля в том, что секретарь попалась и тянет время, отчаянно пытаясь найти способ выкрутиться.

– Я тебе не вру. С какой стати? – Голос Мей теперь звучал пронзительно, будто она вот-вот расплачется. Извинения, вопросы... Обычные хитрости, чтобы уйти от прямого ответа. – Альваро... Альваро в Барселоне, на встрече с руководством каталонской сети отелей.

Мануэль сжал телефон так сильно, что костяшки пальцев побелели, закрыл глаза и огромным усилием подавил желание швырнуть мобильник подальше, сломать или разбить его, лишь бы не слышать этой лжи, которая вливалась потоком с другого конца провода. Затем заговорил, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик:

– У меня только что были двое гвардейцев. Они сказали, что Альваро погиб в ДТП и его тело находится в морге Луго. Поэтому еще раз спрашиваю – ведь ты, черт побери, точно знаешь ответ на этот вопрос: где твой шеф? – Мануэль говорил тихо и отчетливо, чеканя каждый слог и пытаясь не давать волю гневу.

Голос секретаря превратился в завывания, и писателю едва удалось разобрать слова:

– Мануэль, мне так жаль...

Он дал отбой. Мей могла бы стать его третьим спасательным кругом, но и этот лопнул.

Ледяная пустыня

В зале ожидания больницы веяло печалью. Между двумя рядами пластиковых стульев, установленных друг напротив друга, остался только узкий проход. В спертom воздухе пахло немых телами, и это зловонное облако окутывало ожидающих людей с печатью страдания на лицах. В замешательстве Мануэль вернулся в коридор, но охранник за стойкой не сводил с него глаз, и писатель кивнул, давая понять, что будет находиться где положено. Он отказался от идеи пройти к единственному свободному месту: пришлось бы пробираться между коленей и ног сидящих, бормоча бесчисленные извинения и спотыкаясь о чужие конечности. Мануэль решил, что будет стоять, а чтобы не привлекать всеобщего внимания, прислонился к стене, поближе к выходу, в надежде на порцию свежего воздуха. Правда, платой за это был суровый взгляд охранника.

Луго встретил Мануэля серым небом, словно тягостная атмосфера зала ожидания распространилась на весь город. Пасмурная и прохладная погода – температура едва поднялась до двадцати градусов – разительно отличалась от знойных солнечных дней, ознаменовавших начало сентября в Мадриде. Как будто бы писатель оказался в романе, автор которого применил литературный прием, чтобы создать печальную и гнетущую атмосферу.

Аэропорта в Луго не было. Мануэль сначала хотел прилететь в ближайший город, Сантьяго-де-Компостела, и взять там машину напрокат. Но чутье подсказывало, что он изведется, сперва ожидая рейса, а затем сидя без дела в салоне самолета. Самым сложным было отыскать в шкафу, где висела их с Альваро одежда, небольшую дорожную сумку, куда писатель впопыхах побросал самое, на его взгляд, необходимое. Правда, позже выяснилось, что он набрал с собой кучу ненужной одежды и забыл почти все, что следовало взять. Вспомнившая последние минуты, проведенные дома, Мануэль думал, что это скорее походило на побег. Он быстро проверил, какие рейсы вылетают из Мадрида, в спешке собрался, намеренно избегая смотреть в сторону комода, на их совместный с Альваро снимок. Фотографию, которая теперь стояла у него перед глазами, сделал их общий друг в прошлом году, когда они ездили на рыбалку: Мануэль задумчиво смотрел на серебряную поверхность моря, а Альваро, подтянутый, с темно-русыми, сияющими в лучах солнца волосами, любовался своим партнером с одному ему свойственной таинственной улыбкой. Фотографию вставили в рамку, и писатель не мог на нее наглядеться. Она, кажется, отражала самую его сущность: человек, упускающий драгоценные моменты жизни, которые больше не повторятся. Краткий миг, запечатленный камерой, подтверждал подозрения Мануэля: он почти никогда не живет настоящим. Сейчас это было для него равносильно приговору.

В зале ожидания время, казалось, остановилось – в противовес той спешке, с какой писатель собирался в путь, словно минута промедления могла что-то изменить. Мануэль, как зомби, бродил по дому, заглядывая в каждую комнату, отмечая, что все вещи его партнера на месте, словно он и сам по-прежнему здесь: книги по фотографии, лежащие на столе альбомы для набросков, висящий на спинке стула старый, с потертыми рукавами линялый свитер, который Альваро носил дома и отказывался выбрасывать. Писатель с изумлением рассматривал их, словно со смертью дорогого ему человека эти предметы тоже должны были исчезнуть, просто испариться. Он бросил быстрый взгляд на письменный стол и машинально взял с него бумажник, мобильник и зарядное устройство. Удивительнее всего была уверенность, что он не сохранил проделанную с утра работу над романом – тот самый удачно написанный кусок. Затем Мануэль ввел в навигатор название ужасного города, куда ему предстояло отправиться. Почти пятьсот километров до пункта назначения он преодолел меньше чем за четыре с половиной часа, в молчаливой задумчивости, которую нарушали только беспрестанные звонки Мей. Но

писатель решил не брать трубку. Он не мог вспомнить, везде ли выключил свет, уезжая из дома...

Мануэль слышал чьи-то рыдания: какой-то мужчина уткнулся в грудь, по-видимому, жены, и что-то бормотал. Писатель почувствовал себя неуютно. Он наблюдал, как женщина с усталым лицом гладила затылок мужа, и рассматривал других людей: кто-то поджал губы, а кто-то глубоко дышал и сопел, словно ребенок, пытающийся превозмочь боль.

Мануэль не плакал и не понимал, нормально ли это. Был всего один момент, когда он едва не разрыдался: как только ушли гвардейцы, очертания комнат начали расплываться перед глазами. Но, чтобы плакать, надо быть живым человеком. Или хотя бы реагировать на что-то. А дом писателя превратился в ледяную пустыню, которая частично заморозила и сердце в его груди. Как бы ему хотелось, чтобы этот арктический вихрь, захвативший его жилище, добрался и до мышц, которые приводили в действие безустанно работающий мотор, казавшийся теперь бесполезным! Кровообращение замедлилось бы, погружая Мануэля в летаргический сон, настолько глубокий, что даже не слышать медленного стука сердца. Все лучше, чем жизнь, в которой больше вопросов, чем ответов.

Около стойки появились два человека в безупречно сшитых костюмах. Один остановился чуть поодаль, а другой что-то говорил охраннику, но так тихо, что тот вынужден был наклониться, чтобы расслышать. Бюститель порядка, не скрывая интереса к вновь прибывшим посетителям, кивнул и указал на зал ожидания. Говоривший с охранником обменялся несколькими словами со спутником, и оба направились в сторону сидящих на стульях людей.

– Мануэль Ортигоса?

Манера держаться и дорогие костюмы привлекли внимание всех находящихся в зале. Мануэль кивнул и одновременно подумал, что для врачей или стражей порядка эти посетители слишком уж хорошо одеты.

Тот, кто назвал имя писателя, протянул ему руку.

– Меня зовут Эухенио Доваль, а это – Адольфо Гриньян.

Гриньян тоже обменялся с Мануэлем рукопожатием.

– Мы можем поговорить?

«Да, точно не врачи», – подумал писатель и сделал жест рукой в сторону зала ожидания, предлагая пройти туда. Игнорируя удивленные взгляды окружающих, Гриньян поднял глаза и уставился на желтое пятно, которое занимало большую часть потолка.

– Боже, только не здесь... Сожалею, что не могли приехать раньше и вам пришлось в одиночку проходить эту неприятную процедуру. Вас кто-нибудь сопровождает? – спросил Адольфо, хотя, по-видимому, и так знал, что нет.

Мануэль покачал головой. Гриньян снова перевел взгляд на пятно на потолке.

– Идемте.

– Но мне сказали ждать здесь, – возразил писатель.

– Не волнуйтесь, мы отойдем недалеко. К тому же будем говорить о том, что вам следовало бы знать, – успокаивающим тоном пояснил Доваль.

Перспектива получить ответы хоть на какие-то вопросы одержала верх, и Мануэль вышел из зала за своими спутниками, чувствуя на себе взгляды измученных ожиданием людей. Наверное, им интересно, кто эти новоприбывшие. Трое мужчин молча прошли мимо охранника, который не сводил с них глаз, и направились в другой конец коридора, где находилась небольшая зона отдыха и автоматы с кофе и прохладительными напитками. Доваль сделал жест рукой в сторону их подсвеченных витрин.

– Хотите чего-нибудь выпить?

Мануэль покачал головой и обернулся, бросив встревоженный взгляд на зал ожидания. Гриньян подошел и встал напротив него.

– Я юрист, помогал вашему супругу вести дела. Кроме того, я его душеприказчик. – Адольфо говорил это с таким видом, будто перечислял полученные на войне награды.

Писатель не знал, как реагировать, и просто смотрел на Гриньяна, сохранявшего невозмутимый вид. Затем повернулся к Довалю, надеясь, что тот, может быть, объяснит, в чем дело, или хотя бы даст знак, что это шутка.

– Понимаю, для вас это неожиданно, – продолжал Гриньян. – Поскольку я занимался делами дон-Альваро, я в курсе, кем вы ему приходитесь.

– Что вы хотите сказать? – подозрительно спросил Мануэль.

Юриста такая реакция не удивила.

– Я знаю, что вы уже долгое время женаты, а до этого жили вместе. И все же собираюсь сообщить кое-что, о чем вы понятия не имели.

Писатель вздохнул и воинственно скрестил руки на груди. Сегодня определенно не самый удачный день. Он еще как-то держался, получив известие о смерти Альваро, но растерял остатки самообладания во время разговора с Мей. И все же ради шанса пролить свет на то, почему тело Альваро сейчас лежит на металлическом столе в этом богом забытом месте, он готов еще немного потерпеть. Мануэль бросил взгляд на зал ожидания, на охранника, который по-прежнему не сводил с них глаз, а затем снова посмотрел на своих спутников.

– Вы можете объяснить мне, почему Альваро оказался здесь? Куда он ехал ночью?

Гриньян бросил взгляд на Довалю, который подошел и с печальным выражением на лице встал рядом.

– Дело в том, что Альваро здесь родился и тут живет его семья. Мы не знаем, куда он направлялся, когда попал в аварию, но, как сообщили вам гвардейцы, других автомобилей замечено не было. Похоже, сеньор де Давила уснул за рулем. Жаль, такой молодой, всего сорок четыре года... Приятный парень, мне он очень нравился.

Мануэль смутно помнил, что когда-то видел место рождения в документах Альваро. Вот только название ему ничего не говорило и никогда не упоминалось вслух. Да и с чего бы? Когда они познакомились, партнер ясно дал понять: родные не одобряют его сексуальную ориентацию, поэтому, как и многие в подобной ситуации, перебравшись в Мадрид, Альваро оборвал все связи с прошлым и начал жизнь с нуля.

– Но я полагал, что муж в Барселоне. Что он делал здесь? Насколько мне известно, он много лет не поддерживал связь с семьей.

– Вот именно, насколько вам известно... – пробормотал Гриньян.

– Что вы хотите сказать?! – возмущенно воскликнул писатель.

– Послушайте, Мануэль... Я могу вас так называть? Я всегда советую клиентам ничего не утаивать, особенно от супругов, ведь именно с ними мы проводим больше всего времени и в том числе делим невзгоды. То же самое я говорил и Альваро. Не мне судить, почему он решил поступить именно так, а не иначе. Моя задача – сообщить вам определенную информацию, и я прекрасно понимаю: то, что я скажу, вас не обрадует. Но это мой долг. Я дал своему клиенту обещание и выполню его. – Адольфо сделал театральную паузу, а потом продолжил: – Последние три года Альваро Муньис де Давила был маркизом де Санто Томе, с тех пор как умер его отец, прежний маркиз. Это один из самых древних титулов в Галисии. Родовое имение семейства находится в нескольких километрах от того места, где произошло ДТП. И хотя я не знал, что Альваро здесь, уверяю вас: он навещался часто и не пренебрегал своими обязанностями.

Изумление Мануэля росло и наконец достигло наивысшей точки. Он не удержался от насмешливой ухмылки.

– Вы меня разыгрываете!

– Уверяю, что каждое сказанное мной слово – правда. Если сомневаетесь, я представлю доказательства.

Писателю сделалось не по себе. Он повернулся и посмотрел на охранника, затем снова перевел взгляд на Гриньяна.

– Значит, вы заявляете, что Альваро – аристократ? Как там, маркиз? Обладатель родового поместья и кучи родственников, о которых я и слыхом не слыхивал? Вы еще скажите, что у него есть жена и дети! – Голос Мануэля был полон сарказма.

Его собеседник, протестуя, вскинул руки.

– Нет, помилуй боже! Как я уже сказал, Альваро унаследовал титул отца, скончавшегося три года назад. Именно тогда мы и познакомились. Вы должны понимать, что дворянский титул связан с серьезными обязательствами и ваш супруг всего лишь выполнял свой долг.

Писатель нахмурился. В висках начинало стучать, и Мануэль прижал ко лбу холодные как лед пальцы, пытаясь сдержать поднимающуюся волну головной боли.

– Гвардейцы сказали, что тело опознал кто-то из родственников.

– Да, Сантьяго, средний брат. Альваро был старшим. Франсиско, младший, умер вскоре после кончины отца: впал в глубокую депрессию и, по-видимому, баловался наркотиками. Итогом стала передозировка. На долю этой семьи в последние годы выпало немало испытаний. Мать вашего супруга еще жива, но очень слаба.

Мигрень усиливалась.

– Невероятно... Как он мог так долго скрывать от меня все это? – прошептал Мануэль, не обращаясь ни к кому конкретно.

Доваль и Гриньян обменялись грустными взглядами.

– Боюсь, у меня нет ответа на вопрос, почему Альваро поступил именно так. Но он оставил совершенно четкие распоряжения на случай своей кончины. Как ни печально, теперь мне придется их выполнить.

– Что вы хотите сказать? Неужели мой муж подозревал, что может умереть? Прошу, выражайтесь яснее. Войдите в мое положение: после новости, что у Альваро есть родственники, о которых мне ничего не известно, я совершенно сбит с толку.

Гриньян сочувственно кивнул:

– Мануэль, я понимаю, что вам сейчас невероятно тяжело. Я всего лишь хотел сообщить, что Альваро изложил свою последнюю волю в завещании. В этом нет ничего необычного: так принято среди людей, занимающих столь высокое положение. Первую версию документа мы составили, когда сеньор де Давила получил титул. С тех пор пришлось несколько раз вносить поправки в связи с семейными делами. Альваро оставил точные инструкции на случай своей кончины. Разумеется, в установленный срок завещание будет оглашено и вступит в силу – в приписке сказано, что сделать это необходимо в течение трех месяцев. А в ближайшие сутки я должен прочесть составленное покойным письмо с пояснениями, чтобы наследники понимали, чего ожидать.

Испытывая неприятное сочетание замешательства и бессилия, Мануэль уставился в пол.

– Полагаю, у вас не было времени подумать об отеле, поэтому мы взяли на себя смелость забронировать для вас номер. Завтра родные Альваро соберутся в моем офисе, чтобы ознакомиться с содержанием письма. Мы придем за вами машину. Послезавтра сеньора де Давилу похоронят на семейном кладбище в родовом имении Ас Грилейрас.

Голова Мануэля была готова разлететься на куски.

– Почему там? Кто так распорядился? Моего мнения никто не спрашивал. А следовало бы, или вам так не кажется? – Мануэль повысил голос, и ему уже было плевать, что охранник может услышать.

– Это семейная традиция... – начал объяснять Доваль.

– К черту традиции! Что его родственники о себе возомнили? Я муж или кто?

– Сеньор Ортигоса... Мануэль, – примирительно сказал Гриньян. – Такова воля покойного. Альваро хотел, чтобы его похоронили на семейном кладбище.

Двери за спиной Гриньяна и его помощника неожиданно распахнулись. Все трое повернули головы. Снова двое гвардейцев, на этот раз оба мужчины. Один совсем юнец, второму за пятьдесят. Молодой весьма тощий, а тот, что постарше, – какая-то пародия на служителя закона: ростом метр шестьдесят пять и с внушительным животом, который не могла скрыть идеально отутюженная униформа. Вероятно, раньше требования к внешнему виду были не такими жесткими. Сегодня подобный кандидат точно провалил бы вступительные экзамены в Гвардейскую академию. Красовавшиеся над верхней губой усы лишь усугубляли впечатление: в них проглядывало множество седых волосков, как и на висках и бакенбардах, форма которых говорила о том, что парикмахер безнадежно застрял в прошлом и по-прежнему работает опасной бритвой.

Полный гвардеец бросил пренебрежительный взгляд на дорогие костюмы Доваля и Гриньяна и представился:

– Лейтенант Ногейра. Вы родственники сеньора Альваро Муньиса де Давилы?

Последняя фраза прозвучала скорее как утверждение, чем как вопрос.

– Мы его доверенные лица, – ответил Гриньян и протянул гвардейцу руку, которую Ногейра проигнорировал. Тогда юрист указал на писателя: – А это – Мануэль Ортигоса, супруг покойного.

Лейтенант даже не попытался скрыть удивления.

– Супруг? Вон того?.. – Он указал большим пальцем себе за спину, а затем многозначительно посмотрел на молодого коллегу. Тот усиленно искал в блокноте чистую страницу, и Ногейра не получил ожидаемой поддержки, что, впрочем, никак не повлияло на его настрой. Гвардеец пробормотал: – Только этого не хватало...

– Вас что-то не устраивает? – с вызовом спросил Мануэль.

Лейтенант снова посмотрел на своего спутника. Тот, не совсем понимая, в чем проблема, просто пожал плечами.

– Успокойтесь, единственный, кого что-то не устраивало, сейчас лежит на металлическом столе морга, – примирительно сказал гвардеец. Юристы отреагировали на это замечание презрительными взглядами. – Я должен задать вам несколько вопросов.

Мануэль кивнул, прожигая собеседника взглядом.

– Когда вы в последний раз видели сеньора де Давилу?

– Позавчера, во второй половине дня. Он уезжал из Мадрида, где мы живем, по делам.

– Мадрид, значит... – повторил Ногейра, следя за тем, чтобы его юный напарник делал заметки в блокноте. – А когда вы в последний раз общались?

– Вчера ночью, в районе часа. Альваро позвонил, и мы поговорили минут десять-пятнадцать.

– Вчера ночью... Ваш супруг сообщил, где находится или куда направляется?

Писатель немного помедлил, прежде чем ответить.

– Нет. Я и не предполагал, что он здесь. Думал, у него встреча с клиентом в Барселоне. Альваро – специалист по рекламе... то есть был специалистом по рекламе, разрабатывал кампанию для сети отелей...

– С клиентом...

Манера повторять слова казалась Мануэлю нахальной и оскорбительной. Хотя он понимал: злость вызвана не столько высокомерным тоном гвардейца, сколько тем фактом, что Ортигоса вынужден публично признаваться, что его водили за нос.

– И о чем вы говорили с сеньором де Давилой?

– Ни о чем конкретно. Альваро сказал, что устал и хочет поскорее вернуться домой...

– Может, он нервничал? Был раздражен или сердит?

– Нет...

– Или поссорился с кем-то?

– Нет.

– У вашего... супруга были враги? Кто-то желал ему зла?

Мануэль растерянно посмотрел на юристов.

– Нет. Не знаю. По крайней мере, мне об этом неизвестно. – Он почувствовал, как на него накатывает апатия. – К чему все эти вопросы?

– Неизвестно... – повторил лейтенант.

– Вы сообразовали ответить? Зачем расспрашивать, были ли у Альваро враги? Или вы полагаете, что...

– Кто-нибудь может подтвердить, что вчера в час ночи вы действительно были в Мадриде?

– Я уже говорил: мы жили вдвоем, а Альваро, как я полагал, находился в Барселоне. Вчера я не покидал квартиру и никого не приглашал к себе, так что свидетелей у меня нет. Хотя ваши коллеги, сообщившие мне печальные новости, точно знают, что утром я был дома. Почему это вас интересует?

– Сегодня у нас есть возможность определить точное местоположение абонента в момент звонка с погрешностью до ста метров. Вы об этом знаете?

– Это просто прекрасно, но я не понимаю, зачем вы мне это говорите. Что происходит? Ваши коллеги сообщили, что Альваро заснул за рулем и вылетел с трассы, а других автомобилей поблизости не было. – В тоне Мануэля звучало отчаяние. Гвардеец не отвечал на его вопросы, а лишь задавал все новые, и это просто сводило с ума.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я писатель.

Ногейра склонил голову набок и слегка улыбнулся:

– Милое хобби... А зарабатываете-то чем?

– Я только что сказал, что пишу книги. – Ортигоса начал терять терпение. Господи, ну и идиот этот лейтенант!

– Пишете, значит... – повторил гвардеец. – Назовите марку и цвет вашего автомобиля.

– Синий «БМВ». Вы считаете, что в смерти Альваро есть нечто подозрительное?

Прежде чем ответить, Ногейра дождался, пока его юный коллега не закончит писать.

– Когда происходит ДТП и есть погибшие, судья назначает вскрытие лишь в том случае, если в деле не все кажется очевидным. На задней части автомобиля вашего супруга обнаружили небольшую вмятину со следами краски другого транспортного средства и...

Двери за спиной лейтенанта распахнулись, оборвав его на полуслове, и появился еще один гвардеец.

– Ногейра, ты что творишь?

Прибывшие ранее стражи порядка вытянулись по струнке.

– Капитан, это Мануэль Ортигоса, родственник покойного, только что приехал из Мадрида. Я брал у него показания.

Старший по званию шагнул вперед и протянул руку.

– Сеньор Ортигоса, соболезную вашей утрате и приношу извинения за беспокойство, которое доставил вам лейтенант Ногейра, проявив неуместное рвение. – Капитан метнул на подчиненного быстрый, полный упрека взгляд. – Как вас уже проинформировали наши коллеги, нет никаких сомнений в том, что произошел именно несчастный случай. Других автомобилей на дороге не было.

Широкоплечая фигура говорившего почти закрывала обзор, однако от Мануэля не ускользнуло выражение досады, появившееся на лице полного гвардейца.

– Но лейтенант только что сказал, что тело не привезли бы сюда, будь все предельно ясно...

– Ногейра впал в заблуждение. – На этот раз капитан даже не удостоил взглядом своего коллегу. – Место выбрано из уважения к родным покойного. Эту семью знают во всей округе.

– А вскрытие будет?

– Для этого нет оснований.

– Я могу увидеть тело? – умоляющим тоном произнес Мануэль.

– Разумеется, – ответил капитан. – Я вас провожу.

Он положил руку на плечо писателя и, легонько подталкивая, повел его мимо группы из четырех мужчин к распашным дверям.

* * *

Номер отеля был оформлен в светлых тонах. Штук шесть подушек занимали почти половину кровати. Горела и люстра, и лампы на тумбочках, заливая комнату слепящей белизной и создавая ощущение, граничащее с нереальностью. Все та же ледяная пустыня, дыхание которой Мануэль почувствовал еще утром дома, растянулась на пятьсот километров, до самого Луго, где пасмурное небо дало короткую передышку глазам. Мир стал казаться картинкой из калейдоскопа, состоящей из сотни кусочков, каждый из которых размывал и искажал реальность.

Писатель погасил почти все лампы, снял обувь и, исследовав скудные запасы мини-бара, позвонил в ресторан и заказал бутылку виски. От него не ускользнуло ни недовольство в голосе официанта, получившего отказ на предложение выбрать что-нибудь из меню, ни внимательный взгляд, которым служащий отеля окинул номер, когда принес выпивку: опыт подсказывал ему, что от такого гостя можно ожидать проблем.

Юрист настоял на том, чтобы доставить Мануэля в отель, и по дороге без устали пытался заполнить все возникшие пустоты и пробелы, сообщая неизвестные донине факты из жизни Альваро. Гриньян не оставлял писателя и у стойки администратора, пока Доваль решал связанные с заселением вопросы. Затем все трое направились к дверям лифта. Только тогда Адольфо, видимо, понял, что сеньор Ортигоса без сил и мечтает остаться в одиночестве, и юристы откланялись.

Мануэль плеснул в стакан двойную порцию янтарной жидкости и добрал до кровати. Он не стал расправлять ее, только пристроил подушки вдоль спинки, облокотился на них и выпил виски двумя большими глотками, словно микстуру от кашля. Снова встал, вернулся к столу, налил новую порцию. Хотел было лечь, но решил, что стоит захватить с собой бутылку. Взялся за кровать, зажмурил глаза и выругался. Даже сквозь закрытые веки зрачки обжигало сияние ледяной пустыни, яркое и бесформенное, словно некая магическая эктоплазма.

В сознании шла борьба: желанию обдумать случившееся противостояла твердая уверенность, что делать этого не стоит. Писатель снова наполнил стакан и опустошил его столь поспешно, что организм едва не выплеснул все обратно. Затем закрыл глаза. Сияние чуть ослабло, наступило облегчение. Зато теперь в мозгу начали раздаваться обрывки сегодняшних разговоров, смешиваясь с воспоминаниями и десятками мельчайших деталей, которые в свое время остались незамеченными. Или едва замеченными, но лишь сейчас кусочки мозаики начали складываться в единую картину. Три года назад умер отец Альваро. А вскоре и его младший брат...

Именно три года назад, в сентябре, писатель решил, что его жизнь кончена, что он потерял мужа навсегда. Мануэль живо помнил каждую минуту: изменившееся лицо Альваро, свидетельствующее о том, что произошло непоправимое; притворно-спокойный тон, когда партнер сообщил, что должен уехать на несколько дней; сдержанность, с которой тот аккуратно складывал вещи в чемодан.

– Куда ты едешь?

Ответом на каждый вопрос была тишина, печать горя на лице и отсутствующий взгляд. Человек, которого писатель считал своей второй половинкой, исчез. И ни мольбы, ни требования, ни угрозы не могли этого изменить. Уже в дверях Альваро обернулся.

– Мануэль, я никогда ни о чем тебя не просил. Но сейчас ты должен мне верить. Веришь?

Ортигоса кивнул, понимая, что сделал это слишком поспешно, что ответ недостаточно искренний. Не безоговорочное «да». Но что еще оставалось делать? Его любимый человек уезжает, исчезает, словно песок, утекающий сквозь пальцы. В тот момент писатель был уверен лишь в одном: Альваро ни в коем случае не передумает. А раз так, оставалось принять это и надеяться, что их отношения, основанные на свободе и доверии, все же не разрушены.

Альваро вышел из дома с небольшим чемоданом, а Мануэль остался в эпицентре разрывающих его эмоций: беспокойства, страха, уверенности, что партнер не вернется. Он погрузился в мучительные размышления, пытаясь понять, что сделал не так, определить, какой фактор нарушил равновесие в их жизни. Писатель остро ощутил все восемь лет разницы в возрасте и проклинал неспособность вовремя понять, что мир вокруг рушится, свою одержимость книгами и стремление к уединенной жизни. Видимо, для тех, кто моложе и симпатичнее, этого недостаточно...

Альваро отсутствовал пять дней. Он звонил всего несколько раз, разговаривал недолго и отделывался туманными объяснениями, напоминая о том, что Мануэль должен ему верить.

Сомнения стали благодатной почвой для отчаяния и страданий. Неприятные эмоции смеялись друг друга, и писатель чувствовал себя совершенно беззащитным. А ведь он думал, что после смерти сестры ему уже не придется пережить подобное... На четвертый день безутешный Мануэль не находил в себе сил отойти от телефона и был уже на той стадии отчаяния, когда жертва готова подставить голову под топор палача. Ответив на звонок, он явно услышал нотки мольбы в своем голосе.

– Ты говорил, два дня... Прошло уже четыре...

Альваро вздохнул:

– Случилось нечто непредвиденное, и ситуация усложнилась.

Писатель набрался смелости и прошептал в трубку:

– Ты вернешься? Скажи мне правду.

– Разумеется.

– Уверен? – Мануэль решил поставить на карту все, прекрасно понимая, что может проиграть. – Если дело в том, что мы в официальном браке...

На другом конце провода Альваро набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул. Свидетельство крайней усталости. Или раздражения? Или досады из-за того, что приходится заниматься решением скучных и неприятных вопросов?

– Я вернусь, потому что мой дом в Мадриде. Я люблю тебя, Мануэль, и хочу быть с тобой. И отдал бы все, чтобы сейчас оказаться в нашей квартире. То, что произошло, не имеет к тебе никакого отношения.

В голосе Альваро сквозило такое отчаяние, что писатель ему поверил.

Источник иссяк

Однажды утром в середине сентября Альваро вернулся домой, но еще долгое время не был похож на самого себя. Словно прежний он остался где-то в другом месте, а самолет принес обратно лишь пустую бездушную оболочку без дыхания и сердцебиения. И все же Мануэль молча благодарил судьбу.

Ни объяснений, ни извинений. Ни слова о том, что происходило в течение этих пяти дней. В первую ночь Альваро сказал:

– Спасибо, что доверяешь мне.

И Мануэль понял, что так и не узнает, почему ему пришлось пройти через этот ад. Он безропотно принял этот факт, чувствуя благодарность и облегчение. К своему стыду, писатель забыл про унижения и ощущал эйфорию, словно приговоренный к смерти, получивший помилование. Он продолжал молча благодарить судьбу за такое чудо, радуясь, что мучившие его в последние дни желудочные колики исчезли. Правда, на смену им пришла тошнота – она теперь возникала всякий раз, стоило им с Альваро расстаться, и сопровождалась приступами паники. Прошло несколько месяцев, прежде чем все прекратилось, и за это время Мануэль не написал ни слова.

Часто, когда Альваро спал или смотрел телевизор, Ортигоса потихоньку наблюдал за ним в поисках признаков измены. Отношения с другим человеком всегда оставляют едва заметный, но неизгладимый след. Ревность – первобытное чувство. Писатели извели море чернил, рассказывая, как сомнения и терзания ослепляют людей. Вот и Мануэль упорно искал то, что, как он знал, разобьет ему сердце. И находил.

Альваро был несчастен и сильно опечален – до такой степени, что даже не мог этого скрыть. Он начал возвращаться с работы раньше и несколько раз просил Мей провести презентацию вместо него, если нужно было ехать за пределы города. Отклонял предложения Мануэля сходить в кино или поужинать в ресторане, ссылаясь на усталость. И тот не настаивал – ведь Альваро и впрямь выглядел измотанным, даже выжатым, словно тащил на своих плечах все мировые проблемы или пытался справиться с давящим чувством вины.

Начались телефонные звонки. У Альваро было заведено, что отвечать можно всегда, но только не за обедом или ужином: это время они полностью посвящали друг другу. Но он начал выходить из комнаты, чтобы поговорить. И, несмотря на явное недовольство, которое ему с трудом удавалось скрыть в такие моменты, Мануэля терзали сомнения. Он не мог спать по ночам. Превратился в параноика, высматривая малейшие признаки, которые могли бы свидетельствовать о неверности партнера, анализируя каждый жест, изучая выражение его лица. Альваро не охладел к нему и не демонстрировал большей привязанности – и то и другое показалось бы подозрительным. Раскаяние часто сопровождается попытками загладить свою вину. Но в данном случае ничего похожего не наблюдалось. Иногда Альваро уезжал, но проводил вне дома не больше одной ночи, за исключением тех моментов, когда Мануэль настаивал:

– Не нужно изматывать себя, ты слишком долго пробудешь за рулем. Переночуй там, а завтра вернешься.

Когда партнера не было в городе, писатель завел обыкновение отправляться на прогулки – длинные и изматывающие, длившиеся порой весь день. И все для того, чтобы не помчаться за Альваро и внезапно не очутиться в том далеком городе, куда тот уехал. Это помогало Мануэлю справиться с агонией и дожидаться того момента, когда можно будет обнять его при встрече, хотя порой такие объятия напоминали скорее удушающий захват. Со стороны казалось, что жизнь идет своим чередом и ничто не нарушает ее привычного порядка. Альваро даже пытался веселиться, хотя улыбка у него выходила жалкая и грустная, зато наполненная какой-то особой

нежностью. И писатель воодушевлялся, узнавая того, кого любил, и приходил к выводу, что партнер его не бросит. Уверенности хватало на несколько дней.

Появилась лишь одна перемена в поведении мужа, и Мануэль не знал, что думать по этому поводу. Он заметил, что после возвращения Альваро стал частенько наблюдать за ним: когда писатель смотрел в книгу, не понимая, что читает, или делал вид, что работает. Партнер не сводил с него глаз и улыбался с видом понимающего и мудрого человека. Если Ортигоса начинал задавать вопросы, Альваро молча качал головой, а потом вдруг заключал его в объятия, сжимая с такой силой, с какой утопающий цепляется за проплывающее мимо бревно. Подобные внезапные порывы заставляли сердце замирать и прогоняли сомнения прочь. Хотя избавиться от них полностью писателю так и не удавалось.

* * *

Прекратить страдать – это волевое решение. Редактор звонил все чаще. Отговорки – плохое самочувствие, простуда, визит к врачу – уже не помогали. Совесть не позволяла продолжать врать, пришлось браться за работу. Через несколько месяцев пока еще сырой текст обещал превратиться в его лучший роман, который быстро раскупят.

С детских лет чтение было для Мануэля спасением. Они с сестрой рано лишились родителей и долгое время жили с престарелой тетушкой. Когда сестра достигла совершеннолетия, то стала его опекуном и переехала в отчий дом, что все эти годы стоял пустой. Чтение служило крепостью, сидя в которой будущий писатель защищался от все громче кричащих сексуальных инстинктов, – впрочем, эту борьбу он проиграл. А также щитом, за которым прятался скромный молодой человек, и способом завязать отношения.

Но труд писателя стал для него чем-то куда более важным: роскошным дворцом с тайниками, великолепными залами и бесконечными неисследованными анфиладами комнат. Мануэль бегал по нему босиком, смеясь и останавливаясь, чтобы прикоснуться к прекрасным сокровищам, хранившимся внутри.

Ортигоса закончил учебу с отличными отметками, и его пригласили преподавать историю Испании в один из престижных университетов Мадрида. Ни в студенческие годы, ни во время непродолжительной карьеры педагога у него не возникало желания писать. Лишь боль утраты способна подтолкнуть к творчеству.

Страдать можно по-разному. Одни плачут и стенают, не стесняясь проявлять свои чувства; другие запирают боль внутри. Во втором случае эмоции куда интенсивнее. Мануэль был уверен, что уже изведal всю глубину скорби: острое ощущение несправедливости после смерти родителей, одиночество, мрачные воспоминания из детства, жалость окружающих, обрушившаяся на осиротевших малышей, мучающие его страхи... Каждую ночь мальчик в панике просыпался и цеплялся за сестру, заставляя ее обещать, что они никогда не расстанутся, что страдания – это плата за неуязвимость... Он прекрасно понимал, что они оба в какой-то степени поверили в это. Дети выросли, и убеждение, что ничего плохого больше не случится и впереди их ждет только счастье, крепло. Иногда Мануэль воображал, что он – единственный оставшийся в живых солдат, герой-победитель. Он уверовал в то, что смерть родителей стала последней каплей выпавших на их долю страданий, словно существовал некий предел, который нельзя превышать, и все это фиксировалось в какой-то волшебной книге. Но судьба распорядилась иначе и, когда Ортигоса вырос, нанесла удар в самое уязвимое место.

За несколько дней до смерти сестра сказала ему:

– Прости, что подвела тебя. Я всегда считала, что в нашей связке слабое звено – ты и если мне придется страдать, то по твоей вине. Но вышло все наоборот.

– Не говори так! – воскликнул Мануэль, заливаясь слезами.

Он громко рыдал и не слышал, что ответила сестра. Та терпеливо ждала, пока он успокоится, затем поманила его. Брат наклонился, и растрескавшиеся губы коснулись его щеки.

– Поэтому ты должен забыть меня, когда я уйду. Не думай обо мне, не мучай себя воспоминаниями. Если я закрываю глаза, то снова вижу того шестилетнего рыдающего мальчика: он растерян, напуган и не может успокоиться. И я боюсь, что ты опять превратишься в него, как только меня не станет. В детстве ты не давал мне спать, а теперь не позволишь упокоиться с миром.

Мануэль отпрянул, желая высвободиться из объятий: он знал, что сейчас услышит. Но было поздно – сестра крепко вцепилась в него худыми длинными пальцами.

– Обещай, что не будешь страдать. Не хочу быть твоим слабым местом. И никому не позволяй им стать.

И он торжественно пообещал, словно принял присягу. Когда ее не стало, огромное гнездящееся внутри горе не подало голоса.

* * *

Мануэля часто спрашивали, почему он взялся за перо. У него на этот случай была заготовлена парочка более-менее правдоподобных ответов: желание общаться, сделать свой вклад в жизнь других людей. На самом деле причина крылась совершенно в другом. Творчество позволяло сдерживать данное обещание, заключить перемирие со скорбью и снова вернуться во дворец – единственное место, куда был запрещен вход страданиям. Писатель не мог сказать, что принял это решение в какой-то определенный момент. Оно не стало результатом долгих раздумий или закономерным итогом давно лелеемых желаний. Мануэль никогда не мечтал о такой профессии, пока однажды не положил перед собой чистый лист и не начал заполнять его словами. Они изливались на бумагу, словно вода из волшебного источника, который неизвестно где находится и как выглядит, потому что постоянно преображается: то напоминает бурную поверхность Северного моря, то глубокую синь Марианской впадины, то элегантный фонтан в мавританском стиле на залитом солнцем патио в Андалусии. Единственное, что точно знал писатель, – это чудо, породившее целую серию книг, живет в его сознании, там же, где и дворец. Мануэль мог прийти туда, если пожелает, и погрузиться в искрящийся водоворот счастья, вдохновляющий его творить дальше.

Когда продажи первого романа дошли до таких показателей, после которых все начинают ждать продолжения, Ортигоса попросил руководство университета предоставить ему двухгодичный отпуск. Все решили, что к преподавательской работе он больше не вернется, хотя вслух этого не говорили. В связи с уходом Мануэля его коллеги организовали праздник. Они быстро забыли, сколько неудобств доставили учебному заведению десятки статей и фотографий в воскресных газетах и культурных обзорах, повествующих о юном педагоге, чей роман стал самым популярным бестселлером. К писателю подходили поодиночке и группами, желали удачи или предостерегали, к каким ужасным последствиям может привести провал на новом поприще и как жесток мир издателей, в котором никто из присутствовавших никогда не бывал, да и не пытался попасть. Их сфера – преподавательская работа, безопасное теплое место, где Мануэля всегда будут ждать с распростертыми объятиями. Ведь он непременно вернется, после того как побалуется с самым коварным литературным жанром: романом.

Чувствовать боль или нет – сознательное решение. Писатель знал, что обманывает себя, утверждая, что не может работать, так как скорбь слишком глубока и не позволяет настроиться на творчество. Это заявление совершенно не соответствовало истинному положению дел. Дворец стал для Мануэля местом расплаты за грехи, убежищем, где можно залечить раны. Три года назад, сомневаясь, верен ли ему Альваро, Ортигоса упорно отказывался возвращаться в свое таинственное пристанище и из-за этого глупого упрямства чах, словно ангел, изгнанный

из рая. Измученная душа, изможденное и израненное тело... В какие-то моменты писатель пытался остановить сочащуюся кровь, но тут же снова возвращался к самобичеванию, опять погружаясь в страдания.

Решения всегда приходится принимать быстро. Редактор становился все настойчивей, спрашивая, когда будет закончен роман, требуя обозначить хотя бы приблизительные сроки. Шли месяцы, и угроза, существовавшая лишь в сознании Мануэля, не проявлялась. Жизнь шла своим чередом. Альваро был рядом и снова начал улыбаться. Печаль постепенно растворялась в повседневной рутине. Загадочные телефонные звонки прекратились. Писатель был уверен: то, что произошло и грозило разрушить его жизнь, уже позади. Он вернулся в свой дворец и принялся за работу.

Фэншуй

Когда-то в одной из книг по фэншуй Мануэль прочитал, что нельзя размещать зеркало напротив кровати. Дизайнер, обставлявший отель, очевидно, не был знаком с этим принципом. Несмотря на тусклое освещение, писатель видел свое отражение. Он никак не мог расслабиться; не помогал ни ворох подушек, ни виски. Человек в зеркале выглядел скованным и напряженным. Бледное лицо, руки, сжимающие на груди почти пустой стакан, – в точности покойник, выставленный на похоронах. Перед глазами Мануэля встал образ Альваро, лежащего на секционном столе.

Смерть настолько изменила его облик, что в первую минуту писатель его не узнал и чуть было не сказал об этом стоявшему позади гвардейцу. Сотрудник морга, смущенный присутствием представителей власти, откинул простыню, аккуратно подвернул ее и отошел в сторону.

Лицо Альваро напоминало блестящую и желтоватую восковую маску – возможно, из-за освещения. Мануэль растерянно смотрел на труп, ощущая присутствие капитана и не зная, что делать. Он хотел было спросить, можно ли трогать покойного, но не смог выдать ни слова. Любимый человек превратился в какую-то жалкую копию самого себя, знакомый образ растворялся. Писатель делал над собой усилие, чтобы не отводить взгляд. Он знал, что мозг упрямо противится принять тот факт, что Альваро больше нет. Восприятие исказилось, цельная картина не складывалась, зато отдельные детали выступали и резали глаз. Например, зачесанные назад мокрые волосы. Кто их намочил? На загнутых ресницах повисли капельки воды, склеив их. Бледные губы слегка приоткрыты. Над левой бровью небольшой порез – края чистые, но слишком темные. И всё. Чудовищное ощущение нереальности происходящего усилилось. Мануэль чувствовал себя бесстрастным наблюдателем. Стало трудно дышать, хотелось плакать. Он знал, что преграды, сдерживающие рыдания внутри, уже трещат и скоро рухнут, дав выход горю. Но слез не было. Писатель пришел в отчаяние, чувствуя себя выброшенной из воды рыбой, которая жадно хватает воздух ртом. Ему теперь некуда идти. Хотелось раствориться, умереть – но он просто неподвижно стоял, не в силах найти ключ и открыть темницу, где томилось его горе.

Мануэль заметил, что из-под простыни выглядывает кисть Альваро с сильными загорелыми пальцами. Руки покойников не меняются. Полуоткрытая, словно заснувшая, ладонь хранила следы нежности. Писатель дотронулся до нее и почувствовал пронизывающий холод, поднимающийся от секционного стола, заморозивший тело. И все же это рука Альваро, дарившая тепло и любовь. Кожа на тыльной стороне была нежной, в отличие от неожиданно мозолистых ладоней. Мануэль даже дразнил его: «Ты единственный маркетолог, у которого руки как у дровосека». Он поднес пальцы к губам и почувствовал, что сдерживавшие скорбь стены рухнули и рассыпались на тысячу кусков, которые ни за что не собрать в одно целое. Отчаяние, словно грязевая лавина, пронеслось, сметая все на своем пути и обнажая грани души. Писатель поцеловал ледяные пальцы и заметил светлую полоску на том месте, где Альваро много лет носил обручальное кольцо.

Мануэль повернулся к сотруднику морга.

– А где кольцо?

– Простите? – Санитар подошел поближе.

– Мой муж носил обручальное кольцо.

– Нет, сеньор. Я обязательно все проверяю, прежде чем с телом начнет работать патологоанатом. Ювелирных изделий не было, только часы. Они в пакете с вещами. Хотите взглянуть?

Писатель осторожно положил руку Альваро на стол и накрыл простыней, чтобы больше не видеть ее.

– Нет.

Он прошел мимо мужчин и вышел из зала.

* * *

Мануэль плеснул себе еще виски, поднял стакан к губам, но запах алкоголя вызвал отвращение. Он опустил руку и посмотрел на отражение в зеркале поверх стеклянных краев бокала.

– Зачем?

Человек за гладкой поверхностью молчал, хотя писатель и так знал ответ.

Три года назад. Смерть отца и брата Альваро, печаль, странные звонки, заставлявшие мужа выходить из комнаты... Пять дней в аду, возвращение пустой оболочки, тошнота, бессонница, отсутствие вдохновения в течение месяцев... Сплошное притворство, потому что он по глупости дал обещание и не мог добиваться правды. Мануэль снова поднял стакан и, спеша опередить приступ тошноты, быстро опорожнил его, посмотрел в зеркало и произнес:

– Ты мне веришь?

Ответом был презрительный взгляд. Писатель швырнул стакан, и гладкая поверхность вместе с его отражением с грохотом разлетелась на кучу осколков.

Минут через пять в дверь постучали. Надо что-то придумать. Он недостаточно пьян. Не настолько, чтобы сразу сознаться в случившемся и немедленно раскаться. Тогда его тут же попросят покинуть отель. Оставив бутылку, придумывая на ходу благовидный предлог и проклиная всех, кто сегодня так настойчиво и бесцеремонно добивался аудиенции с ним, Мануэль направился к двери и слегка приоткрыл ее – ровно настолько, чтобы видеть дежурного по этажу и администратора, но не дать им заглянуть внутрь.

– Доброй ночи. У вас всё в порядке, сеньор?

Писатель уверенно кивнул. Все-таки пять звезд – это не шутки.

– Постояльцы из соседнего номера пожаловались на шум.

Ортигоса с виноватым видом поджал губы:

– Да, боюсь, мы немного не ладили с зеркалом. Оно висело не по фэншуй, – на ходу придумал он и в тот же момент понял, что перебрал алкоголя.

– Не по фэншуй? – хором воскликнули сотрудники отеля.

– Да, есть такое восточное учение. Предметы интерьера должны быть расставлены определенным образом, чтобы в доме царила гармония.

Писатель с самым серьезным видом смотрел на администратора и дежурного, которые глядели на него в полном изумлении. Надо сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться.

– Я не мог заснуть. Зеркало застопорило поток энергии, а это очень вредно, знаете ли. Удивлен, что в отеле такого уровня номер обставлен не по фэншуй. Я хотел сделать небольшую перестановку, чтобы жизненные силы могли свободно циркулировать, но... Ничего страшного, я все возмещу; включите дополнительные затраты в мой счет.

– Разумеется. – Администратор кивнул, но вид у него был недружелюбный.

– Если позволите, я пришлю уборщицу, – сказал дежурный, делая шаг к двери. Мануэль продолжал держать ее слегка приоткрытой.

– Послушайте, я очень устал и уже ложился спать...

– Вы ногу порезали, – ответил дежурный, указывая вниз.

Писатель опустил глаза и увидел, что из пятки сочится кровь, оставляя следы на ковролине.

– Что ж, тогда обработаю рану и лягу спать.

– Вы испачкали покрытие, – добавил администратор.

– Значит, заплачу и за него, – резко ответил Мануэль.

– Конечно.

Писатель захлопнул дверь перед носом у служащих и включил верхний свет, чтобы осмотреть номер. От кучи осколков в изножье кровати и до выхода из комнаты тянулась цепочка окровавленных следов от босых ног Мануэля, а на том месте, где раньше висело зеркало, осталась только темная рама.

– Вот тебе и фэншуй, – пробормотал писатель. – Черт!

Его скрутил сильный приступ тошноты. Размахивая руками, он поспешил в ванную, поскользнулся на собственной крови, подвернул лодыжку и рухнул на плиточный пол. Его вырвало.

Игра

Когда они познакомились с Альваро, Мануэлю было 37 лет, а из-под его пера вышло уже шесть книг. Он рекламировал свой роман «Цена отречения», раздавая автографы на мадридской книжной ярмарке, длившейся с конца мая до середины июня.

В первый раз Ортигоса даже не обратил внимания на молодого человека. Мануэль подписал ему книгу в субботу утром. Когда в середине дня Альваро появился вновь, автор открыл роман на привычном месте, чтобы оставить росчерк, и удивился:

– У вас же уже есть мой автограф!

Молодой человек улыбнулся и промолчал. Писатель присмотрелся к нему повнимательней: возраст около тридцати, достаточно длинные каштановые волосы, озорные, как у мальчишки, глаза, вежливая улыбка, спокойная манера держаться. Мануэль протянул ему руку, ощутил крепкое пожатие и не услышал, а скорее увидел, как губы Альваро произнесли: «Спасибо»; звук потонул в шуме громкоговорителей и болтовне ожидающих в очереди нетерпеливых поклонников. В воскресенье молодой человек снова появился. Писатель удивленно посмотрел на него, но промолчал. Когда Альваро вернулся в обед и опять подал раскрытую книгу, Мануэль заподозрил неладное. Наверное, это розыгрыш и его незаметно снимают. С серьезным видом он оставил автограф и протянул роман юноше, пристально вглядываясь в его лицо.

Ортигоса перемещался между стендами разных книжных магазинов, и Альваро неизменно находил его, появляясь со своим экземпляром романа под мышкой. Писатель сначала удивлялся, потом недоумевал, а затем игра стала его забавлять. Он втянулся и с интересом ждал, появится ли молодой человек снова. Выходные закончились, и в течение рабочей недели Мануэль периодически вспоминал о настырном поклоннике, но к субботе и думать о нем забыл.

Когда Альваро снова оказался перед ним, писатель не смог сдержать изумления:

– Зачем вы это делаете?

– Хочу получить автограф, – спокойно ответил молодой человек.

– Но я уже подписывал вашу книгу, – возразил сбитый с толку Мануэль. – Раз пять.

Альваро наклонился так близко, что его губы коснулись волос Ортигосы, и тихо сказал, чтобы не слышали стоящие в очереди люди:

– А я вот взял и вернулся. Так что придется сделать это еще раз.

Сбитый с толку писатель отпрянул, внимательно всматриваясь в лицо молодого человека и пытаясь припомнить, не встречались ли они раньше.

– Ты... – Мануэль заглянул в книгу и прочитал собственный автограф, – Альваро?

Тот кивнул и ушел с очередным трофеем, явно довольный собой.

Ортигоса не был затворником. Да, он поклялся, что не пустит никого в свое сердце, чтобы не испытать горечь утраты снова, но на постель это не распространялось. Время от времени он проводил с кем-то ночь, не заводя серьезных отношений и не съезжаясь.

На следующий день Мануэль написал в книге Альваро свой номер телефона. Звонка он так и не дождался и всю неделю строил догадки: возможно, молодой человек почувствовал себя оскорбленным, или вообще не взглянул на страницу, или все это просто игра. Писатель не мог выкинуть настойчивого поклонника из головы и с трудом дождался субботы. Сессия началась в полдень и длилась до двух часов. Подходили читатели, Ортигоса раздавал автографы и позировал для снимков, которые ему не суждено было увидеть. Оставалось всего несколько минут до закрытия, когда он поднял глаза и заметил Альваро. Сердце замерло, писателю с трудом удавалось скрывать волнение. Он решил, что нужно что-то сказать, пригласить молодого человека выпить кофе или пива прямо на ярмарке, в одном из переполненных баров. Но

когда тот подошел к столу, Мануэль не мог вымолвить ни слова и просто смотрел на него. На поклоннике была белая рубашка, и подвернутые рукава лишь подчеркивали загар и мускулы. Ортигоса взял книгу, не спеша нашел нужную страницу и увидел собственноручно написанный номер телефона и ниже четкий и уверенный почерк Альваро: «Не сейчас».

Не беспокоясь о том, что их могут услышать, Мануэль поднял глаза и с тоской спросил: – А когда?

Тот промолчал. Чувствуя себя раздавленным, Ортигоса нацарапал очередной автограф и вернул роман, пытаясь скрыть досаду и разочарование. Игры всегда влекли его. Напряжение и ожидание обостряли чувства и усиливали удовольствие, требуя выдержки китайского монаха, отчего Мануэль получал особое наслаждение. Но поведение Альваро сбивало с толку; невозможно было понять, хочет ли молодой человек развивать отношения дальше. Он просто появлялся утром и днем, терпеливо стоял в очереди, как и все остальные, с единственной, как казалось, целью: получить автограф.

Ортигоса перестал ломать голову над этой загадкой. Все выходные он подписывал книгу юноши – каждый раз на новой странице – и протягивал ее с неизменной улыбкой, точно такой же, какую дарил всем читателям, решив, что больше не позволит заманить себя в ловушку. Мануэль подумал, что Альваро либо безобидный ярый фанат, либо коллекционирует автографы.

Последние дни работы ярмарки пришлось на выходные в середине июня. Центральная аллея парка Буэн-Ретиро была запружена посетителями. С утра и до обеда субботы Ортигоса работал на стенде, но молодой человек так и не появился. К концу автограф-сессии Мануэль решил, что больше его не увидит, и почувствовал внутри неприятную пустоту. Издательство организовало праздничный обед в соседнем ресторанчике, но писатель едва притронулся к еде, прислушиваясь к разговорам, большая часть которых сводилась к описанию забавных случаев, произошедших во время мероприятия. Подошла агент по связям с общественностью.

– Мануэль, ты выглядишь неважно. Переутомился? Ты каждые выходные сюда приезжал. – Она достала толстую пачку листов. – Сейчас тебе нужно отправляться к стенду книжного магазина Ли. Но если ты плохо себя чувствуешь, я принесу им извинения. Они милые люди и всё поймут. Это последняя сессия, народу должно быть мало.

Писатель побрел к палатке, в которой из-за июньской жары стояла невыносимая духота. Владельцы магазина подняли полог в задней части в надежде на освежающий сквозняк – увы, напрасно. Но даже палящее солнце было не в силах разогнать посетителей. Шумная толпа перемещалась между стендами, словно огромное живое существо, еще сильнее разогревая воздух. К восьми часам стало так многолюдно, что яблоку негде было упасть. Час спустя почти все разошлись. Вместо покупателей появились бригады рабочих: они разбирали палатки и увозили на грузовиках торговые автоматы. На этот раз торговцы не опустили металлические рольставни на стендах, а достали кучу картонных коробок и начали упаковывать всё, что брали с собой на ярмарку.

Мануэль еще какое-то время послонялся, прощаясь с довольными организаторами: продажи били все рекорды третий год подряд. Наконец у него не осталось повода задерживаться. Писатель отошел от палаток и разыскал свободную лавочку, откуда мог наблюдать за центральной аллеей и рабочими, разбирающими конструкции.

Рядом опустил Альваро.

– Я боялся, что не успею, – сказал он с извиняющейся улыбкой. – Хорошо, что ты еще здесь.

Сердце Мануэля забилося так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Он не был уверен, что сможет произнести хоть слово.

– Я жду своего агента, – соврал писатель.

Молодой человек наклонил голову и посмотрел ему прямо в глаза.

- Она ушла вместе с другими авторами. Я встретил ее, когда входил в парк. Ортигоса медленно кивнул и улыбнулся:
- Верно.
- Тогда почему ты еще здесь? – В глазах юноши по-прежнему сверкал озорной огонек. Точно такой же Мануэль увидит позже, когда будет смотреть детские фотографии Альваро.
- Сказать по правде, надеялся увидеть тебя.
- Тогда дашь автограф? – И молодой человек снова протянул книгу. Писатель с улыбкой посмотрел на него. Ну вот, приехали. И чего этот парень добивается?
- Буду просить, пока не напишешь новый роман не хуже этого.

Ступор

Офис юриста занимал целый этаж солидного здания в центре города. Как и обещал Гриньян, Мануэля ждал автомобиль, хотя до места назначения было совсем недалеко. Доваль проводил посетителя в небольшую комнату, примыкавшую к внушительных размеров переговорной, и принес кофе и булочки. Писатель без особого желания хлебал коричневую жидкость, а к выпечке не притронулся. От одной мысли о еде становилось плохо, хотя в последний раз Ортигоса ел позавчера за завтраком, до того как появились лейтенант с сержантом, чтобы сообщить ему худшую в мире новость.

Писатель встал и слегка охнул, когда вес тела пришелся на поврежденную ногу. Порез был неглубоким, но шел через всю пятку. Несомненно, Мануэль поранился, наступив на один из длинных острых осколков, в которые превратил зеркало. Лодыжка немного побаливала, когда писатель проснулся, но после душа успокоилась – правда, давала о себе знать при ходьбе. Хорошо хоть похмелья нет. Одна пожилая дама, уча Ортигосу пить, говорила:

– Виски – отличное топливо для писателя: не мешает думать, пока ты пьян, и не вызывает похмелья. Так что на следующий день уже можно творить.

Жаль, что мудрая женщина не дала совет насчет желудка. После того как Мануэль накануне дотащился до кровати, ему пришлось еще пару раз бегать в ванную, и он ощущал себя так, будто его вывернули наизнанку. Проснувшись, Ортигоса чувствовал себя сносно, но едва попытался встать, как организм тут же дал понять, что в крови еще порядочно алкоголя.

В соседней комнате двигали стулья. Мануэль подошел к разделявшим помещения стеклянным дверям и увидел, что Гриньян беспокойно осматривает переговорную с таким видом, словно туда вместо кресел принесли гробы. Нервозность совершенно не вязалась с бывлой обходительностью юриста. Адольфо заметил своего гостя, улыбнулся и подошел к нему.

– Сеньор Ортигоса, вы выглядите просто кошмарно.

Это откровенное и попавшее в самую точку замечание несколько развеселило писателя.

– Пожалуйста, зовите меня Мануэль.

– Сегодня утром я звонил в отель, хотел узнать, как вы провели ночь. И мне рассказали, что произошло недоразумение.

Ортигоса открыл было рот, чтобы все объяснить, но юрист не дал ему такой возможности:

– Простите, это моя вина. Я должен был догадаться, что, с учетом обстоятельств, вас будет мучить бессонница, что совершенно неудивительно. Моя жена, врач, передала вам вот это. – И Гриньян протянул небольшую металлическую коробочку. – Правда, сначала она просила меня удостовериться, что у вас нет проблем с артериальным давлением и сердечной деятельностью.

Ортигоса, покачивая головой, взял упаковку, открыл ее и понял, что супруга юриста проявила осторожность не только в отношении его физического состояния: внутри оказалось всего две таблетки. Что ж, разбитым зеркалам свойственно вызывать подобные подозрения.

– Выпейте их вечером – и будете спать как младенец. И не беспокойтесь, что доставили хлопоты отелю. Директор – мой клиент, я его пару раз выручал. Так что мы всё уладим.

Доставил хлопоты... Мануэль целый час собирал осколки, которые свалил в углу в кучу, извел всю туалетную бумагу, чтобы убрать следы рвоты, и испортил полотенце, когда с неистовым рвением пытался оттереть бурые пятна на ковролине с помощью геля для душа. Впрочем, безуспешно – только еще больше все размазал. Приняв ванну и побрившись, писатель нашел наименее измятую из рубашек – он так и не вытащил их из сумки, куда запихивал одежду накануне утром, хотя казалось, что тысячу лет назад. Окно в номере Ортигоса оставил открытым, надеясь выветрить въедливый запах рвоты. Будто беглец, он поспешно пересек вестибюль отеля, благодаря бога пьяниц, что не встретил на пути дежурившего вчера администратора. Его место за стойкой занимала девушка. Но она беседовала с вновь прибывшими клиентами и

адресовала Мануэлю только стандартное «доброе утро». Писатель сухо ответил на ее приветствие и торопливо пошел к ожидавшей его машине.

Адольфо закрыл дверь в большую переговорную.

– Думаю, вам пока лучше подождать здесь. Довольно встретит близких родственников. Жалюзи опустим, и те нас не увидят. Когда все рассядутся, вы зайдете, и мы начнем. Полагаю, это оптимальный вариант.

Юрист включил небольшую настольную лампу, бросил на Мануэля беспокойный взгляд, присел рядом и озабоченным тоном сказал:

– Вы должны понять: все это неожиданно не только для вас, но и для родственников Альваро. Причем им еще тяжелее. Одно дело, узнать, что сеньор де Давила состоял с вами в отношениях, и совсем другое – что вы были женаты.

– Понимаю.

Гриньян покачал головой.

– Семейство Альваро принадлежит к старинному и, без сомнения, наиболее уважаемому роду в Галисии и очень дорожит своей репутацией. Старый маркиз, отец вашего супруга, был непримирим в этом вопросе и ставил фамильную честь превыше всего. Без исключений. – Последние слова юрист произнес с особым нажимом. – Он не мог смириться с гомосексуальностью Альваро, хотя и понимал, что титул перейдет к сыну. Маркиз долго болел, но запрещал сообщать об этом сеньору де Давиле вплоть до своей смерти. Теперь вы представляете себе, с какими людьми придется иметь дело.

– Раз отец настолько презирал старшего сына, почему не отдал титул другому отпрыску? Тому, к кому он перейдет сейчас, например?

– Если б Альваро лишили наследства, разразился бы скандал, а маркиз считал это невыносимым. Его можно понять... Впрочем, скоро вы лично познакомитесь с родственниками супруга. – Гриньян выключил настольную лампу, встал и направился к стеклянной двери. – Идемте. Я всего лишь хотел предупредить, что эти люди сделаны из совсем другого теста.

– Хотите сказать, они отнесутся ко мне враждебно?

– Враждебно? Нет. Скорее обдадут вас ледяным холодом. Как вода и масло, которые не смешиваются, родственники Альваро держатся особняком. Вы уж не обессудьте, ничего личного. – Адольфо заглянул в переговорную, раздвинув ламели жалюзи. – Когда ваш супруг вступил в права наследования, он с первого дня сделал меня своим поверенным. Моя фирма оказывает юридическую и административную поддержку в делах, а также предлагает услуги опытного бухгалтера, который следит за правильностью оформления документов, уплатой налогов и регистрацией сделок. Отец Альваро сотрудничал не со мной, а со старым другом семьи, который и управлял всеми делами. Время от времени они обращались ко мне за советом по поводу особняка и сельскохозяйственных угодий. Неоднократно я занимался и личными делами этого семейства. Но каждый раз возникает ощущение, что я для них не больше, чем слуга. Кто-то вроде лакея, знаете ли. Вот так они относятся к окружающим.

– Альваро тоже был таким?

Гриньян оглянулся и посмотрел на Мануэля.

– Нет, конечно. Альваро – бизнесмен, состоятельный человек, который всего добился сам. Он не витал в облаках и предлагал разные идеи, касающиеся ведения дел. Я не всегда их понимал, но результаты при этом были исключительные. За три года семейство де Давила стало нашим самым крупным клиентом. Надеюсь, так будет и дальше. – Юрист довольно улыбнулся, заглянул в переговорную и поманил писателя.

Мануэль с досадой вздохнул и подошел поближе.

В комнате рассаживались разные люди. Болезненного вида женщина за семьдесят вошла в сопровождении мужчины, который, без сомнения, был братом Альваро: более низкий и коре-

настый и не со столь тонкими чертами лица, но с точно такими же каштановыми волосами и зелеными глазами. Его правая рука висела на перевязи.

– Старуха – это мать Альваро, а ее сопровождающий, как вы, наверное, догадались, его брат, новый маркиз. Женщина рядом с ними – его жена Катарина. Она из семьи аристократов, которая переживает непростые времена и едва сумела сохранить поместье. Но род знатный.

В переговорную вбежал мальчик лет трех, а за ним появилась молодая женщина – очень худая и очень красивая. Ребенок обогнул стулья и обхватил за ноги брата Альваро. Тот поднял смеющегося сорванца в воздух. Старуха бросила недовольный взгляд на женщину, которая ответила улыбкой.

– Это Элиса, невеста Франсиско, младшего брата. Она работала моделью или кем-то в этом роде, а малыша зовут Самуэль, он пока единственный наследник. – Гриньян сделал жест рукой в сторону Катарины, которая с умилением смотрела на супруга. Тот, не обращая внимания на негодующее лицо матери, щекотал мальчика, который хохотал и извивался. – Фран и Элиса не успели пожениться. С тех пор как младшего сына не стало, его невеста с ребенком живет вместе с остальными в родовом поместье.

– Они знают, что я здесь?

– Учитывая обстоятельства, я был вынужден сообщить о вашем существовании, точно так же, как и рассказать вам о семье Альваро. Но его родственники не знают, зачем вы здесь.

– Меня и самого очень интересует этот вопрос.

– Скоро все прояснится, – ответил Гриньян. Он заглянул в комнату, увидел, что Доваль уже занял место за столом, лицом к присутствующим, и отворил дверь. – Итак, все в сборе. Можем начинать.

Мануэль сел на стул, оставленный для него юристом у задней стены. Оттуда оказалось удобно рассматривать родственников Альваро, не находясь при этом у всех на виду. Писатель был благодарен Адольфо за такую возможность, хотя все равно к горлу подкатила тошнота, а ладони вспотели. Ортигоса безуспешно попытался вытереть их о брюки, в очередной раз задаваясь вопросом, зачем он здесь. Как отреагируют эти люди, когда он посмотрит им в глаза?

Не говоря ни слова, Гриньян прошел между рядами стульев и с важным видом встал у стола.

– Первым делом мы с сеньором Довалем хотим выразить глубочайшее сожаление по поводу этой ужасной утраты, примите наши соболезнования. – Юрист сделал паузу и аккуратно сел, тогда как его помощник открыл внушительного вида кожаную папку и достал большой конверт. – Как вам известно, я поверенный дона Альваро Муньиса де Давилы, маркиза де Санто Томе, и его душеприказчик.

Он достал из конверта пачку документов.

– Сегодня я собрал вас всех, чтобы огласить последнюю волю покойного, прежде чем приступить к выполнению инструкций, изложенных в завещании. Как я уже говорил, учитывая множество объектов, которые составляют наследство маркиза, потребуется определенное время, чтобы распорядиться имуществом. Документ, что я собираюсь зачитать, не имеет той же юридической силы, что и завещание, но в нем изложена важная информация. Вы поймете, какова была воля покойного. Он хотел, чтобы содержание письма стало известно сразу после его смерти. – Гриньян надел очки, которые лежали на столе, оглядел присутствующих, ожидая, не будет ли возражений, и продолжил: – Прежде чем приступить к чтению, хочу сообщить о том, что может быть вам неизвестно. Вы находились в неведении по поводу того, как обстояли семейные дела после смерти прежнего маркиза. Череда опрометчивых решений и инвестиций повлекла за собой существенное уменьшение состояния, а просроченные обязательства по кредитам и займам едва не привели к тому, что все имущество, включая родовое имение Ас Грилейрас, летний домик в Аросе и виноградники и винодельня в Рибейра Сакра, ушло с молотка.

Старуха с недовольным видом откашлялась:

– Не стоит вдаваться в детали. Все мы знаем, что нам оставил в наследство мой покойный супруг, – с раздражением сказала она и бросила недовольный взгляд на малыша. Тот сидел на слишком высоком для него стуле и со скуки болтал ногами.

Гриньян кивнул, глядя на маркизу поверх очков.

– Прекрасно. В течение последних трех лет дон Альваро совершил невероятное и рискнул собственным состоянием – вопреки моим советам, должен признаться, – чтобы предотвратить готовую разразиться катастрофу. Он выкупил все долги и погасил их, договорившись с кредиторами о новых условиях, привлек к управлению делами профессионалов. Сегодня у вашей семьи нет обременений. Сеньор де Давила позаботился о том, чтобы всем его родственникам выплачивалось ежемесячное содержание, которое вы будете получать и дальше. Кроме того, часть денег отложена на обучение маленького Самуэля. – Юрист сделал паузу. – Я должен был рассказать об этом, чтобы вы понимали, что дон Альваро расплатился с долгами, используя личные средства.

Старуха и новый маркиз закивали головами.

– В результате вся недвижимость стала личной собственностью сеньора де Давилы.

Мать и сын обменялись взглядами. В комнате повисло напряжение.

– Что это значит? – спросил брат Альваро.

– Это значит, что земли и здания, находившиеся в залоге у банков и кредиторов, стали личной собственностью покойного маркиза.

– Понятно. И что с того?

– Полагаю, вам стоит помнить об этом, пока я зачитываю последнюю волю сеньора де Давилы. Письмо очень короткое, и к нему прилагается список с указанием размеров содержания и завещательных даров – если желаете, мы вернемся к нему позже. Основной же текст гласит: «Единственным наследником всего принадлежащего мне имущества объявляю своего любимого мужа, Мануэля Ортигосу Мартина». – Гриньян помолчал. – Это всё.

Несколько секунд в переговорной царил мертвая тишина. Затем юрист поднял руку со скрученными в трубку листами бумаги и указал на писателя. Все обернулись и уставились на него. Мальчик начал аплодировать. Старуха встала, подошла к малышу и ударила его.

– Научи этого ребенка вести себя как подобает, иначе он закончит так же, как его отец, – прошипела она, обращаясь к молодой женщине. А затем, не говоря ни слова, покинула комнату. Малыш громко зарыдал, и смущенная Элиса поскорее взяла его на руки. Брат Альваро встал, забрал у нее ребенка, обнял его и поцеловал в покрасневшую щеку.

– Я очень сожалею, – сказал маркиз, не обращаясь ни к кому конкретно. – Прошу прощения за матушку. Она немного не в себе.

И вышел из комнаты, унося рыдающего мальчика. Его жена с побледневшим лицом последовала за ними. Покинула переговорную и Элиса – она единственная попрощалась. У Мануэля было такое чувство, что только что на его глазах произошло нечто экстраординарное.

Гриньян снял очки, посмотрел на писателя и громко вздохнул. Ортигосу вдруг озарило.

– Так вот зачем я здесь!

Юрист кивнул.

* * *

Писатель вернулся в отель. В вестибюле к нему подлетел человек, представившийся директором, протянул руку и рассыпался в извинениях за нерадивого дизайнера, разместившего зеркало напротив кровати. А также предложил Мануэлю воспользоваться услугами врача, который осмотрит пострадавшую ногу – разумеется, за счет гостиницы, – и переехать в люкс. Ортигосу с трудом отделался от этого человека, хлопчущего по поводу раны, о которой писа-

тель почти забыл, и поднялся в номер, где не было уже ни осколков, ни едкого запаха рвоты, ни, казалось бы, невыводимых пятен крови.

Возвращаясь от Гриньяна, писатель отказался от машины и предпочел прогуляться, несмотря на пасмурное, затянутое дождевыми тучами небо, чтобы обдумать то, что сообщил ему юрист.

На прощанье Адольфо сказал:

– Как я предупреждал, это семейство держится особняком. Пусть вас не пугает их реакция: в подобной ситуации вряд ли можно ожидать иного. Мое сообщение сильно удивило родственников Альваро, особенно информация о финансах, ведь сеньор де Давила почти ничего не рассказывал своим родным. – Юрист склонил голову набок и задумался. – Вероятнее всего, тот факт, что от семейного состояния ничего не осталось, волнует только вдовствующую маркизу, хотя благодаря «выдающимся способностям» своего мужа она половину жизни провела в такой ситуации. Остальные члены семьи не доставят хлопот. Ваш супруг быстро понял: если у них будет возможность вести привычный образ жизни, все останутся довольны. Поэтому обеспечил их весьма щедрыми суммами. Разумеется, он учел и затраты на содержание родового имения Ас Грилейрас и летнего домика в Аросе.

Гриньян передал документы терпеливо ожидающему Довалю, который сложил бумаги в папку, прошел сквозь ряды стульев и сел подле Мануэля.

– Тот факт, что сеньор де Давила был женат, стал полной неожиданностью для его родственников. Когда они оправятся от потрясения, то поймут: завещать все свое состояние супругу было вполне логичным поступком. Особенно учитывая, что Альваро привлек собственные средства, чтобы привести дела в порядок. Семейные долги он погасил за счет накоплений, которые стали результатом его блестящей работы в сфере рекламы. Любой, у кого есть хоть немного мозгов, понимает: все, что сеньор де Давила заработал, будучи в браке, по праву принадлежит его второй половине. Разумеется, родственникам вашего супруга должно быть крайне неприятно находиться в финансовой зависимости от совершенно чужого – с их точки зрения – человека. Но они смирятся с этим, как смирились с тем, что старый маркиз оставил бизнес и имущество Альваро, хотя все полагали, что наследником будет другой сын. Возможно, Сантьяго несколько расстроен, что получил лишь титул без состояния, но проблем он вам не доставит, это я гарантирую. Он не проявлял ни малейшего интереса к делам. Именно поэтому отец и остановил свой выбор на старшем сыне.

– Похоже, у этого семейства полно денег, – неуверенно сказал Мануэль.

– Теперь уже не у них, а у вас, – напомнил юрист.

– Я имею в виду, что не всегда знатность идет рука об руку с богатством. Как они нажили состояние? Чем занимался старый маркиз?

– Как я уже говорил, это один из самых древних и уважаемых родов Галисии, чья история насчитывает несколько веков. И с самого начала его представители были приближены к церкви. Семья владеет множеством земель, а также весьма внушительной коллекцией предметов искусства.

– Типичная картина для испанской знати, – заметил Мануэль. – Не желают расставаться со своими сокровищами. А обширные владения между Луго и Оренсе принесут больше затрат, чем доходов, если ими неумело управлять.

Гриньян был впечатлен:

– Я и забыл, что вы увлекаетесь историей... Многие дворянские семьи действительно оказываются в затруднительном финансовом положении именно по этим причинам. Но в молодости отцу Альваро невероятно везло в делах. Он владел сельскохозяйственными землями, заключал арендные соглашения, получал проценты. Жаль, что старый граф не сумел сохранить состояние, которое так стремительно нажил.

Мануэль с интересом взглянул на юриста: для человека его положения говорить подобное рискованно, хотя намек был понятен.

– В сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы, при Франко... – Гриньян едва заметно кивнул, и писатель продолжал: – ...дворянам, которые сохранили верность находящейся в ссылке королевской семье, приходилось туго.

– Маркизу удалось сколотить немалое состояние, но времена изменились. История стара как мир: неумеренные траты, неудачные сделки, азартные игры... Ходили слухи, что у отца Альваро были любовницы, которым он покупал роскошные квартиры в Ла-Корунье⁶. И хотя в делах не везло, маркиз не был дураком и умудрялся делать так, что его родные продолжали вести привычный образ жизни. Знакомая картина для аристократов, верно?

Мануэль вспомнил, как родственники Альваро отреагировали на содержание письма.

– Полагаю, Сантьяго чувствует себя оскорбленным.

Юрист пренебрежительно махнул рукой.

– Родитель знал, что у среднего сына нет деловой хватки, и, как рассказывают, нередко подвергал его публичным унижениям. Да, старый маркиз не мог смириться с гомосексуальностью вашего супруга, но он понимал, что никто лучше его не позаботится о семье, ведь Альваро был куда более талантливым бизнесменом, чем все остальные, вместе взятые. Как я уже сказал, во главе угла стояла одержимость фамильной честью, что означало необходимость вести привычный образ жизни. И для этого годились любые способы, даже передача наследства старшему сыну. Старый лис знал, что делает. За три года Альваро не только привел в порядок семейные финансы, но и превратил рискованные сельскохозяйственные и винодельческие операции в прибыльные.

Мануэль в изумлении покачал головой и сказал, обращаясь скорее к себе, чем к Гриньяну:

– Я одного не понимаю: как Альваро умудрялся заниматься этим, проживая в Мадриде?

– По большей части по телефону. Он точно знал, какие шаги нужно предпринять. С моей помощью была сформирована команда профессионалов из числа тех, с кем мы постоянно сотрудничаем, для оказания юридической и административной помощи. Все точно знали, что нужно делать. А если требовалось принять важное решение, только я мог связаться с вашим супругом по телефону. Больше ни у кого не было его номера.

– А как же родственники? – спросил писатель, указывая на пустые стулья.

– С ним контактировал только я. Альваро с самого начала совершенно четко обозначил свои условия.

Добродушное лицо Гриньяна слегка омрачилось, и Мануэль хотел спросить, в чем дело, но юрист поднялся на ноги.

– Хватит на сегодня. Водитель доставит вас в отель. Примите таблетки, вам нужно отдохнуть. Завтра я заеду за вами, чтобы отвезти на похороны. А потом поговорим. Но поверьте: для родственников вашего супруга стало огромным облегчением то, что заниматься делами им не придется. Никто из них не проявлял ни малейшего интереса к бизнесу и не трудился ни единого дня в своей жизни – если не считать работой выращивание гардений, охоту и верховую езду.

Ортигоса вышел из офиса Гриньяна на улицу в надежде немного проветриться, но вместо этого его пронзил осенний холод. Писатель неожиданно почувствовал себя усталым и голодным. Тусклый свет, проникавший сквозь облака, отчего-то резал глаза; не отпускало сиротливое чувство человека, оказавшегося в одиночестве в чужом негостеприимном городе. Мануэль

⁶ *Ла-Корунья* – самая богатая провинция региона (автономного сообщества) Галисия, крайняя северо-западная провинция Испании, а также столица этой провинции.

поспешил укрыться от раздражающей белизны дня и просыпающегося в сознании хора голосов.

Он выпил переданные юристом таблетки, затем разделся, глядя из окна номера на фасады стоящих на другой стороне улицы зданий – их заливал все тот же безжалостный серый свет, поглощая все детали. Ортигоса задернул шторы, лег в постель и практически мгновенно отключился.

Ему приснился безутешно рыдающий малыш лет шести. Этот плач разбудил Мануэля. В сумерках понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, где он находится. Затем писатель снова провалился в забытие, а когда пробудился, в комнате было уже совсем темно. Ортигоса позвонил в ресторан и заказал обильный ужин, с которым разделался за просмотром вечерних новостей. Затем снова лег в постель и заснул. В следующий раз он открыл глаза в пять утра и увидел Клинта Иствуда, который целился в него с экрана сложенными в форме пистолета пальцами. Выглядело это весьма устрашающе.

В голове прояснилось. Впервые с того момента, как красавица сержант сообщила Мануэлю ужасные новости, растерянность и вялость, превращавшие его в безвольную куклу, исчезли. Сводящие с ума голоса наконец умолкли, им на смену пришло привычное спокойствие. Его ясный, уравновешенный разум не мог подолгу выносить шум и беспорядок. Писатель внезапно осознал, что остался в полном одиночестве. Он вздохнул, огляделся по сторонам и прошептал, обращаясь к самому себе:

– Что ты здесь делаешь?

Риторический вопрос. Иствуд прожигал его суровым взглядом, который говорил: «Убирайся отсюда, тебе не нужны проблемы».

– Ну и пожалуйста, – громко ответил Мануэль.

Ему понадобилось сорок минут, чтобы принять душ, побриться и покинуть вещи в сумку. Затем писатель устроился перед телевизором и стал терпеливо ждать. В семь утра он взял в руки телефон: со вчерашнего дня мобильник стоял на беззвучном режиме, но сейчас пора позвонить Гриньяну. На экране появилось уведомление о сорока трех пропущенных вызовах, и все от Мей. И почти сразу сотовый ожил, завибрировав в руке. Мануэль не хотел отвечать на звонок, но подозревал, что секретарь не сдастся. Ощущая навалившуюся усталость, он нажал кнопку «ответить» и молча прижал аппарат к уху. Мей сразу же начала рыдать.

– Мне так жаль! Ты даже не представляешь, как я себя чувствую. Худшие два дня в моей жизни. Я любила Альваро, ты это знаешь...

Писатель закрыл глаза и слушал, не произнося ни слова.

– Ты имеешь полное право злиться на меня, но пойми, я делала то, что велел начальник. Он сказал, что это для твоего же блага.

– Для моего блага?! – взорвался Мануэль. – Поэтому вы лгали? Странные люди! Ты и сейчас считаешь, что мне от этого лучше?

Мей на другом конце провода завывала еще громче:

– Прости! Прости меня! Если я могу хоть что-то сделать...

Ее униженные извинения лишь еще больше разозлили писателя. Он вскочил на ноги, не в силах сдерживать ярость.

– Да, у тебя есть все основания, чтобы раскаиваться! Вы двое разрушили мою жизнь – и прошлое и настоящее. Все, во что я верил, оказалось нагромождением лжи. Меня держали за дурака. Надеюсь, вы теперь довольны!

– Нет! – простонала Мей сквозь рыдания. – Конечно нет! Альваро тебя любил, и я тоже, мы хотели сделать как лучше... Он лишь хотел уберечь тебя.

– Уберечь? От чего? Каким еще враньем ты собираешься меня потчевать? – Мануэль вспомнил, где находится, и в отчаянии потер лоб. Затем произнес почти шепотом: – Я встречался с родственниками Альваро. На двухголовых монстров они не похожи, детей не едят.

Всего лишь кучка растерянных и изумленных людей, чувствующих себя в точности как я. Так что не понимаю, зачем он заварил эту кашу, ничего не объясняя, скрываясь и ведя двойную жизнь, как истинный испанский аристократ!

– Аристократ? Что ты такое говоришь? – Судя по голосу, Мей и впрямь была крайне удивлена.

– Ты не в курсе? Странно... Альваро родом из дворянской семьи. Он маркиз.

– Не знаю, что ты себе вообразил, но я впервые об этом слышу. Три года назад шеф сообщил, что его отец умер и теперь придется руководить семейным бизнесом, чем и занимался, когда приезжал в офис. Альваро сказал, что его родственники – ужасные люди и он ограничивает общение с ними лишь деловыми вопросами. И что они пойдут на все, чтобы разрушить вашу жизнь, поэтому ты не должен ничего знать. Мне приходилось молчать и не упоминать, что у Альваро есть родные.

– И тебе это казалось нормальным?

– А что я могла сделать? Шеф заставил меня дать ему обещание. И не могу сказать, что ситуация меня сильно удивила. Многие гомосексуалы обрывают все связи с семьей, тебе это прекрасно известно.

Писатель не знал, что ответить.

– Мануэль, я приеду. Уже купила билеты, отправляюсь сегодня днем...

– Нет.

– Я хочу быть рядом, ты не должен переживать этот кошмар в одиночестве.

– Нет, – отрезал он.

– Послушай! – Мей снова разрыдалась. – Если ты не хочешь, чтобы я приезжала, позволь хотя бы сообщить новость вашим друзьям.

Писатель в изнеможении сел и шумно выдохнул.

– И что ты им скажешь? Я и сам не понимаю, что случилось и зачем я здесь. Почему Альваро оказался так далеко от дома?.. Хочу лишь, чтобы все это поскорее закончилось. Потом сразу вернусь в Мадрид.

Секретарь на другом конце провода заливалась слезами. Мануэль, словно в оцепенении, слушал, завидуя, что она может плакать. Скорбь стояла комом в горле и рвалась наружу, но вместо нее извергся поток желчи и обиды:

– Мей, мне пятьдесят два года. Я дал себе обещание, что никогда больше не буду страдать. И не мог даже предположить, что именно Альваро заставит меня нарушить клятву. Это выше моих сил. Я уже два дня торчу в каком-то проклятом городе, через пару часов состоятся похороны, а я до сих пор не проронил и слезинки. А почему? Потому что ни черта не понимаю. Это какое-то безумие, просто дьявольская шутка.

– Не сдерживай себя, – тихо ответила секретарь. – Слезы принесут облегчение.

– На нем не было обручального кольца. Покойный – не тот, с кем я связал свою жизнь. Я не могу его оплакивать.

* * *

Гриньян взял трубку после первого же гудка.

– Нам нужно поговорить. Я принял решение.

– Подъеду через полчаса. Встретимся в кафе отеля, – ответил юрист.

Мануэль вышел из номера сразу с багажом. Возвращаться он не собирался.

Адольфо пришел вовремя. Сел, заказал кофе, заметил сумку.

– Уезжаете?

– Сразу после похорон.

Гриньян смотрел на писателя, словно пытаясь оценить, насколько твердо его решение.

- Я правильно понимаю, что теперь вы представляете мои интересы? – спросил Мануэль.
- Если только не захотите нанять кого-то другого.

Ортигоса покачал головой.

– Проинформируйте родственников Альваро, что я отказываюсь от права на наследство. Им нечего опасаться, я не буду ни на что претендовать. Даже слышать не хочу о дворянских владениях. Примите все необходимые меры, чтобы как можно скорее покончить с формальностями, и пришлите документы почтой. Полагаю, мой адрес у вас есть.

Гриньян улыбнулся.

- Я сказал что-то забавное?

– Альваро очень хорошо вас знал. Если хотите, я передам ваши пожелания его родным, но у меня есть четкие инструкции: вы не можете отказаться от наследства до истечения трех месяцев после смерти супруга.

Писатель пару минут буравил юриста взглядом, но потом расслабился: в конце концов, Адольфо тут совершенно ни при чем. Мануэль устало вздохнул.

- В таком случае... предупредите родственников, а документы пришлете в декабре.
- Как пожелаете, – последовал ответ. – У вас как раз будет время подумать.

Ортигоса намеревался держать себя в руках, но тут вспыхнул.

– Здесь не о чем думать! Альваро скрывал, кто он на самом деле и чем занимается. Я пятнадцать лет прожил с человеком, которого не знаю; я ведь даже не подозревал, что у него есть близкие. А тут еще и наследство, которого я не заслуживаю и которое мне не нужно... Я принял решение и не собираюсь менять свое мнение!

Гриньян продолжал нарочито спокойно пить кофе, не отрывая глаз от чашки. Мануэль оглянулся вокруг: немногочисленные посетители кафе явно делали вид, будто ничего не слышали. А он и не заметил, что почти кричал.

* * *

Писатель ехал на своем «БМВ» за «Ауди» юриста – сначала сорок минут по автострате, затем еще пятнадцать по жилой зоне. Прогноз погоды обещал дождь, и небо было затянуто плотным слоем облаков, едва пропускающих солнечный свет, из-за чего краски природы стали приглушенными. Городок оказался небольшим. По обеим сторонам дороги и вдоль железнодорожных путей простирались сельскохозяйственные угодья с амбарами на задворках. Автомобили свернули с шоссе, и постройки теперь попадались реже, а вокруг раскинулись изумрудно-зеленые поля, огороженные древними каменными стенами и настолько живописными заборами, что привлекли бы внимание любого фотографа. Мануэль завороченно разглядывал небольшую группу ухоженных деревьев. Их листья отливали серебром, и писатель решил, что это, должно быть, эвкалипты. Темные кусты дрока с ярко-желтыми цветами прекрасно оттеняли розовые заросли вереска, окаймлявшего дорогу. Гриньян свернул направо, по направлению к лесу, проехал метров сто и остановился перед массивными, широко распахнутыми коваными воротами. Писатель припарковался рядом с «Ауди», вышел и направился к юристу, который ожидал его у входа. Адольфо не мог скрыть своего воодушевления.

– Мы могли заехать внутрь на автомобилях, – объяснил Гриньян. – Но мне хотелось, чтобы вы в полной мере оценили великолепие этого места.

Грунтовая дорога была окаймлена вековыми деревьями и усыпана хвоей. Повсюду валялись похожие на розы раскрывшиеся шишки. Пологий спуск вел к поляне, где взгляду открывался аккуратно стриженный газон и одноэтажное каменное строение с полукруглыми арками и великолепными дверями.

Мануэль повернулся к юристу, который наблюдал за его реакцией.

- Потрясающе красивый дом.

Гриньян довольно улыбнулся.

– Так и есть, но это всего лишь хозяйственная постройка. А дальше – конюшни. Сам дом вон там. – Адольфо указал направо. – Сеньор Ортигоса, вы в родовом имении Ас Грилейрас, резиденции всех, кто носил титул маркиза де Санто Томе начиная с седьмого века. Как раз здесь и родился ваш супруг.

Прямоугольное здание по размерам было втрое больше хозяйственной постройки. Стены из светло-коричневого камня, маленькие окна утопают в глубоких нишах. Дом располагался на вершине невысокого холма, возвышаясь над округой, а позади простиралась обширная долина. Перед фасадом раскинулась маленькая рощица из старых оливковых деревьев, частично загораживая здание, но писатель был уверен, что с верхних этажей открывается прекрасный вид на окрестности. Входную группу, выполненную в ватиканском стиле, украшали кованые фонари и каменные кадки с растениями, перемежаясь с живой изгородью из блестящих зеленых листьев и белых цветов – настолько ароматных, что их запах чувствовался даже у ворот.

– Это гардении. Родовое имение Ас Грилейрас может похвастаться самой богатой коллекцией этих цветов в Европе, если не во всем мире. Катарина, жена Сантьяго, стала экспертом в этой области. Она занялась разведением после свадьбы и даже получала премии на разных престижных выставках. У пруда есть оранжерея, там выращивают некоторые удивительные гибридные сорта. Если хотите, мы туда попозже наведемся.

Мануэль подошел к живой изгороди, желая полюбоваться блестящими листьями и нежными кремовыми цветами растений, дотронулся до лепестков, провел пальцем по толстому стеблю, взял бутон в ладони и вдохнул аромат, такой насыщенный, что, казалось, тот сочится сквозь руки. Объяснения Гриньяна, толпа родственников и наследников и их высокомерное отношение к людям другого класса – все это казалось писателю чужим и враждебным и заставляло чувствовать стыд и унижение, провоцируя на то, чтобы сбежать подальше. Он не задержится ни на минуту после похорон, хоть и не получил ответы на все вопросы. Не желая демонстрировать свое негативное отношение дружелюбно настроенному юристу, Мануэль спросил:

– Что означает «Ас Грилейрас»? Похожим словом⁷ называют места, где много сверчков.

– Да, но никакого отношения к этим насекомым название не имеет. Ас грилейрас, или, по-другому, эрбамейра, – волшебная трава с чудесными живительными свойствами. Растет по берегам озер и прудов, рядом с источниками. Название происходит от местного слова *grilo*, или *grelo*, что означает «побег», «росток».

Писатель сорвал нежный цветок, положил его в карман пиджака и последовал за Гриньяном.

– Кладбище примерно в двухстах метрах отсюда, рядом с церковью.

– В имении есть еще и церковь?

– Скорее часовня приличных размеров. Несколько месяцев назад молния ударила в деревенскую колокольню, и с позволения семейства де Давила жители какое-то время пользовались церковью родового имения, пока шли работы по восстановлению пострадавшего здания. Приходский священник был доволен. Помимо воскресных служб, он проводил ежедневные мессы, на которые собиралось немало людей – полагаю, ими руководило желание побывать во владениях маркиза. Многие хотят прикоснуться ко всему этому.

– К чему?

– Религиозные обряды всегда были так или иначе связаны с классовой сегрегацией. Маркизы де Санто Томе веками владели этими землями. Половина местных жителей в разное время работала на них и до сих пор сохраняет ощущение, что находится под феодальной защитой. Для них прийти сюда – значит воздать дань уважения.

– Тем, кому это не нужно.

⁷ *Исп.* grillera; «Ас Грилейрас» пишется «As Grileiras».

– Я бы так не сказал, – не согласился Гриньян. – Испанские аристократы, за исключением нескольких человек, регулярно появляющихся на страницах желтой прессы, ведут весьма скромную жизнь. И все же многие стремятся завязать дружбу с представителями дворянских семей в погоне за их рекомендациями, спонсорской помощью, содействием в продвижении по службе.

Далеко не каждая деревня могла похвастаться храмом подобного размера. Обсаженная вековыми оливами аллея вела к идеально круглой площадке, где располагались церковь и кладбище. Вход в святилище был прямо напротив аллеи, но в здании имелась и боковая дверь с двумя узкими витражными окошками справа и слева и тремя крутыми ступенями.

Оливковые деревья почти не сдерживали ветра, который обдувал открытую с трех сторон церковь и засыпал аллею хвоей. Кладбище находилось позади храма. Мануэль насчитал около двадцати простых каменных крестов, возвышавшихся тут и там посреди аккуратно постриженной травы. Возле свежерытой могилы зловеще высилась куча земли. Ни ограды, ни забора, да и зачем? Всем было известно, чьи это владения.

Значит, Альваро хотел, чтобы его похоронили здесь... Писатель не винил его. В конце концов, что он мог предложить взамен? Разве что поминальную службу в похоронном зале около автостреды М-30 да место на переполненном мадридском кладбище Альмудена. Впрочем, они ни разу не обсуждали эту тему. Несмотря на бесспорную красоту окружающего пейзажа и скромное достоинство разрушающихся под воздействием природных сил каменных могил, от этого места веяло безысходностью. Хотя, наверное, так и должно быть. Писатель был вынужден признаться себе, что ожидал увидеть какой-нибудь уродливый семейный склеп.

– Семья Альваро – рьяные католики и, как и другие представители аристократии, связывают смерть с простотой и аскетизмом в противовес той роскоши, которой окружены при жизни, – объяснил юрист.

Они подошли ко входу в церковь. Снаружи уже собралась толпа – человек сто, не меньше. Люди перешептывались, кутаясь в темные куртки, чтобы защититься от утренней прохлады. Многие обернулись, чтобы посмотреть на них, но никто не приближался. Доваль, помощник Гриньяна, укрывшийся за стеной от порывов холодного ветра, подошел поздороваться. Только теперь Мануэль заметил, что его спутники одеты в безупречно сшитые черные костюмы. Писатель в синем пиджаке и мятой рубашке выделялся на фоне остальных, и собравшиеся рассматривали его с нездоровым любопытством, бросая неодобрительные взгляды. Адольфо успокаивающим жестом положил ему руку на плечо и повел ко входу.

– Народу собралось немного. Конечно, сейчас рано... – принялся объяснять юрист.

– То есть как «немного»? – Писатель не стал оглядываться, но прекрасно слышал за спиной гул толпы, которая, похоже, удвоилась в размере с момента их прибытия.

– Поскольку Альваро скончался внезапно, родственники решили, что будет достаточно скромной церемонии. В противном случае...

Мануэль грустно взглянул на Гриньяна. Тот отвел глаза, решив не развивать тему. Доваль поспешил сгладить неловкий момент:

– Мы можем зайти внутрь. Сейчас придут члены семьи... – Помощник тут же осознал допущенную ошибку и поправился: – Приношу свои извинения. Я хотел сказать, остальные члены семьи.

В церкви было полно народу. Если писатель до этого удивлялся, сколько человек ждет снаружи, то теперь понял, что они там только потому, что далеко не всем хватило места. Уставший и растерянный, Мануэль смотрел под ноги. Юрист уверенно вел его по центральному проходу к алтарю, за что Ортигоса был благодарен. Рядом слышались горестные рыдания, и писатель с удивлением увидел группу стенающих и поддерживающих друг друга женщин. Сводчатый полоток церкви отражал и усиливал скорбный плач. Ошеломленный Мануэль не мог отвести глаз. Меньше всего он ожидал, что на похоронах Альваро кто-то будет заливаться

слезами. Кто все эти люди? Почему они здесь? Казалось невероятным, что подобные церемонии еще существуют. Писателю несколько раз приходилось бывать на погребении, и обычно присутствовали лишь близкие родственники и человек двадцать друзей и знакомых покойного. Чаще всего организовывали скромную службу, не более того. К чему такой размах? Мануэль молча проклинал консервативные традиции этого региона, дикий обычай устраивать похороны в поместье, услужливость, которую одобрял Гриньян и которая смущала писателя. И в то же время он чувствовал, что благодаря этой толпе не ощущает себя одиноким, отверженным и обиженным.

С самого начала они с Альваро привыкли довольствоваться обществом друг друга и мало с кем общались. В период работы над книгой Ортигоса становился затворником, а после рекламных туров предпочитал отсиживаться дома, и круг знакомых, и так не слишком обширный, сузился еще больше. Друзья, конечно, были, но Мануэль запретил Мей сообщать им о случившемся. Он не хотел, чтобы кто-то видел его таким несчастным и униженным, а перспектива объяснять то, чего писатель и сам не мог понять, ужасала.

На скамьях, сжимая в руках отутюженные носовые платки, сидели мужчины. Словно старые собаки, они бросали печальные и затуманенные слезами взгляды на блестящий черный гроб. Радуюсь, что тот закрыт, писатель, словно замороженный, оторвался от Гриньяна и подошел поближе. Вид полированного дерева и горестные стенания женщин будто ввели его в транс. Мануэль протянул руку и погладил лакированную поверхность. И в этот момент по залу пронесся шепот, заглушая и жутковатые завывания, и тихие всхлипывания: в церковь вошли родственники Альваро.

Писатель осмотрелся: только две передние скамьи были свободны. Он сел справа. Неожиданно наступила тишина. Ортигоса оглянулся и увидел, как вдовствующая маркиза, одетая в траурный наряд и опирающаяся на руку сына, замерла на месте. Затем она что-то шепнула юристу. Тот быстро подошел к Мануэлю, наклонился и с упреком произнес:

– Вам не положено здесь сидеть. Эти места зарезервированы для родственников.

Писатель в смятении поднялся, сделал два шага по направлению к проходу, как будто собираясь сбежать, но чувство неловкости вдруг сменилось возмущением.

– Я и есть родственник. Если семейство Альваро держится особняком, это их дело. Человек, который лежит в гробу, – мой муж, и, если не ошибаюсь, даже скамья – моя собственность. Поэтому я не сдвинусь с места, а сеньоры могут сесть, где захотят.

Гриньян побледнел. Мануэль вернулся обратно; у него даже руки тряслись от ярости, и он сжал их, чтобы унять дрожь. Позади послышались перешептывания прихожан, а затем – шаги по направлению к пустым местам слева.

Во время службы Ортигоса даже головы не повернул в ту сторону. Отпевание длилось почти два часа. Священник, человек лет сорока, похоже, хорошо знал семью усопшего и, судя по неподдельно печальному виду, был лично знаком с Альваро. В церкви собралось непривычно много служителей более почтенного возраста, и держались они достаточно холодно. Писатель насчитал девять фигур, выстроившихся за алтарем почетным полукругом.

Мануэль не мог сосредоточиться на происходящем, чувствуя себя истощенным из-за злости и отношения родственников Альваро. Поднялись, сели. Снова поднялись, снова сели. В какой-то момент писатель заметил, что столпившиеся в проходе женщины пристально его разглядывают, и быстро опустил глаза, прячась в свою раковину, стараясь сдержать усиливающуюся боль, борясь с желанием встать и уйти...

Служба закончилась. Группа мужчин с мозолистыми руками и отутюженными носовыми платками подняла гроб и понесла на кладбище. К счастью, ветер несколько стих. Сквозь скупившиеся облака проглядывало солнце.

Пока все выходили из церкви, Гриньян шепнул Мануэлю:

– Я проинформировал маркиза о вашем решении.

Писатель кивнул, удивляясь, когда юрист успел все проверить. Должно быть, во время службы. В конце концов, Адольфо сам признался, что семейство де Давила – самые важные его клиенты. Чтобы они и дальше продолжали пользоваться его услугами, следовало продемонстрировать свое проворство.

Ортигоса отстал, дав возможность остальным уйти вперед. Присутствующие сгрудились вокруг могилы, а Мануэль наблюдал за ними издали, не желая подходить. Стычка в церкви оставила его без сил, и вступать в новые конфликты совершенно не хотелось.

В отличие от службы, погребение прошло быстро. Короткая молитва об усопшем – вот и всё. Из-за скопления людей писателю не было видно, как опустили гроб. Толпа начала рассеиваться. Служители должным образом выразили почтение родственникам, после чего направились в церковь – несомненно, чтобы снять свое облачение.

Чья-то ручка дотронулась до Мануэля, и он узнал малыша из переговорной. Писатель наклонился, собираясь заговорить с мальчиком, а тот обнял его за шею и поцеловал в щеку. Затем побежал к ожидавшей его поодаль матери, улыбнулся и зашагал в сторону особняка.

– Сеньор Ортигоса...

Мануэль обернулся и увидел новоиспеченного маркиза. Мимо прошел Гриньян в компании женщин и попытался жестами приободрить писателя.

– Меня зовут Сантьяго Муньис де Давила, я брат Альваро. – Собеседник протянул перевязанную правую руку.

Ортигоса ошеломленно смотрел на него.

– Не обращайтесь внимания, ничего серьезного, неприятность во время верховой езды. Сломанный палец да пара царапин.

Мануэль осторожно пожал ладонь, ощущая твердость гипса под бинтами.

– Сеньор Гриньян проинформировал нас о вашем решении. Самое меньшее, что я могу сделать, – выразить благодарность от всех членов семьи. И прошу простить, если вам показалось, что мы держались холодно и неуважительно. В последние несколько дней произошло слишком много всего... – И маркиз бросил взгляд в сторону могилы.

– Незачем извиняться. Прекрасно понимаю ваши чувства.

Сеньор Сантьяго слегка кивнул и поспешил на помощь жене, которая вела под руку его мать.

По направлению к писателю через кладбище шел молодой священник. Все разошлись, остались только могильщики, их бригадир да группа рабочих, собравшихся у стен церкви.

– Мне хотелось бы поговорить с вами. Мы с Альваро дружили с детства. Учились в одной школе. Мне нужно переодеться. – Святой отец указал на богослужebное облачение. – Подождите немного, я быстро.

– Дело в том, что я спешу, – уклончиво ответил Мануэль, глядя на дорогу.

– Я обернусь за минуту, – пообещал священник и побежал к боковой двери в церковь.

Писатель посмотрел на курящих и весело болтающих рабочих и заметил, что их начальник – единственный, на ком не было комбинезона, – пристально смотрит на него. Возникло странное чувство, будто этот человек сейчас подойдет и что-то скажет. Ортигоса помедлил, кивнул мужчине и направился к свежей могиле, читая по дороге выгравированные надписи. Гриньян был прав, говоря об аскетизме знати в вопросах, касающихся погребения. На крестах вырезали только имена, даты рождения и смерти, никакой информации о титулах или особых заслугах. Некоторые захоронения относились аж к восьмому веку и отличались от более поздних только оттенком камня.

Рядом с могилой Альваро стояла яркая композиция из цветов, которую надлежало положить сверху. На лентах красовались имена спонсоров, и любой мог догадаться, во сколько им обошелся венок. Нагромождение бутонов напоминало благоухающий погребальный костер. Мануэль машинально засунул руку в карман и достал гардению, которую сорвал по пути

к церкви. В воздухе распространился сильный аромат, перекрывая все остальные. Писатель сделал шаг к могиле и взглянул на гроб, уже частично скрытый землей, которую родственники кидали горстями во время молитвы об усопшем. Цветов там не было. Возможно, юрист ошибся: не зря ведь дорогой и роскошный венок выставили на всеобщее обозрение, чтобы все могли им полюбоваться. Ортигоса снова взглянул на уже утратившую блеск поверхность гроба с изображением распятия и ослабленного умирающего Христа. Потом поднес гардению к губам, нежно поцеловал, вдохнул аромат и вытянул руку над могилой. Закрыв глаза, Мануэль искал внутри себя тот тщательно охраняемый закуток, где затаилась боль, но не мог обнаружить его. Возникло ощущение, будто позади кто-то стоит. Писатель сжал цветок, словно стремясь защитить растение.

В нескольких шагах от могилы ждал священник. В повседневной одежде он казался еще моложе; правда, на нем по-прежнему осталась колоратка⁸.

– Если хотите задержаться здесь...

– Нет. – Ортигоса убрал гардению в карман. – Я попрощался.

Услышав столь резкий ответ, священник удивленно поднял брови. Мануэль, предвидя, что сейчас полются соболезнования, поспешил добавить:

– Как я уже говорил, я тороплюсь.

Унылый ландшафт кладбища внезапно стал невыносимым. Писателю захотелось сбежать отсюда.

– Где ваш автомобиль?

– У ворот.

– Тогда пойдем вместе. Я тоже уезжаю, пора возвращаться в приход.

– Да? А я думал, что вы... – Ортигоса махнул в сторону храма.

– Нет, меня пригласили как друга семьи. Местный священник помогал вести службу.

Эта церковь не принадлежит к какому-то приходу. Она расположена в частных владениях и открывается для публики лишь по особым случаям.

– Понятно. Увидев такое количество служителей, я было подумал...

– Да, для того, кто не знаком с традициями нашего региона, это очень неожиданно.

– Местные обычаи, – тихо и пренебрежительно пробормотал Мануэль.

Он не был уверен, услышал ли священник его замечание, пока тот не ответил несколько прохладно:

– Так местные жители выражают почтение усопшим.

Писатель, ничего не сказав, поджал губы и нетерпеливо посмотрел на дорогу. Они двинулись по направлению к воротам.

– Меня зовут Лукас. – Собеседник протянул Ортигосе руку, в его голосе снова звучало дружелюбие. – Как я уже упоминал, мы с Альваро вместе учились в церковно-приходской школе. Впрочем, туда ходили все три брата. Просто Сантьяго и Франсиско младше и у нас было мало общего.

Мануэль на ходу пожал священнику руку.

– Церковно-приходская школа? – с удивлением спросил он.

– Верно, – с улыбкой ответил Лукас. – В этом нет ничего странного, сейчас там учатся все дети из состоятельных семей. Лучшая школа в округе, к тому же находилась под опекой маркиза, поэтому логично, что его дети ходили туда. Выпускники этого заведения необязательно должны служить церкви.

– Похоже, не в вашем случае.

Священник от души рассмеялся:

– Я – исключение. Единственный из класса, кто выбрал такую стезю.

⁸ Колоратка – белый (полу)круглый воротничок духовенства в ряде западных церквей.

– Значит, вы тоже из богатой семьи?

Лукас развеселился еще больше:

– И здесь мимо. Я получал стипендию, которую его сиятельство учредил для способных детей из бедных семей.

Мануэль едва ли мог себе представить Альваро в церковно-приходской школе. Тот иногда рассказывал об учебе в старших классах, мадридском пансионе или университете, но об учреждении, где получил начальное образование, не упоминал ни разу. Писатель ожидал совершенно другого, и в рассказ священника ему верилось с трудом. Они шли к воротам, под ногами шуршал гравий, обмен репликами чередовался долгими паузами, но Ортигосу периоды молчания не тревожили, а даже успокаивали. Деревья защищали спутников от ветра, полуденное солнце согревало спину, а воздух наполнял аромат гардений, поднимающийся от окружающих особняк живых изгородей.

– Мануэль... Может, перейдем на «ты»? Мне сорок четыре года, мы с Альваро ровесники, к чему лишние формальности?

Писатель ничего не ответил, только сделал неопределенный жест рукой. По опыту он знал, что подобные фразы часто становятся прелюдией к более серьезному разговору.

– Как ты сам? Как себя чувствуешь?

Вопрос священника застал Ортигосу врасплох – впервые кто-то поинтересовался его состоянием. Даже милашка Мей, разрываясь между виной и сожалениями, до этого не додумалась. И хотя писатель вылил на нее свою боль и растерянность, на самом деле он не переставал мучиться тем же вопросом: что у него на душе? Ответа не было. Мануэль полагал, что должен быть раздавлен и убит горем, но вместо этого испытывал апатию, разочарование и обиду из-за всего, что ему пришлось пережить. Не более того.

– Нормально, – ответил он Лукасу.

– Мы оба знаем, что это неправда.

– Нет, правда. Я не испытываю ничего, кроме сожаления и досады, и просто хочу побыстрее уехать отсюда, вернуться к нормальной жизни и обо всем забыть.

– Безразличие, – прокомментировал священник. – Одна из стадий горя. Наступает после отрицания и перед торгом.

Писатель собирался возразить, но тут вспомнил, как принимал в штыки каждое слово сержанта Акосты, когда та сообщила о смерти Альваро, отказывался верить, пытался ухватиться за спасательный круг или какую-то ниточку, мучительно искал объяснения.

– А вы, похоже, эксперт в таких вопросах, – недовольно пробурчал Ортигоса.

– Так и есть. Каждый день я имею дело с утратами, безутешным горем и иными тяжелыми душевными состояниями. Это часть моей профессии. Но есть и еще кое-что. Альваро был моим другом. – Лукас взглянул на Мануэля, ожидая какой-нибудь реакции на свои слова. – Наверное, я единственный, кто поддерживал связь с ним все эти годы и многое знал о его жизни.

– Значит, тебе было известно больше, чем мне, – прошептал писатель. Ему неожиданно стало грустно.

Священник остановился и бросил на Ортигосу серьезный взгляд.

– Не суди Альваро так строго. Если он что-то скрывал, то не потому, что стыдился тебя, а потому, что испытывал неловкость за своих родственников.

– Ты не первый, от кого я это слышу, но мне не верится. Я встречался с его родными, и они не показались мне ужасными людьми.

Лукас улыбнулся и сделал примиряющий жест рукой.

– При первой же возможности Альваро уехал в столичный пансион и больше не общался ни с кем из тех, кто остался в поместье. Каждый раз, когда он навещался сюда, близкие принимали его все холоднее, и Альваро перестал приезжать. Несмотря на то что именно он

унаследовал все состояние и титул, маркиз до самой смерти отказывался видеть старшего сына. Потом мой друг появился, привел дела в порядок, назначил родным ежемесячное содержание и опять исчез. Полагаю, лишь я да его душеприказчик знали, где его искать. – Священник снова зашагал по дорожке. – Я знаю, что рядом с тобой он был счастлив.

– Откуда такая уверенность? – сурово спросил Мануэль. – Он приходил к тебе на исповедь?

Лукас закрыл глаза и резко выдохнул, как будто получил удар в грудь.

– Можно и так сказать, хотя все было несколько иначе. Мы о многом говорили. В том числе и о тебе.

Теперь писатель замер посреди дороги. Он повернулся к священнику и невесело усмехнулся.

– Для чего ты мне это рассказываешь? С какой целью? Альваро скрывал от меня правду, и попытки служителя церкви утешить в такой ситуации выглядят просто абсурдно. Как я должен себя чувствовать, узнав, что Альваро доверял духовнику больше, чем мне? Я твердо уверен лишь в одном: что совершенно не знаю человека, которого впустил в свою жизнь. Все это время он меня обманывал.

– Я понимаю, что у тебя на душе.

– Ни черта ты не понимаешь!

– Может, ты прав, а может, и нет. Я совершенно точно знаю, что сейчас тебе хочется отрицать все мои слова, но пройдет несколько дней, и ситуация изменится. Когда это случится, приезжай, и мы поговорим. – Лукас протянул визитную карточку, на ней был указан адрес церкви в Понтеведре. – Ты узнаешь настоящего Альваро. А все остальное – не более чем декорации.

И священник широким жестом указал на парадную аллею и ворота в поместье.

Писатель смял листок и чуть было не бросил его на землю, но вместо этого машинально сунул в карман, где уже лежала гардения. Только ее он собирался тайком привезти из Галисии.

Собеседники молча вышли за ворота. У автомобиля Мануэля, облокотившись о багажник, стоял какой-то человек. Увидев их, он сделал пару шагов навстречу и остановился. Его фигура показалась писателю знакомой, но лишь подойдя поближе, он понял, что это тот самый лейтенант, который приставал с вопросами в больнице, пока не появился старший по званию. Ортигоса не помнил его имени, зато открытая неприязнь представителя власти к гомосексуалам хорошо отпечаталась в памяти. Если форма смотрелась на страже порядка еще сносно, то сейчас пивной живот свисал над ремнем низко сидящих отглаженных брюк и откровенно выпирал из-под тонкого свитера, сквозь который четко проступал ряд пуговиц на рубашке, словно тело лейтенанта скрепили заклепками.

С возрастом у Мануэля развился нюх на неприятности. Вот и сейчас писатель был уверен, что появление гвардейца не сулит ничего хорошего. Но еще больше его удивила реакция священника.

– А он-то что здесь делает? – прошептал Лукас.

– Мануэль Ортигоса? – окликнул гвардеец, хотя прекрасно знал ответ, и показал удостоверение, которое быстро закрыл и спрятал в сумку. – Лейтенант Ногейра. Мы вчера встречались. В больнице.

– Я помню, – осторожно ответил писатель.

– Куда-то направляетесь? – Страж порядка указал на чемодан, который лежал на заднем сиденье автомобиля Мануэля.

– Домой.

Ответ Ногейре не понравился.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал гвардеец таким тоном, словно пытался убедить в этом самого себя.

– Так говорите, – недовольно буркнул Ортигоса.

Лейтенант бросил на священника недобрый взгляд и прибавил:

– Наедине.

Похоже, Ногейра ко многим испытывал неприязнь. Или же имел для этого другие причины, потому что хорошо знал Лукаса. Но запугать священника было не так-то легко. Не обращая внимания на поведение лейтенанта, тот повернулся к Мануэлю:

– Если хотите, чтобы я остался...

– Спасибо, это лишнее.

Лукас явно не желал ретироваться. Но, если уж выбирать между этими двумя странными типами, писатель явно предпочитал гвардейца. Священник медлил. Он пожал Ортигосе руку и, уже садясь в небольшой серый внедорожник, напомнил:

– Загляните ко мне.

Мануэль посмотрел, как Лукас отъезжает, а затем повернулся к Ногейре.

– Не здесь, – сказал тот. – В деревне есть бар, как раз перед съездом на шоссе, там же рядом и припаркуемся. Поезжайте за мной.

Писатель собирался возразить, но затем решил, что если уж беседовать, то лучше поехать в людное место, чем оставаться в опустевшем имении Ас Грилейрас, где у ворот одиноко сучала «Ауди» Гриньяна.

Апатия

Несмотря на царившую на улице прохладу, солнце нагрело салон автомобиля, и там стало жарко, как в бане. Мануэль припарковался на укатанной площадке рядом со стареньким «БМВ» Ногейры и несколькими пыльными автофургонами. Он вышел из машины, снял куртку, бросил ее на сиденье, запер автомобиль и направился ко входу в кафе, когда лейтенант его остановил.

– Лучше присядем здесь. – И указал на веранду, где стояли пластиковые стулья и выцветшие зонты. – Подождите.

Ногейра вернулся очень быстро, неся две чашки кофе и тарелки с чем-то похожим на мясное рагу, поставил все на стол и закурил. Видимо, именно поэтому он и хотел разместиться снаружи.

– Уже уезжаете? – Гвардеец положил в чашку две полные ложки сахара и начал его размешивать.

– Альваро похоронили. Меня здесь ничто не держит, – сухо отозвался Мануэль.

– Не хотите провести несколько дней с родственниками?

– Это не моя семья, а его близкие. – Писатель особенно выделил последнее слово, но лейтенант, похоже, не заметил этого. – Я никого из них не знал до... до того, как случилось несчастье.

– Верно, вы говорили об этом в больнице, – задумчиво пробормотал Ногейра. – Вам звонили из участка?

– Да, сегодня утром. Сообщили, что все готово и я могу забрать личные вещи Альваро, а также мне пришлют документы, которые понадобятся для обращения в страховую компанию.

– Вот уроды! – вырвалось у гвардейца. – Опять за свое! И хватает же наглости...

Говоря это, Ногейра тыкал в сторону Мануэля дымящейся сигаретой.

– Опять? Кто и что сделал?

Вместо ответа лейтенант задал очередной вопрос:

– Ну и как вам эта семейка?

Ортигосе не хотелось отвечать.

– Мы почти не общались, так что у меня не было возможности сделать какие-то выводы, – соврал писатель. На самом деле у него сложилось определенное впечатление, но делиться им со стражем порядка он не собирался. – Мы едва парой слов обменялись.

– Вполне ожидаемо...

– К чему вы клоните?

Ногейра смачно затянулся, докурил сигарету почти до фильтра, бросил на землю и раздавил ногой, хотя на столе стояла пепельница. Затем кинул недружелюбный взгляд на Мануэля, подвинул к себе одну из тарелок и подцепил вилкой кусочек мяса.

– К тому, что сеньор Альваро Муньис де Давила погиб не в ДТП. По крайней мере, дело не ограничилось только автомобильной аварией. – Лейтенант принялся жевать рагу, а шокированный и сбитый с толку писатель смотрел на него, ожидая продолжения. – Да, машина вылетела с трассы, и следов торможения не было, как и других транспортных средств поблизости. Но, как я уже начал рассказывать в больнице, когда нам помешал мой начальник, у автомобиля Альваро оказалась разбита задняя фара. А также мы обнаружили следы белой краски.

– Сегодня утром я спросил об этом капитана, когда тот позвонил. Ваш шеф объяснил, что вряд ли эти повреждения имеют отношение к ДТП. Скорее всего, они получены при парковке, и с того момента могло пройти уже несколько дней.

– Хорошо, а как вы объясните рану на боку у покойного? – спросил Ногейра, продолжая поглощать мясо.

– Рану?

– Глубокую и почти незаметную. Альваро удалось сбежать от нападавшего, сесть в машину и уехать, но началось внутреннее кровотечение, лишившее его сил. Возможно, он умер еще до того, как вылетел с трассы. Если, конечно, сеньору де Давиле не помогли и тут.

– Но капитан ничего не говорил...

– Ну разумеется, аристократы не погибают от колотых ран, это удел наркоманов и проституток. Но дело в том, что судмедэксперт, которая осматривала тело на месте происшествия, обнаружила на правом боку, в нижней части живота, именно такое повреждение. Это моя хорошая знакомая; если желаете, мы с ней побеседуем. Ей тоже очень не нравится вся эта история.

– Какая история? Хотите сказать, что эта рана не была получена при аварии? Что на Альваро напали?

Лейтенант огляделся по сторонам, прежде чем ответить, хотя на веранде никого больше не было.

– По крайней мере, обстоятельства смерти кажутся весьма подозрительными.

– А зачем вы мне это рассказываете? И почему ваши коллеги утверждают, что произошел несчастный случай? Почему не ведется расследование?

– Так и я о том же! Сеньор де Давила скончался при подозрительных обстоятельствах, но никто ничего не делает. И это не впервые. Семейство Муньис де Давила хочет сохранить свою фамилию незапятнанной любой ценой. Такая вот древняя и постыдная традиция, – с горечью сказал Ногейра.

Мануэль обдумывал услышанное, пытаясь разобраться, что к чему.

– Вы хотите сказать, что...

– Я хочу сказать, что классовое неравенство существовало всегда. Большая часть людей – это несчастные, вынужденные всю жизнь работать, чтобы потом получать крохотную пенсию. А по другую сторону барьера – аристократы, хозяева земель, которые поколения наших предков возделывали в поте лица. Богачи делают все, что им вздумается, и легко уходят от наказания.

– Но Альваро даже не жил здесь, он не...

– Он принадлежал к их кругу, – перебил гвардеец. – Вы сами заявили, что даже не подозревали о существовании этих родственников. Точно могу сказать одно: согласно имеющейся у меня информации, сеньор де Давила вел двойную жизнь. Не знаю, во что он ввязался, но мы совершенно не знали этого человека.

Мануэль молча сидел, смотрел на собеседника и пытался переварить сказанное Ногейрой. Он не испытывал возмущения. Лейтенант только подтвердил возникшие ранее подозрения. Плохие предчувствия – что его предали – оправдались, и это настолько выбило писателя из колеи, что он готов был последовать совету Клинта Иствуда и поскорее убраться из Галисии. К чему искать себе проблемы? Альваро водил его за нос, а Мануэль, влюбленный дурак, всему верил. Жизнь превратилась в нагромождение лжи, которую он послушно глотал. Самое сложное – признать, что из тебя сделали идиота. Но этот шаг уже позади. Что теперь? Чего еще от него хотят?

– Зачем вы мне это рассказываете? – апатично повторил писатель.

Лейтенант посмотрел на него в упор, а потом, не веря своим ушам, развел руками:

– Да что с вами? Вы не слышали, что я сказал?

– Прекрасно слышал.

Ногейра фыркнул:

– Я просвещу вас, что будет дальше. Ничего. Дело закроют. Вернее, уже закрыли. По официальной версии, сеньор Альваро Муньис де Давила погиб в результате автокатастрофы.

– Но вы не согласны с этим и продолжите расследование...

Гвардеец снова закурил и смачно затянулся.

– Вчера был мой последний рабочий день. Я ушел на пенсию. – Лейтенант резко отодвинул чашку с остатками кофе, как будто та его чем-то оскорбила. – Месяц буду в отпуске, а затем меня включат в резерв.

Мануэль кивнул. Теперь понятно, почему Ногейра не в форме. Он больше не представитель власти, хотя и показал писателю удостоверение, когда они встретились на парковке. Тогда возникает вопрос: зачем лейтенант здесь? Своего отвращения к родственникам Альваро он не скрывает, гомосексуалов не жалуется... Что ему нужно? Ортигоса выпрямился и отодвинулся от стола.

– Лейтенант Ногейра, – осторожно начал он, – я ценю, что вы поделились со мной этой информацией. Но дело уже закрыто, и вы – единственный, кто не согласен с официальной версией. К чему этот разговор? Если уж вам не удалось никого убедить, что могу сделать я?

– Многое. Ведь вы – член этой семьи.

– Вовсе нет, – с горечью ответил писатель. – Я им не родственник и никогда им не был.

– Да нет же, – с жаром возразил гвардеец. – По закону у вас есть все права, мы можем требовать продолжения расследования.

– Но вы только что сказали, что ушли на пенсию...

Взгляд Ногейры на минуту стал жестким, и Мануэль подумал, что, должно быть, у лейтенанта есть склонность к агрессии. Но страж порядка справился с эмоциями. Следующая фраза, вероятно, далась ему нелегко.

– Вы же его... муж. Можете потребовать провести вскрытие.

Писатель удивленно посмотрел на собеседника и энергично затряс головой.

– Нет, нет, нет! Вы не понимаете... Я только что похоронил человека, с которым провел много лет, а вместе с ним и воспоминания о нашей совместной жизни. Теперь мне все равно. Не знаю, во что он ввязался, кто был рядом с ним в последние минуты... Это уже не имеет значения. Я лишь хочу вернуться домой и обо всем забыть. Спасибо за ваше желание докопаться до истины, но у меня уже не осталось сил, чтобы что-то предпринимать. – Он поднялся и протянул Ногейре руку, но тот не пошевелился. Глядя ему в глаза, Ортигоса пожал плечами, развернулся и направился в сторону парковки.

– Альваро убили, – раздался сзади голос лейтенанта.

Мануэль замер на месте.

– Это не несчастный случай. И если вы ничего не предпримете, преступник останется безнаказанным. Вы сможете с этим жить?

Писатель не двигался. В этот момент ему казалось, что не осталось ни чувств, ни желаний и не имеет значения, что будет происходить дальше, потому что какая-то ужасная и необъяснимая сила отрывает его от реальности. Ортигосу охватила апатия, не оставив места для решимости что-то делать; он просто плыл по течению, принимая долю, уготованную судьбой. Все вокруг казалось враждебным, хотелось прислушаться к совету Иствуда и не искать проблем. И вот теперь на него пытаются взвалить тяжкий груз, связанный с худшим из человеческих деяний. Новость, словно взрывная волна, будто прижала Мануэля к земле, едва не вытряхнув из него внутренности. Он не шевелился – кто знает, несколько секунд или целую минуту. А затем вернулся и медленно опустился на стул напротив Ногейры. Если лейтенант и был доволен произведенным эффектом, то прекрасно скрывал это. Он продолжал глубоко затягиваться, пока писатель не спросил:

– Что вы намерены делать?

Гвардеец бросил на землю догоревший до фильтра окурок и подался вперед, опершись локтями о стол. В его руках появилась маленькая черная записная книжка, открытая на странице, исписанной мелким почерком.

– Для начала мы встретимся с судмедэкспертом, чтобы вы могли убедиться в достоверности моего рассказа. А затем нужно будет восстановить события последних двух дней: где

Альваро был, с кем, кого видел. Если получится, выяснить, кому наносил визиты до этого, куда ездил, чем занимался, пока находился в Галисии... Я буду помогать, но основную работу вам придется проделать самостоятельно. Никто ничего не заподозрит: у вас есть полное право интересоваться, как именно ушел из жизни дорогой вам человек. А если кто-то начнет чинить препятствия, у нас будет повод задуматься. Но сразу должен предупредить: вам может совершенно не понравиться то, что всплывет в ходе расследования. В случае с убийствами такое происходит довольно часто.

Мануэль кивнул и расстроенно сказал:

– Я так и предполагал.

– И еще кое-что. В результате дело может обернуться не в вашу пользу. Чутье подсказывает мне, что сеньор Альваро Муньис де Давила влип по уши, а ошибаюсь я редко. Но если кто-то пронюхает, что именно я подтолкнул вас к продолжению расследования, у меня возникнут проблемы. Я много лет работал и не могу позволить себе лишиться пенсии, так что все должно остаться строго между нами. В курсе будет еще судмедэксперт, но ей я полностью доверяю. Поэтому если случится утечка информации, то только по вашей вине. И если это произойдет, я найду вас, отвезу в горы и пристрелю. Это ясно?

– Ясно, – ответил писатель, прекрасно понимая, что лейтенант вполне на такое способен.

Ногейра посмотрел на часы:

– Судмедэксперт – профессионал своего дела, работает в этой сфере много лет. В три часа закончилась ее смена, сейчас она уже дома и ждет нас.

– Откуда вы знали, что я соглашусь?

Лейтенант слегка развел руками, подтверждая очевидное.

– Если б вы отказались, это было бы подозрительно. – Он искоса взглянул на Мануэля. – Оставьте машину на парковке, поедem на моей. Это не только бар, но и гостиница, можете снять здесь номер. Мне нужна будет информация о состоянии банковских счетов вашего... родственника, отчет о движении денежных средств в последние дни, были ли у него долги. Отец Альваро, старый маркиз, пользовался услугами теневых кредиторов и подобного сброда. И хотя в последние годы о них ничего не было слышно, проверить не помешает, мало ли что. Интересно узнать, кто наследник. Хотя, конечно, завешание еще не оглашали... Возможно, юрист, который вчера был в больнице, вам намекнет. Вы как-никак... член семьи. Первым делом отправляйтесь в клинику и в участок, чтобы забрать личные вещи Альваро. Офелии нужно будет еще раз исследовать одежду покойного. Проверим и мобильный телефон, обязательно заберите его. Хорошо бы запросить у оператора список последних вызовов. Притворитесь сеньором де Давилой и попробуйте заполучить его. Если вам откажут, пригрозите, что приостановите оплату.

Писатель перебил лейтенанта:

– Этого не потребуется. У меня есть электронный доступ ко всем счетам. И я также могу посмотреть информацию по телефонным звонкам.

Ногейра бросил на него полный признательности взгляд, и Мануэль вдруг ощутил, что это даже оскорбительней, чем скептицизм или насмешка. Ортигоса покраснел и отвел глаза. А ведь он чуть было не сказал, что у них нет секретов друг от друга... Вот идиот!

Гвардеец продолжал перечислять пункты из списка:

– Счета, распорядок дня, личные вещи. В участке заберите автомобиль Альваро, я бы хотел его осмотреть. Для начала хватит.

Ногейра убрал записную книжку, откинулся на спинку стула и зажег очередную сигарету. Писатель подался вперед и положил локти на стол, копируя позу лейтенанта.

– Два момента. Во-первых, наследник сеньора Альваро Муньиса де Давилы – я. Вчера юрист зачитал нам его письмо. В делах полный порядок, семейство процветает. Сегодня утром

я сообщил сеньору Гриньяну, а тот, в свою очередь, передал родственникам Альваро, что я откажусь от наследства, как только завещание будет утверждено, то есть через три месяца.

Лейтенант поднял брови, и Мануэль понял, что удивляться гвардейцу приходится нечасто.

– Что же, тогда вы автоматически становитесь главным подозреваемым. Но в этом нет никакого смысла, если исходить из чисто материальных соображений. – И Ногейра улыбнулся, довольный своей шуткой.

Писатель строго посмотрел на него:

– Во-вторых, Альваро мне не брат и не сват, а муж. И если вам трудно произносить это слово, называйте его хотя бы по имени, а не «родственником» и уж тем более не покойным.

Страж порядка отбросил окурок и поднялся:

– Договорились.

И, бросив полный сожаления взгляд на тарелку Мануэля с нетронутым мясным рагу, направился к машине.

* * *

На стареньком и непрезентабельном автомобиле Ногейры краска заметно потускнела, на кузове явно проглядывала ржавчина. Зато в салоне царил идеальный порядок: чистые коврики, недавно отполированная приборная панель, освежитель воздуха. Лейтенант относился к тем редким курильщикам, которые не позволяли себе дымить в машине. Они ехали в полной тишине, нарушаемой лишь звуками дыхания, казавшегося особенно громким и усиливавшего странное ощущение от вынужденного соседства. Мануэль предпочел бы включить музыку.

Дорога представляла собой чередование поворотов, спусков и подъемов, и гвардеец не превышал скоростной режим. Наконец он куда-то свернул и тут же вытащил сигарету, но не зажег ее, а просто держал между губами, пока спутники преодолевали еще несколько километров. Наконец они подъехали к огороженному забором дому. Их встретили четыре собаки – все разных пород и размеров, но лающие с одинаковым усердием. Лейтенант вышел из машины, закурил, засунул руку за ограду, открыл ворота и направился к дому, по пути успокаивая псов, которые, впрочем, снова оживились, увидев Мануэля.

Из-за угла появилась женщина лет пятидесяти пяти, стройная, со строгим выражением лица; волосы средней длины собраны повязкой, словно ободком. Она для виду прикрикнула на собак, поздоровалась с Ногейрой, поцеловав его в обе щеки, улыбнулась Мануэлю и подала ему руку, на которой не было ни колец, ни браслетов. Ее крепкое рукопожатие сразу располагало к себе.

– Я Офелия, – представилась хозяйка, не назвав ни фамилии, ни должности, ни профессии.

Как и говорил лейтенант, их ждали. В воздухе витали ароматы недавно приготовленной еды. На накрытом белой скатертью столе стояли три кофейные чашки, бутылка мускатного вина и разнообразная выпечка. Офелия наполнила бокалы.

– Я рада, что вы согласились поговорить со мной. Мы не были уверены, как вы отреагируете.

Мануэль вяло кивнул:

– Не мог представить себе, что придется выслушивать подобные новости. Надеюсь, вы понимаете, что для меня это все слишком... слишком...

– Мы всё прекрасно понимаем, – ответила хозяйка, опуская чашку на блюдо. – Полагаю, лейтенант Ногейра предупредил вас о том, что у нас будут неприятности, если кто-то узнает, что мы раскрыли конфиденциальную информацию, касающуюся расследования... или его прекращения; называйте как хотите.

– Даю слово: от меня никто ничего не узнает, – заверил ее писатель. Гвардеец откашлялся и бросил на него предостерегающий взгляд.

– Я дежурила в ночь с субботы на воскресенье. В час сорок пять поступил сигнал, что произошло ДТП. Пострадавшего доставили в больницу, но было уже слишком поздно. – Офелия вздохнула и добавила: – Возможно, вам будет очень тяжело слушать то, что я скажу. Если почувствуете, что это выше ваших сил, просто подайте знак, и я умолкну.

Мануэль медленно кивнул.

– Автомобиль действительно вылетел с дороги на прямом участке. Следов торможения не было ни на шоссе, ни на лугу, по которому машина проехала метров пятьдесят, прежде чем врезаться в каменную ограду. Сеньор де Давила был мертв. Из ран – порез на лбу, вероятно от удара головой о рулевое колесо в момент столкновения. Расположение автомобиля, незначительные повреждения, полученные при ударе, тот факт, что подушки безопасности не выстрелили, – все свидетельствует о том, что Альваро находился без сознания, когда съехал с трассы, и не давил на педаль акселератора. Меня удивил тот факт, что из пореза на лбу почти не шла кровь, что нехарактерно для подобных ран. Кожа была пепельно-серой. Я осмотрела тело на предмет других повреждений и заметила отек в нижней части живота, что часто свидетельствует о внутреннем кровотечении. Иных травм не обнаружилось, но когда мы положили Альваро на носилки, я увидела разрез на рубашке. Его местоположение совпало с раной, нанесенной предметом шириной примерно два сантиметра и длиной более пятнадцати сантиметров. На мой взгляд, такое повреждение не могло быть получено в результате ДТП – в машине не было ничего подходящего под подобные характеристики. Если сомнений в том, что смерть наступила вследствие аварии, нет, вскрытие не проводится и я просто выдаю заключение. В данном случае я попросила доставить тело в морг для проведения исследований, поскольку заподозрила, что ваш супруг умер еще до того, как автомобиль съехал с шоссе. Как только я установила личность погибшего, сразу поняла, что новости распространятся очень быстро. Труп доставили в мой рабочий кабинет, и я готовилась начать вскрытие, когда получила инструкции все отменить. Знатное происхождение усопшего сделало свое дело. Мне сказали, что смерть наступила в результате несчастного случая и что не нужно расстраивать родственников дополнительными манипуляциями. Я возразила, но получила ответ, что это «просьба» сверху и вопрос не обсуждается.

Мануэль не верил своим ушам.

– Вам запретили проводить вскрытие?

Судмедэксперт горько усмехнулась:

– Не прямым текстом. Просто настоятельно рекомендовали проявить уважение к семье покойного.

– Несмотря на то, что ты придерживалась другого мнения, – добавил Ногейра.

– Верно.

– И чья же это была «просьба»? – поинтересовался писатель. – Кого-то из родственников?

– Сомневаюсь, – вмешался лейтенант. – Да им даже не нужно было просить. Я уже объяснял, что семейство Муньис де Давила управляло нашим регионом несколько веков начиная с феодальных времен и владело здешними землями. Выжить здесь было непросто всем, но только не им. Абсурдная ситуация, если подумать, какое сложилось отношение к этому роду и что эти люди собой представляют на самом деле... Оскорбления, скандалы, выходки и даже мелкие преступления веками сходили им с рук. Родственникам Альваро даже не нужно просить о снисхождении, они на него рассчитывают. Это просто еще одна привилегия.

Мануэль медленно выдохнул, сцепил руки и попытался проанализировать полученную информацию.

– Доктор, а вы уверены, что Альваро убили?

– Абсолютно. Такое ранение самому получить сложно. Его нанесли узким и длинным лезвием – кинжалом, ножом для колки льда... Альваро добрался до машины, но быстро ослабел из-за внутреннего кровотечения, при этом из внешних повреждений остался лишь порез на лбу. Ваш супруг потерял сознание, поэтому и не справился с управлением. Куда он направлялся, нам неизвестно. Возможно, сеньор де Давила понял, что рана серьезная, и хотел обратиться за помощью – в пятидесяти километрах от места происшествия есть больница. А может, старался скрыться от преследователя... Нет никаких сведений, позволяющих предположить, где произошло нападение или сколько Альваро успел проехать, пока не отключился.

Мануэль закрыл лицо руками; его вдруг затрясло, он ощущал себя ужасно. Писатель прижал ледяные пальцы к глазам, надеясь на кратковременное облегчение, и сидел так, пока не почувствовал, что Офелия положила ему руку на колено. Он опустил ладони и встретил ее спокойный и понимающий взгляд.

– Альваро сильно страдал? Я хочу сказать... Такая глубокая рана, это просто ужасно... Как он сумел сесть за руль?

– При подобных повреждениях человек чувствует резкую боль, которая практически мгновенно прекращается. Несмотря на то что такие раны почти всегда смертельны, они не причиняют особых страданий. Подвергнувшиеся нападению люди часто не осознают всю серьезность ситуации, пока не ослабеют от кровопотери, а тогда уже слишком поздно. Глубокие колотые раны не кровоточат, как порезы: мышцы тела естественным образом стягивают их края, и снаружи остается маленькое отверстие – не больше, чем при укусе насекомого. После удаления лезвия резкая боль прекращается, ощущается лишь незначительный дискомфорт. Такой тип повреждений достаточно хорошо изучен: обычное дело для мест лишения свободы, где в оружие часто превращают самые разные предметы, заточивая их и придавая им форму ножа. Порой заключенные получают удар подобным изделием в ходе драки и не осознают, насколько серьезна рана, а через несколько часов умирают в камере. Травму такого рода сложно обнаружить. Но лейтенант Ногейра пришел к тем же выводам, что и я, и собирался возбудить дело об убийстве. Однако ему было велено прекратить расследование. А потом мы прослышали о вас и подумали, что, возможно, вы захотите знать правду.

– А вы уверены, что вам «рекомендовали» не проводить вскрытие, чтобы помешать расследованию убийства?

Лицо эксперта приобрело презрительное выражение, она немного помолчала.

– По правде говоря, я так не думаю. Дело скорее в том, что все мы привыкли униженно подчиняться тем, кто выше по положению. Эта зараза глубоко пустила корни в нашем обществе, хотя мы и не готовы это признать, и, похоже, ситуация не скоро изменится. Ведь сыну мэра никогда не приходят штрафы за превышение скорости. Сложилась тенденция закрывать глаза на выходки политиков и знаменитостей. Похоже, кто-то узнал о личности погибшего и принял меры, чтобы не запятнать его имя.

Мануэль был поражен:

– Даже ценой того, что преступник останется безнаказанным?

– Если б было очевидно, что речь идет об убийстве, никто не осмелился бы. Но, как уже сказала, признаки насильственной смерти я обнаружила далеко не сразу. Разрез на черной рубашке Альваро практически незаметен, видимые повреждения, раны, следы борьбы или самозащиты отсутствуют. Машина слетела с шоссе на прямом участке. Небольшой отек в области живота, который навел меня на мысль о внутреннем кровотечении, легко ускользнул бы от глаз дилетанта. Разумеется, лейтенанту Ногейре кое-какие детали показались подозрительными, но менее опытный сотрудник решил бы, что дело элементарное. Водитель заснул за рулем. Учитывая, что от него слегка пахло алкоголем, логично предположить, что сеньор де Давила выпил лишнего. А знатные семьи, к числу которых принадлежал и ваш супруг, скан-

дали такого рода стараются замять. Я не успела приступить к вскрытию, как появилась «официальная версия», а если систему запустили, то остановить процесс уже очень сложно.

– Еще только один вопрос. Зачем вы это делаете? Я понимаю: борьба за правду и все в этом духе... Но вы же сами признали, что, если все вскроется, у вас будут проблемы.

Офелия не колебалась ни секунды:

– Понимаю, это избитая фраза, но я выполняю свои профессиональные обязанности, вот и всё. Каждый раз, когда на секционном столе оказывается чье-то тело, все должно быть сделано так, как предписывает долг. Я не могу поступить иначе.

Слова судмедэксперта звучали весьма убедительно, и Мануэль ей поверил. Он кивнул и поймал неодобрительный взгляд Ногейры, который с досадой щелкнул языком. Похоже, лейтенантом руководили совсем иные соображения. Интересно какие. Этого писатель не знал, но предполагал, что весьма серьезные. В конце концов, гвардеец делал над собой усилие, превозмогая презрительное отношение к аристократии и гомофобию, осмелился нарушить существующий порядок... Ортигоса надеялся, что лейтенант не замышляет ничего худого.

– Это единственный мотив? – уточнил Мануэль.

Офелия кивнула:

– Да. И, пожалуй, еще тот факт, что я не люблю, когда вмешиваются в мою работу и подвергают сомнению мои выводы. Решение, нужно ли проводить вскрытие, принимается в ходе стандартной рутинной процедуры, но как только тело оказалось на секционном столе, дальше процессом руковожу я. Терпеть не могу, когда мне указывают, что делать.

Судмедэксперт посмотрела на Ногейру, и на этот раз тот остался доволен ее ответом.

Хозяйка налила еще по чашке кофе, и все трое пили его в полном молчании. Вопросы, касающиеся расследования, уже были обсуждены, и теперь возникло то неловкое чувство, которое появляется, когда незнакомые друг с другом люди волей судьбы вынуждены проводить время вместе. Ортигоса протянул Офелии руку, еще раз поблагодарил за желание помочь, вышел из дома и направился к автомобилю Ногейры. Собаки лежали на крыльце, дремали, греясь в лучах полуденного солнца, и, похоже, полностью утратили интерес к писателю. У выхода лейтенант попрощался с хозяйкой, чмокнув ее в губы и слегка похлопав пониже спины. Доктор улыбнулась и закрыла за ними дверь. Мануэль подумал: уж не нежные ли отношения с гвардейцем повлияли на решение судмедэксперта? Он пришел к выводу, что так и есть – по крайней мере, отчасти. Неясными оставались лишь мотивы Ногейры, и соображения Ортигосы на этот счет были довольно мрачными.

Секреты старого сада

Мануэль открыл глаза. Было еще очень рано. Работал телевизор. Накануне писатель дважды безуспешно пытался заснуть, пока не понял, что не сможет сделать это в тишине: непривычная атмосфера отеля, звучащие в голове обрывки разговоров с разными людьми, неопределенность, откуда-то доносящийся плач шестилетнего малыша... Ортигоса убавил звук до минимума: телевизор стал для него тем соединяющим с реальностью мостиком, по которому он сможет вернуться, если приснится что-то неприятное. В последние часы установка следовать совету Иствуда сменилась другим желанием: оправдать свое пребывание в Галисии.

Мануэль провалился в глубокий сон, в котором провел пять часов, и, к счастью, никакие видения его не мучили. Он принял душ, побрился и надел последнюю чистую рубашку. Выглядела она столь же непрезентабельно, как и предыдущая, но под курткой смотрелась сносно. Писатель бросил взгляд на список, который составил, перед тем как лечь, и сложил его вместе с копией счета за телефон Альваро – директор отеля любезно разрешил воспользоваться принтером. Когда Ортигоса убирал бумаги в карман, то обнаружил там уже увядшую гардению. Он положил цветок на столик и уже собирался выйти из номера, когда вдруг передумал, вернулся и убрал веточку в ящик тумбочки.

«Ауди» Гриньяна стояла у ворот имения Ас Грилейрас. Мануэль хотел было припарковаться позади нее, но юрист высунул из окна руку и жестом велел следовать за ним внутрь. Они оставили автомобили на главной аллее, параллельно живой изгороди, окружавшей дом.

Адольфо выскочил из машины и с довольной улыбкой поспешил к «БМВ» писателя, чтобы открыть дверцу. Вчера вечером Ортигоса позвонил Гриньяну и сообщил, что задержится на несколько дней и хотел бы снова приехать в поместье. Хотя юрист никак это не прокомментировал, Мануэль живо представил себе его радостное выражение лица, когда они договаривались о времени встречи. Писатель терпеть не мог быть предсказуемым, но еще больше ему претило выглядеть таковым. Однако он решил: пусть Адольфо думает что хочет о причинах, побудивших Мануэля остаться. Это же отличное прикрытие, чтобы быстрее покончить с делами и уехать из Галисии.

– Значит, вы все-таки решили остаться? – В голосе Гриньяна звучало удовлетворение: он предполагал, что так и случится.

– «Остаться» – громко сказано. Но, безусловно, мне интересно взглянуть на места, где Альваро провел свои детские годы.

Юрист посмотрел на писателя в упор, и, чтобы избежать этого пристального внимания, Мануэль пошел вперед по дорожке.

– Это единственная причина?

– Ну и познакомиться поближе с родственниками Альваро...

– Боюсь, это будет не так-то просто, – извиняющимся тоном сказал Гриньян. – Сантьяго и Катарина сегодня утром уехали, а сеньора маркиза плохо себя чувствует после похорон.

Писатель вспомнил, как мать Альваро покидала кладбище: под руку с невесткой, прямая как палка, словно ей и не требуется ничья помощь. Мануэля она не удостоила даже взглядом. Похоже, эти чувства отразились у него на лице, потому что юрист пустился в объяснения:

– Вчера, когда вы сообщили, что собираетесь нанести визит в поместье, я позвонил сеньору маркизу, чтобы предупредить ее. Надеюсь, вы не в обиде. Просто не хотел, чтобы вы неожиданно столкнулись здесь. Его сиятельство попросил передать вам привет и извинения за свое отсутствие в имении: эта поездка была спланирована заранее.

Ну что ж, Гриньян времени не терял и успел доказать свою преданность новому хозяину, который в одночасье превратился из «Сантьяго» в «его сиятельство», да еще и по счастливому стечению обстоятельств уехал. Впрочем, писателю не на что было пенять: он выразил желание

посетить родовое имение, а не познакомиться с семьей. И такую возможность ему предоставили.

Аллея проходила мимо хозяйственного строения и, изгибаясь в форме подковы, вела к каменному крыльцу конюшни, перед которым два человека изучали задние копыта великолепной лошади.

– Ветеринар приехал, – объяснил юрист. – Этот скакун – последнее приобретение Сантьяго и не перестает доставлять проблемы.

– Неудачная покупка?

Гриньян слегка склонил голову набок и сделал гримасу, означавшую не то согласие, не то сомнение, но так и не ответил.

– Рядом с врачом – Дамиан, смотритель. И на все руки мастер: и конюх и садовник, также занимается мелким ремонтом. Вечером он запирает ворота, а утром открывает их, чтобы прислуга могла попасть внутрь. Дамиан живет в поместье вместе с женой Эрминией; она работает кухаркой и экономкой. В свое время была няней всех троих детей и до сих пор управляет хозяйством.

– Сколько человек трудится в поместье?

– Это зависит от сезона. Смотритель и его супруга живут в отдельном домике. Еще есть Эстела, сиделка сеньоры маркизы. Вчера вы видели мать Альваро в добром здравии, но ее мучает ужасный артрит, способный приковать к постели на несколько недель. А Эстела достаточно сильная и может поднять сеньору. Комната сиделки по понятным причинам находится рядом с покоями маркизы. По хозяйству Эрминии помогает Сарита, она приходит каждый день. Разведением гардений вместе с Катариной занимается Висенте. Еще есть Альфредо, он здесь вроде управляющего. Вчера он наблюдал за похоронами, но вообще-то отвечает за найм сезонного персонала для работы на ферме, в саду и за выполнения разных поручений. За фруктовыми деревьями ухаживает приходящий крестьянин, скот пасет пастух. Здесь выращивают каштаны, оливки, картофель, яблоки. Обычно в поместье трудится восемь-десять человек. Родовое имение способно существовать автономно. Как вы уже поняли, здесь есть собственная церковь и кладбище, это деревня в миниатюре. В Ас Грилейрас имеются свои колодцы, пахотные земли, большой амбар в двух километрах отсюда, водяная мельница и пресс для оливок; в поместье разводят коров, свиней и овец.

Когда Мануэль и Гриньян приблизились к стоящим у конюшни мужчинам, те прекратили разговор. Юрист представил писателя, но не объяснил, зачем он здесь. Рукопожатие ветеринара, молодого человека на вид не старше сорока лет, было твердым, а Дамиана – несколько неуверенным. Смотритель снял с головы кепку и вертел ее в руках, теребя сухими и длинными, как виноградная лоза, пальцами. Ортигоса двинулся дальше, чувствуя, что Дамиан смотрит ему вслед.

– Похоже, они не удивились вашему появлению здесь, – заметил Мануэль.

– У меня есть сотрудник, который постоянно следит за тем, как идут дела семейства де Давила, поэтому мне не нужно часто приезжать сюда. Однако я люблю наведываться в поместье время от времени, мне нравится это место.

Шурша гравием, они молча двинулись дальше, миновали рошу и вышли к церкви. Гриньян остановился, колебался и махнул рукой в сторону кладбища.

– Может быть, вы хотите...

– Нет, – ответил писатель, стараясь даже не смотреть в том направлении.

Они двинулись ко входу в храм, и юрист объяснил:

– Эта дверь всегда закрыта, такова традиция. Каждому члену семьи мужского пола при рождении выдается свой ключ. На самом деле суть не только в том, чтобы отпирать и запира-ть церковь. Древний обычай сложился еще в те времена, когда де Давила были верным оплотом духовенства: в числе их предков есть один весьма влиятельный священник. Если появля-

ются служители, то впустить и выпустить их должен кто-то из мужчин, принадлежащих к роду маркиза. Хотя неприятности все же случаются. Например, недавно с алтаря были украдены старинные серебряные канделябры. Сантьяго все перевернул, чтобы найти похожие. Сейчас церковь открывают только по особым поводам, к сожалению весьма грустным... – И Гриньян замолчал, не закончив предложение.

Они начали обходить здание справа. Дорожка была узкой и шла под уклон; юрист, которому пришлось держаться позади писателя, жаловался, что надел неподходящую обувь. Мануэль воспользовался этой возможностью, чтобы хотя бы на пару метров оторваться от Адольфо, который опекал его с момента приезда в поместье. Он чувствовал, что находится под постоянным надзором, словно заключенный или гость, которому не особенно доверяют. Запыхавшийся Гриньян старался поспеть за писателем и продолжал свой рассказ:

– Усадьба не всегда называлась Ас Грилейрас. В семнадцатом веке эту местность именовали Санта-Клара, и принадлежала она богатому аббату, одному из фаворитов короля. После смерти хозяина поместье перешло его единственному наследнику, племяннику, маркизу де Санто Томе. Тот сделал из него зимнюю резиденцию и переименовал в Ас Грилейрас, из-за чего, полагаю, старик аббат в гробу перевернулся. Как я уже говорил, корни этого названия лежат в местных традициях.

Преодолев крутой спуск, Мануэль, к своему удовольствию, обнаружил внизу древний питомник. Каменные тумбы в нем располагались в форме лестницы, чтобы по максимуму использовать солнечный свет и тепло. Дальше простиралась равнина, на которой разбили отличавшийся строгими линиями сад. Розы уже отцвели, и теперь господствовали хризантемы – огромные, похожие на звезды лиловые, розовые и фиолетовые шары. Не дожидаясь, пока Гриньян его догонит, писатель двинулся по тропинке, утопающей в зелени и образующей загадочный и укромный туннель, по другую сторону которого раскинулась роща, явно высаженная человеком. Она окружала водоем, и его едва можно было разглядеть из-за почти полностью покрывших поверхность кувшинок. Гравий, усыпавший дорожки, ведущие через сад, и клумбы с хризантемами, сменился песком. Звуки шагов почти не слышались. В тех местах, где зелень расступалась, тропинка из-за прошедшего дождя была мокрой. Вьющиеся растения только и ждали момента, когда человек о них забудет, чтобы захватить власть в этом укромном уголке.

Мануэль бессознательно замедлил шаг и почти остановился, чтобы послушать шум ветра, скользя взглядом по верхушкам эвкалиптовых деревьев, которые вперемешку со смоковницами, каштанами, дубами и древовидным папоротником создавали удивительный узор из веток на едва просматриваемом небе. Дорожка продолжала идти под уклон. То тут, то там попадались каменные ступени, разрушенные временем и поросшие мхом, ведущие в сумрачные и полные тайн уголки парка. В склонах холмов прятались фонтаны: вода била из древних труб, искусно замаскированных под пухлые личики ангелов и клювы демонов. Поддавшись импульсу, писатель двинулся по тенистой тропинке, которая извивалась, увлекая в неизвестность. Запахло землей. Дорожка вывела на небольшую полянку, где солнце, пробивавшееся сквозь ветви, освещало спокойную зеленоватую поверхность затянутого ряской пруда. Корни росших вокруг старых деревьев обнажились, стволы склонились, и в некоторых местах ветви почти касались воды. Мануэль с трудом передвигался между этих узловатых и бугристых отростков, которые, сбегав из земли, разрушили стоящие вокруг старые каменные скамьи, напоминавшие теперь покинутые гробницы. Потрясенный красотой местности, писатель повернул назад, навстречу Гриньяну, который едва поспевал за ним.

– Здесь просто... невероятно!

– Атлантические пейзажи с нотками английского стиля. К созданию этой красоты в разное время приложили руку как минимум десяток ландшафтных дизайнеров. – Запыхавшийся юрист с отвращением посмотрел на замшелое сиденье скамейки, но все-таки опустился на

него. – Подумать только, моя жена беспокоится по поводу своего сердца... Лучше бы беспокоилась по поводу моего.

Мануэль даже не взглянул на Адольфо. Потрясенный спокойным величием природы, он, словно замороженный, оглядывался по сторонам. Как может такое чудо быть чьим-то садом? Писатель с удивлением поймал себя на мысли, как повезло Альваро, что он вырос в таком месте. И, невольно обратившись к прошлому, вспомнил свои детские годы: пустынный дом престарелой тетушки, забравшей их после того, как родители погибли в автокатастрофе; причуды старухи, которая едва мирилась с присутствием детей в доме; запах вареных овощей, словно въевшийся в стены; приглушенные разговоры с сестрой на балконе – единственном месте, где они могли пообщаться; отблески красного закатного солнца на здании напротив – тогда они казались детям прекрасными.

Особенно на берегу пруда выделялась старая смоковница. Ее листья блестели на солнце и складывались в странной формы крону, а узловатые корни этого величественного экземпляра извивались как живые, создавая впечатление, будто дерево способно переместиться в другое место, если только пожелает. Очарованный Мануэль подошел поближе и притронулся к стволу, покрытому тонкой и теплой, как шкура животного, корой. Он повернулся к Гриньяну и, глядя мимо него, улыбнулся – впервые за несколько дней. А затем двинулся по тропинке дальше. Разглядев старую водяную мельницу, свернул к ней, сдерживаясь, чтобы не побежать. Спустился по лестнице, которую охраняли скульптуры двух львов. Безжалостное время обточило их формы, сделав похожими на детские рисунки. Мануэль обогнул здание, облицованное старинной плиткой, и пошел на звук воды, падающей с мельничного колеса. Лестницу заволакивали папоротники, и чем дальше, тем гуще и плотнее становились заросли. Каждый поворот тропинки увлекал писателя все глубже в лабиринт, полный неизведанных мест, фонтанов, великолепных пейзажей. Восхищенный, писатель улыбался, наслаждаясь каждым шагом по этому умиротворенному и прекрасному в своей заброшенности саду, уголку дикой природы, укрощенному человеческой рукой, представляя, как здорово было бы провести детские годы в таком месте. Изгибы тропинки внезапно перестали быть настоящим, уводя в прошлое.

Ортигоса подставил руку под струю воды, выливающейся из наклоненной ангелочком каменной амфоры. Ему показалось, что в журчании фонтана слышится веселый смех сестры, которая пытается его обрызгать: капли сверкали, как жемчужины, рассыпавшиеся из разорванного ожерелья. Мануэль представил себе играющих, бегающих, кричащих и прячущихся в саду детей. Он шел по тропинке, торопясь заглянуть за очередной поворот, словно, окажись он там секундой раньше, увидел бы сестру с прилипшей к потному лбу челкой, убегающую, сдерживая смех, сквозь заросли папоротников. Писатель закрыл глаза, стараясь запечатлеть в памяти образ и звук ее голоса, звучавшего так отчетливо, словно она стояла рядом. Он снова двинулся по тропинке, не переставая улыбаться, цепляясь за воспоминания и представления о том, каким счастливым могло стать проведенное здесь детство. Но разве прошлое изменишь? Мануэль не чувствовал ни обиды, ни горечи – лишь грусть и ностальгию по тому, чего у него никогда не было и уже точно не будет. И все же эти мысли так пленяли...

Дорожка снова привела писателя к заросшему кувшинками пруду. Он присел на скамейку, чтобы дождаться юриста, и вдруг понял, что впервые воспоминания о сестре не причинили ему боль. И пусть картины счастливого детства были вымышленными, но Ортигоса осознал, что, видимо, это и есть вера. Он искренне надеялся, что после смерти они с сестрой встретятся, что райский сад действительно существует и когда-нибудь они будут беззаботно шалить под сенью его деревьев.

Мануэль узнал о приближении Гриньяна еще до того, как тот появился. Юрист совершенно запыхался. Он снял куртку и аккуратно повесил ее на руку.

– Все хорошо? Я решил, что вы заблудились.

– Я хотел побыть один, но все прекрасно, – ответил писатель и в тот же момент понял, что не соврал.

Адольфо понимающе кивнул и что-то пробормотал. Ортигоса подвинулся, чтобы его спутник мог сесть рядом, и благодушно дождался, пока Гриньян отдышится, прежде чем продолжить путь.

– Нам налево, – сказал юрист, видимо опасаясь, что Мануэль снова примется бродить по саду. – Так мы выйдем к оранжерее.

Вокруг здания росли крепкие деревья разных размеров. К их ветвям и стволам были прикреплены карточки с указанием семейства, вида и возраста. На некоторых растениях завязались бутоны – темные, крепкие, похожие на луковицы или небольшие, зеленые, напоминающие желуди. Какие-то саженцы уже цвели. Наблюдая явное влияние английского стиля в саду, Мануэль ожидал увидеть деревянную конструкцию с овальными арками, возможно пятиугольной формы. Но оранжерея оказалась частично утоплена в склон холма и выстроена из серого камня с характерными блестящими бороздками, местами чуть более темными. Здание дополняли выкрашенные белой краской деревянные рамы и двускатная стеклянная крыша. Окна до высоты человеческого роста были покрыты пылью и грязью, не позволяя разглядеть, что внутри.

– Это свадебный подарок старого маркиза Катарине. Когда она переехала в родовое имение, то начала скучать по оранжерее, как в родительском доме, поэтому свекор построил эту. Правда, она куда современнее, в десять раз больше, чем была у его невестки, со встроенными системами полива и обогрева и мощной стереоаппаратурой. В этом весь прежний хозяин: он все делал с размахом.

Писатель ничего не ответил. Расточительство и роскошь, к которым стремились многие состоятельные люди, его не впечатляли, а, напротив, вызывали неприязнь. И все же Ортигоса был вынужден признать, что этот красивый сад разбит с любовью. Ландшафты, формы растений – все говорило о безграничном терпении его создателей. Стремление позволить природе самостоятельно формировать восхитительные в своей дикости пейзажи, внося лишь легкие коррективы, говорило о многом.

Гриньян толкнул дверь – она оказалась незаперта. Над их головами звякнул колокольчик, а изнутри полились звуки музыки.

– Похоже, Висенте уже здесь, – объяснил юрист.

Гостей также встретил аромат сотен цветов, раскрывших бутоны в специальной созданной для них теплой атмосфере. От насыщенного запаха воздуха кружилась голова. Внутри рядом стояли пять рабочих столов, уставленных горшками с разнообразными растениями. Некоторые Мануэль узнал, хотя названий не помнил. Но больше всего было гардений на всех этапах развития: от крошечных, укутанных укрывным материалом саженцев до взрослых кустов, почти таких же больших, как те, что росли снаружи.

По центральному проходу шел довольно высокий юноша с мешком грунта в руках. Увидев посетителей, он положил свою ношу, снял перчатки и обменялся с писателем и юристом крепким рукопожатием.

– Добрый день! Вам, наверное, нужна Катарина? К сожалению, ее здесь нет, но если я могу чем-то помочь...

– Я просто провожу для Мануэля экскурсию по поместью.

Висенте, похоже, удивился, но быстро снова принял невозмутимый вид.

– Пруд уже посетили? Невероятное место...

– Как и весь сад, – произнес Мануэль.

– Да... – туманно ответил юноша, задумчиво глядя куда-то в глубь оранжереи. – Жаль, что Катарина нет. Уверен, она с радостью рассказала бы, чем мы занимаемся. В последние годы мы добились существенного прогресса в области растениеводства. – Висенте двинулся

по проходу, жестом приглашая Ортигосу и Гриньяна следовать за ним. – Что касается выращивания гардений, у Катарины настоящий талант в этом деле. Несмотря на то что она никогда не изучала ботанику, сеньора точно знает, что нужно тому или иному растению в какой-то определенный момент. За последний год несколько важных изданий признали заслуги Катарины в области садоводства: специализированный журнал «Лайф гарденс» назвал ее лучшим производителем гардений в мире. – И Висенте указал на растение высотой почти в полметра, покрытое крупными, размером с ладонь, розетками. – Мы получили впечатляющие результаты не только в отношении величины бутонов или длительности цветения, но и в плане аромата. Два производителя духов из Парижа заинтересовались нашими растениями.

Мануэль делал вид, что внимательно слушает, а сам наблюдал за тем, как изменились выражение лица, жесты и язык тела юноши, когда он заговорил о Катарине. Исчезла неуклюжая походка, свойственная высоким людям; Висенте теперь словно скользил по проходу между рабочими столами. Он протянул руку и дотронулся до жестких блестящих листьев. Рассказывая о талантах своей хозяйки, юноша словно ласкал растение и, продолжая говорить полным восхищения голосом, нежно вытер пальцами белесое известковое пятно. Писателя не интересовали ни секреты садоводства, ни сорта, устойчивые к болезням. Но он вынужден был признать, что гардении источают какую-то невероятную, почти животную притягательность. Рука так и тянулась, чтобы потрогать их стебли. Бледные лепестки напоминали, как недолг человеческий век.

Мануэль вспомнил о цветке, который чуть было не бросил в могилу Альваро, но вместо этого положил в карман и весь день носил с собой. Оказалось сложно оторваться от гладких кремовых лепестков – словно прикасаешься к чьей-то коже и думаешь о быстротечности времени. Ортигоса машинально поднял руки и коснулся цветка, перед которым стоял, чувствуя нежность бутона между пальцев. Он почти церемониально наклонился, вдохнул аромат и мгновенно перенесся в тот момент, когда стоял с гарденией над гробом Альваро, глядя в яму, где собирались похоронить и частичку его сердца. Видение исчезло, писатель открыл глаза. Зелень оранжереи превратилась в размытое пятно. Мануэль, пошатываясь, сделал пару шагов назад и осел на пол, но чувств не лишился. Он смутно видел фигуры двух спешащих к нему мужчин, ощутил прикосновение прохладной ладони ко лбу и часто заморгал.

– Это из-за жары и влажности, – объяснил Висенте. – Такое уже случалось. Разница в температурах внутри и снаружи как минимум двенадцать градусов, а в оранжерее сложно дышать из-за сырого воздуха, особенно если у вас проблемы с давлением, плюс еще и цветочный аромат...

Сгорая от стыда, обессиленный Мануэль позволил спутникам поднять себя с пола и отряхнул песок с и без того печально выглядящей одежды. Ну и жалкий у него сейчас, должно быть, вид...

– Что вы ели на завтрак? – спросил Гриньян.

– Пил кофе.

– Кофе? – повторил юрист, покачивая головой, словно удивляясь нелепости ответа. – Пойдемте на кухню, Эрминия вас чем-нибудь покормит. – Он подтолкнул писателя к выходу, поддерживая его под руку.

Фасад главного здания украшали две арки. Одна служила парадным входом; через другую, как предположил Ортигоса, экипажи некогда попадали во внутренний двор. Позже ее заложили. Рядом находилась голландская дверь с открытой верхней частью, и около нее рыскал упитанный черный кот, несомненно привлеченный ароматами готовящейся еды. Похоже, Гриньян был прав, настаивая на походе на кухню. Там, около современной плиты, хозяйничали две женщины – одна постарше, другая помоложе. Как ни странно, центральное место в комнате занимала дровяная печь.

– Доброе утро! – обратился юрист к поварихам из-за двери. Они повернулись и выжидающе уставились на него. – Не найдется ли у вас чего-нибудь перекусить для нашего гостя? Он того и гляди упадет в обморок.

Вытирая руки о передник, Эрминия подошла к двери и открыла ее полностью, с улыбкой рассматривая Мануэля. Он ее помнил: на похоронах экономка безутешно рыдала вместе с несколькими другими женщинами. Она взяла писателя за руку, повела внутрь и усадила за широкий деревянный стол, не обращая внимания на юриста и поглядывая то на Ортигосу, то на свою молодую помощницу.

– Милый ты наш, мы только о тебе и говорили в последнее время. Просто ужасно, через что тебе пришлось пройти... Сарита, убери со стола и принеси Мануэлю бокал вина. А ты, дорогой мой, садись здесь и дай мне свою куртку. – Эрминия повесила одежду на спинку стула. – Сейчас мы о тебе позаботимся. Сарита, отрежь-ка сеньору кусок пирога с кукурузой.

Ошарашенный таким вниманием к своей персоне, писатель не сопротивлялся, лишь бросил взгляд через плечо на Гриньяна, который шутливо произнес:

– Эрминия, я буду ревновать. Ты совсем обо мне забыла.

– Не обращай на него внимания, – сказала экономка Мануэлю. – Такой же проходимец и льстец, как тот толстый кот. Да и повадки те же: стоит мне отвернуться, а он уже на кухне и поедает все, что найдет... Сарита, угости и сеньора Гриньяна.

Молодая помощница положила на стол огромный пирог размером с поднос и принялась резать его под пристальным взглядом Эрминии.

– Да побольше же! – Экономка отобрала у девушки нож и закончила работу сама, поставив перед мужчинами две белые фаянсовые тарелки с угощением.

Мануэль откусил кусочек. На подушке из лука покоилось нежное мясо, а кукурузное тесто придавало кушанью особый аромат.

– Нравится? Ешь, возьми добавки. – Эрминия положила на тарелку писателя еще один огромный кусок. Затем повернулась к юристу и сказала приглушенным голосом и совсем другим тоном: – Сарита собиралась вам кое-что сообщить. Детка, что ты хотела сказать сеньору Гриньяну?

– Вас хочет видеть старая маркиза. Она просила немедленно уведомить вас об этом, как только вы появитесь, – робко ответила девушка.

Юрист выпрямился на стуле и бросил полный сожаления взгляд на румяный и еще горячий пирог и мясную начинку.

– Ну что ж, долг прежде всего, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Эрминия, смотри, чтобы мой кусок пирога не слопал кот. – И Адольфо направился к двери, которая вела на лестницу.

В тот же момент в кухню ворвался маленький Самуэль. Он подбежал к экономке и обнял ее за ноги. Следом появилась мама малыша.

– И кто это у нас здесь? – воскликнула Эрминия. – Никак его величество король пожаловали!

Она хотела взять мальчика на руки. Но тот заметил писателя, застеснялся и спрятался за спиной Элисы, которая довольно улыбалась.

– Мама... – заныл малыш.

– Что случилось, детка? Разве ты не знаешь, кто это?

– Это дядя Мануэль.

– Значит, нужно с ним поздороваться.

– Здравствуй, дядя, – улыбнулся мальчик.

– Здравствуй, Самуэль, – ответил Ортигоса. Непривычное обращение словно придавило его своей тяжестью.

Малыш бросился бегом к двери.

– У него сегодня столько энергии... Посмотрим, иссякнут ли ее запасы, – бросила Элиса и поспешно вышла из кухни вслед за сыном.

Эрминия проводила их взглядом, а затем повернулась к Мануэлю.

– Элиса – отличная девушка и прекрасная мать. Она собиралась замуж за Франа, младшего брата Альваро. Когда он умер, она была беременна.

Писатель вспомнил, что рассказывал ему юрист: передозировка наркотиков.

– Фран так и не увидел своего сына. С тех пор Элиса живет здесь. А что до Самуэля... – Экономка улыбнулась. – Ты сам видел. Он похож на солнечный лучик, что освещает этот дом. А ведь нам так этого не хватало. – На лицо ее набежала тень.

Сарита вздохнула и положила руку на плечо Эрминии. Та накрыла ее ладонью и склонила голову в знак признательности и благодарности.

Вернулся Гриньян. Лицо его было крайне серьезным. К пирогу юрист даже не притронулся, лишь сделал маленький глоток вина и бросил взгляд на экран мобильного телефона.

– Ну надо же... Мануэль, мне очень жаль, но в офисе произошло нечто непредвиденное, и мне надо возвращаться в Луго. – Юрист врал так неумело, что женщины отвели взгляд и принялись делать вид, будто у них срочно образовались какие-то дела на кухне.

– Не волнуйтесь, мне все равно пора, – солгал писатель.

Он встал, взял куртку со стула и хотел было попрощаться, когда экономка заключила его в объятия. Ортигоса вынужден был наклониться и, постояв немного и ощущая неловкость из-за столь бурных проявлений чувств, тоже положил руки ей на спину.

– Заглядывай к нам, – шепнула ему Эрминия.

Мануэль надел куртку и догнал Гриньяна, который ждал его снаружи.

– Дядя! – послышался сзади высокий голос мальчика.

Писатель повернулся и увидел Самуэля, который бежал к нему со свойственной малышам неуклюжестью, когда кажется, что ребенок вот-вот распластается на земле. Щеки мальчика покраснели от утренней прохлады, а распахнутые, готовые к объятиям руки вызвали у Мануэля улыбку. Он нагнулся, чтобы подхватить ребенка, и под влиянием эмоций поднял его высоко в воздух. У писателя возникло ощущение, будто он держит в руках огромную, не прекращающую извиваться рыбу. Руки мальчика обвили его шею, словно виноградные лозы. Малыш поцеловал Ортигосу в щеку, и тот почувствовал холод на месте оставшегося влажного следа. Мануэль держал Самуэля, не зная, что делать дальше, и поджидал Элису, которая едва поспевала за сыном.

– Надо же, я, видимо, не в форме, – весело сказала молодая женщина, пытаясь восстановить дыхание. Мальчик спрыгнул с рук писателя и бросился к матери, которая заключила его в объятия. – Заезжайте к нам еще. Мы с Самуэлем будем рады.

Ортигоса кивнул и догнал Гриньяна. Они молча дошли до припаркованного автомобиля. Писатель обернулся и увидел, что мать с сыном смотрят ему вслед. Он помахал им рукой, и они ответили тем же.

«Славные подвиги»

Гвардейцы уже ждали Мануэля. Как только тот назвал имя Альваро Муньиса де Давилы, его сразу же проводили в кабинет капитана, где писатель первым делом заметил на столе один из своих романов. Ортигоса скрыл удивление и пожал протянутую руку. Капитан еще раз принес соболезнования, а затем поставил на стол картонную коробку и начал перечислять лежавшие в ней предметы, сверяясь со списком.

– Бумажник, восемьдесят евро наличными, две связки ключей, документы, два мобильных телефона и пакет с одеждой, ремнем и обувью, которые были на Альваро, когда его... – капитан откашлялся, – привезли в морг.

– Два телефона? – уточнил удивленный Мануэль.

– Что-то не так?

– Наверное, так... – Что ж, Ногейра, судя по всему, прав: две связки ключей, два телефона, две разные жизни... Все логично.

– Сожалею, но обручальное кольцо мы не нашли.

Ортигоса кивнул, не зная, что сказать, и поднялся со стула.

– Мне также нужны ключи от машины.

– Конечно. Подпишите вот этот документ, таков порядок при передаче имущества. – Капитан подвинул к писателю лист бумаги и нашел ручку.

Мануэль нацарапал свое имя, и гвардеец протянул ему ключи, но не торопился их отдавать, зажав в руке.

– Сеньор Ортигоса, оставите автограф для моей жены? – Страж порядка указал на книгу. Он явно нервничал, хотя до этой минуты держался весьма уверенно.

Писатель взглянул на обложку и вспомнил, что издатель предложил два варианта оформления и они с Альваро выбрали этот. В то время они отмечали с шампанским каждую новую книгу, каждый перевод на очередной иностранный язык. Капитан рассыпался в извинениях и вернул Мануэля из прошлого.

– Понимаю, момент не самый подходящий... Если вы против... Наверное, не стоило об этом просить.

– Разумеется, я подпишу, – сказал Ортигоса, убирая ключи в карман и беря книгу. – Как зовут вашу жену?

* * *

Оба телефона Мануэль положил в карман, а коробку поставил в багажник. Вечером он встретится с Ногейрой, и тот передаст судмедэксперту одежду на исследование. Писатель пошел по парковке в поисках машины Альваро и обнаружил ее в глубине, между двумя патрульными автомобилями. Издалека никаких следов ДТП видно не было. Забрать машину сейчас он не сможет, ведь тогда ему придется оставить здесь свой «БМВ» – об этом Ортигоса не подумал. Он подошел поближе и заглянул в салон. Внутри, как обычно, царили чистота и порядок, только на сиденье и руле виднелись пятна засохшей крови. Мануэль нажал на кнопку брелка и открыл автомобиль. И сразу почувствовал присутствие Альваро, как будто тот стоит рядом: запах его кожи, явный оставленный им след... Ощущение было настолько реальным, словно его призрак вот-вот появится или, наоборот, только что исчез.

Писатель отпрянул от неожиданности. От родного аромата закружилась голова, сердце забилося быстрее, глаза наполнились слезами, а колени подогнулись. Мануэль отступил и оперся спиной о патрульную машину. Запах, сохранившийся в тесном автомобильном салоне,

напугал его своей интенсивностью: было ощущение, словно там разбили флакон стойких духов. Ортигоса закрыл глаза и постарался уловить каждую молекулу этого аромата, но тот быстро смешивался с царящими вокруг вульгарными испарениями. Внезапно возникший образ Альваро таял на глазах. Опечаленный, Мануэль покачал головой, мысленно проклиная выпавшие на его долю страдания. В отчаянной попытке еще немного побыть с Альваро, удержать ту малую часть его, что еще осталась, он захлопнул дверь автомобиля и сел на землю, сиротливо ощущая пустоту, с выступившими от злости слезами на глазах. И тут заметил, что за ним наблюдает молодой гвардеец, который, впрочем, не осмеливался подойти ближе.

– Сеньор, все хорошо? – осведомился наконец тот официальным тоном.

Ортигоса взглянул на него и чуть не рассмеялся. Он сидит на земле, облокотившись о патрульную машину, и рыдает от отчаяния, а этот юноша интересуется, все ли у него хорошо... Лучше некуда, черт возьми.

Писатель ощупал карманы в поисках носового платка, хотя прекрасно знал, что его там нет, и наткнулся на второй телефон, свидетельство неизвестной ему жизни. И этого было достаточно, чтобы изгнать из памяти Альваро, чье место занял незнакомец. Слезы высохли, словно по волшебству. Ортигоса перевел взгляд на дверцу автомобиля, запер машину с пульта и поднялся на ноги, отряхивая одежду.

– Не беспокойтесь, всё в порядке. Просто голова закружилась.

Молодой гвардеец ничего не ответил, только поджал губы и кивнул.

Писатель уселся за руль «БМВ». Он слишком устал, чтобы вести машину, слишком сбит с толку, чтобы принять какое-то решение. На ладони лежал новенький айфон последней модели, который Мануэль видел впервые. Блестящий черный аппарат напоминал мерзкого жука, который тем не менее хранит какой-то суперважный для человечества секрет. Ортигоса включил телефон и увидел уведомление, что батарея почти разрядилась. Он подсоединил к смартфону автомобильное зарядное устройство, взял свой сотовый и набрал номер Мей.

– Мануэль?

– У Альваро был рабочий телефон, которого я никогда не видел...

Секретарь медлила с ответом, и писатель взорвался:

– Господи боже, это не вопрос. Я держу его в руках. Альваро мертв, хватит уже покрывать его.

– Прости, Мануэль, дело не в этом. Я до сих пор не могу привыкнуть... Да, у него был еще один телефон.

– Счета за мобильную связь, я полагаю, приходили в офис, раз я даже не знал о существовании этого сотового?

– Верно. Расходы оплачивала компания.

– Мне нужны детализированные счета по данному номеру.

– Раз мобильник у тебя, ты можешь сам посмотреть информацию в приложении. Но, если хочешь, могу прислать, это не проблема. Диктуй адрес.

– Я остановился в гостинице. Как только закончим разговор, отправлю тебе координаты. Мне также нужен ежедневник Альваро, где отмечено, с кем он встречался и куда ездил.

– Эта информация тоже есть в айфоне, но я подготовлю для тебя и физическую копию.

Мануэль взял телефон Альваро и поискал среди иконок календарь. В нем оказалась куча заметок, обозначенных разными цветами сроков, задач и встреч. Сбивающая с толку путаница. А он-то надеялся найти ключ к разгадке...

– Мей, мне нужна твоя помощь. Как среди этого изобилия данных выделить определенную информацию?

– Не знаю. А что ты ищешь?

– Поездки в Галисию. Юрист Альваро сообщил, что тот регулярно сюда наведывался, так что в календаре должны быть записи.

– Сеньор де Давила ездил туда раз в два месяца, – сообщила секретарь. По голосу было ясно: она ожидает, что Мануэль рассердится.

Писателю нравилась Мей, и он знал, что его симпатия взаимна. Теперь, когда гнев и удивление, которые он сначала испытывал, испарились, Ортигоса понимал: на месте секретаря он тоже сделал бы то, о чем просит начальник. Он знал, что ей сейчас нелегко, и все-таки обида была слишком велика, чтобы допустить мысль о прощении. Мануэль постарался сделать свой тон нейтральным.

– Я не вижу соответствующих записей в календаре.

– Ищи встречи с представителями организации «Славные подвиги».

«Славные подвиги» – один из основных клиентов компании Альваро. Ортигоса не помнил, чем они занимались; ему казалось, что их деятельность связана с химической промышленностью. Но название фирмы было таким странным, что врезалось в память. В календаре действительно нашлись соответствующие записи: встречи проходили раз в два месяца и продолжались по 2–3 дня.

– Альваро ездил в Галисию, прикрываясь делами с представителями этой компании?

– Мануэль, «Славные подвиги» принадлежат ему.

– Ты хочешь сказать, что...

– Это его фирма.

Писатель почувствовал себя униженным, лицо его вспыхнуло. На глаза навернулись было слезы, но стыд заставил их закипеть и испариться. С огромным трудом взяв себя в руки, Ортигоса прошептал:

– И чем же она занимается?

– Это материнская компания, у нее есть дочерние предприятия. В основном деятельность связана с производством и экспортом вина.

* * *

Душевая была настолько тесной, что Мануэль едва мог двигаться. Низ плотной клеенчатой шторки с рисунком в виде квадратов поразил грибок, придавая ей схожесть с испачканным подолом платья. Преодолевая отвращение, писатель намочил ее и прилепил к стене, чтобы ненароком не коснуться этой черной субстанции. Из душевой насадки била только мощная струя, и писателю приходилось вертеться, чтобы облиться полностью. От такого напора тело болело, но Ортигоса открыл кран до упора, зажмурил глаза и позволил горячей воде стекать по уставшим мышцам. Возникло ощущение, будто кто-то бьет его кулаками по плечам, и, как ни странно, это успокаивало. Руки и ноги ломило от боли, поясница горела, перед глазами стояли красные пятна. Мануэль чувствовал себя так, словно заболевает, и понимал, что лишь одно заставляет его двигаться: ярость. Он ощущал, как она медленно кипит внутри, оставляя осадок из горечи. Словно в результате химической реакции в стеклянной колбе по капле собирается яд, которым и будет питаться в дальнейшем его душа.

Гнев был нужен ему, чтобы не сбежать, не прыгнуть в машину и не уехать подальше от этого места, от лжи, боли и нелепого соглашения с каким-то гвардейцем, который его презирал.

Если не считать душевой, номер выглядел вполне прилично: чистые полотенца и простыни, немногочисленная старомодная мебель, скрипучий деревянный пол. В одной из стен была запертая дверь, ведущая в соседнюю комнату, а рядом стояла узкая железная кровать, которую Мануэль считал отвратительной. На ней лежал матрас настолько тонкий, что виднелись очертания каркаса. Это «ложе» было слишком похоже на то, на котором писатель в детстве провел много бессонных, полных отчаяния ночей в доме тетушки. Сейчас койка была завалена пакетами с одеждой, которую он купил перед визитом в участок: два пиджака, три пары брюк, полдюжины рубашек, носки, нижнее белье. Ортигоса выбрал то, что наденет сегодня,

а остальное убрал в шкаф. На столик у кровати он положил купленную в том же торговом центре книгу. Вообще-то Мануэль предпочитал приобретать печатную продукцию в книжных магазинах, но сейчас ему не хотелось, чтобы продавец его узнал. Писатель не был настроен на светские беседы, поэтому сделал выбор в пользу ассистента в супермаркете, которого вряд ли заинтересовал бы кто-то, кроме блогеров, и нашел нужный отдел. Ассортимент был скудным. Ортигоса решил, что на роман или повесть у него сил не хватит, и остановил свой выбор на экземпляре, который таинственным образом оказался в торговом центре. Мануэль уже читал эту книгу – избранное Эдгара По в мини-формате, в том числе «Сердце-обличитель», «Черный кот» и «Ворон».

Однако Ортигоса приобрел и кое-что еще и машинально положил эти покупки на темный письменный стол, что, впрочем, было вполне логично. Две пачки бумаги и упаковка шариковых ручек. Пока писатель разбирал пакеты и решал, что сегодня надеть, он упорно не смотрел в ту сторону.

Вскоре после публикации первого романа, когда количество проданных экземпляров начало приближаться к полумиллиону копий, издатели известного литературного журнала уговорили Мануэля разместить статью о профессии писателя, приоткрыть завесу тайны и познакомить читателей с секретами мастерства. Свое эссе он назвал «Две пачки бумаги и упаковка ручек» – ведь это все, что нужно, чтобы создать роман. Ортигоса твердо верил в это и опирался на собственный опыт. Он знал, что желание творить продиктовано человеческой природой, потребностью души, внутренним голодом, который можно утолить, пусть и на время, только излив слова на бумагу. Но Мануэль столкнулся с жесткой критикой со стороны коллег-писателей. Как осмелился этот новичок, случайно попавший в профессию, давать советы? Разве количество проданных экземпляров не говорит о том, что он способен только на то, чтобы штамповать дешевые романы?

Уже позже, написав несколько книг и дав множество интервью, Ортигоса создал собственную творческую обстановку: комната с белыми стенами, уставленная книжными шкафами, стеклянный стол, на который падает свет из откидного окна и где стоит ваза с белыми орхидеями, тишина. Он окружил свою деятельность искусственным ореолом, прославляющим худшие пороки, помогающие писателю творить: алкоголь, наркотики, жестокость, разного рода эксперименты и неподобающее поведение.

На самом деле Мануэль верил в то, что неиссякающие источники, подпитывающие литераторов, – это беззащитность, порождающая уверенность, невзгоды, высекающие искру вдохновения, и презрительное отношение, дающее всходы в виде гордости. Но они работают лишь в том случае, если остаются скрытыми. Именно эти невидимые подземные реки или потоки бурлящей лавы заставляют писателя творить. Но они остаются тайными, а говорить о них вслух так же оскорбительно, как делать вид, будто автору нужен всего лишь хорошо освещенный рабочий кабинет, компьютер да совет доктора филологии.

Мануэль вынужден был признать, что вел себя как султан: занимал лучшую комнату в доме, работал за красивым, прекрасно освещенным столом, постоянно любовался орхидеями. А еще ощущал поддержку Альваро, который молча сидел и читал, пока Ортигоса работал. Идеальная счастливая атмосфера, которая сбивала с настроения и лишала вдохновения, стоило писателю оторвать взгляд от экрана и посмотреть вокруг. И все же он понимал, что без всего этого можно обойтись.

Мануэль смотрел на белые листы бумаги и спрашивал себя, когда он успел забыть, что пищей для творчества становятся страдания, боль, невысказанные секреты. Искусство рождается, если ты способен чувствовать, но не демонстрировать свои эмоции другим, обнажать душу и не казаться при этом вульгарным.

Ортигоса подошел к столу. Тело быстро теряло тепло после душа, и полотенце, в которое он завернулся, уже становилось прохладным. Писатель вытянул руку и дотронулся кончи-

ками пальцев до гладкой поверхности упаковок. Две пачки бумаги и ручка, больше ничего не нужно... Он вздохнул и отошел прочь.

Затем вытер запотевшее зеркало в ванной полотенцем и застегнул рубашку. Пора выходить. Мануэль надел один из новых пиджаков и уменьшил звук на телевизоре, который по привычке оставил включенным. Затем взял испачканную куртку, чтобы вытащить бумажник и два телефона. В кармане оказалось еще что-то. И хотя писатель, едва притронувшись, понял, что это, но решил убедиться. Лепестки даже сейчас оставались гладкими и крепкими и распространяли сильный, довольно резкий аромат. Гардении. Мануэль смотрел на нее и на куртку, пытаясь понять, как цветок попал в карман. В замешательстве он открыл ящик тумбочки и убедился, что первая сорванная им ветка, уже увядшая, на месте. Ортигоса положил обе гардении рядом и начал их изучать. Наконец он решил, что виной всему его плохое самочувствие в оранжерее. Он любовался растениями, потом начал падать и, возможно... Да нет, это какой-то бред, цветы там почти в два раза больше, чем этот. И все же... сегодня был странный день, да и вчерашний не лучше. Все казалось нереальным, его жизнь превратилась в хаос, и было сложно восстановить последовательность событий. Вероятно, Мануэль машинально сорвал гардению и засунул в карман.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Писатель открыл, ожидая увидеть на пороге жену хозяина отеля. Она заглядывала время от времени: предлагала что-нибудь поесть, приносила чистые полотенца или сообщала, что по телевизору показывают футбол, хотя Ортигоса говорил ей, что не особенно им интересуется. Видимо, женщина боялась, что гостю скучно. Но на пороге стояла Мей Лю с непривычным выражением – не то извиняющимся, не то испуганным – на усталом лице.

– Мей?

В голосе его не было упрека, лишь смирение и искреннее удивление. Мануэль распахнул объятия и прижал к себе секретаря, которая разразилась рыданиями. Злость мгновенно улетучилась, хотя он знал, что скоро она вернется и усилится. Но сейчас теплота тела Мей неожиданно успокоила писателя, и он понял, чего ему не хватало: с момента отъезда Альваро он никого не обнимал, за исключением Самуэля.

Понадобилось некоторое время и несколько бумажных платков, чтобы Мей наконец успокоилась. Она окинула взглядом номер, который, должно быть, показался ей пустым и мрачным, и печально спросила:

– Мануэль, что ты тут делаешь?

– Я выполняю свой долг, а ты?

Мей выскользнула из его объятий, сняла плащ и подошла к окну. Затем повернулась и снова осмотрела комнату. Ортигоса заметил, что ее взгляд задержался на пачках бумаги на обшарпанном столе. Несколько секунд секретарь молча смотрела на них, словно подбирая слова, которые намеревалась произнести.

– Я помню, что ты сказал мне не приезжать, и я уважаю твои желания, но... Я не жду, что ты простишь меня, но хотела бы объясниться. Как только Альваро был вынужден заняться семейными делами, то сразу же попросил вести их отдельно. У меня и мысли не было, что тебя так это ранит. Мне казалось, что шеф занят решением исключительно деловых вопросов и просто не хочет тебя нагружать.

– Ты права, Мей. Ты ни в чем не виновата, и когда-нибудь я смогу тебя понять. Но это мы обсуждали по телефону. Зачем ты приехала?

Секретарь кивнула и даже слегка улыбнулась:

– Потому что я должна кое-что тебе рассказать. Я вспомнила об этом, когда ты позвонил, чтобы спросить про второй телефон Альваро.

Мануэль с интересом посмотрел на нее.

– Он обычно лежал у шефа на столе. Звонки поступали редко, и, как правило, отвечал сам Альваро, но иногда трубку брала я. И общалась всегда с одним и тем же человеком, который прекрасно говорил по-кастильски, но с сильным галисийским акцентом. Очень вежливый и образованный мужчина, сеньор Гриньян. Думаю, ты с ним уже знаком.

Писатель кивнул.

– В пятницу мы с шефом работали в его кабинете. С утра позвонил Гриньян – я это точно знаю, потому что Альваро назвал его по имени. А ближе к обеду поступил еще один звонок. Абонент на другом конце провода так кричал, что я, хотя и не могла разобрать слов, поняла, что он очень рассержен. Шеф попросил меня выйти, но ты же знаешь, что его кабинет отделен от моего только стеклянной дверью. Альваро какое-то время слушал звонившего, потом коротко что-то ответил и закончил разговор. Когда он вышел из кабинета, вид у него был озабоченный – ведь я хорошо знаю шефа. Он пробормотал, что ему нужно выйти за кофе или что-то в этом роде, и исчез. А потом телефон снова зазвонил. Я хочу, чтобы ты понимал: мне разрешалось брать трубку. Обычно я слышала какую-нибудь стандартную фразу, например: «Попросите Альваро, чтобы он мне перезвонил». Или: «Передайте шефу, что я отправил ему на почту документы на подпись». Я всегда отвечала что-нибудь вроде: «Да, обязательно». Или: «Он сейчас на встрече». Я хочу сказать, что хотя Альваро и старался отвечать на звонки сам, мне не возбранялось делать это. – Мей явно нервничала. Она прикусила нижнюю губу. – Телефон зазвонил, я немного подождала. Меня удивило, что номер, отображавшийся на экране, выглядел странно: всего три или четыре цифры. В офисе у Гриньяна несколько аппаратов, поэтому иногда его имя не высвечивается. Я взяла трубку и сразу же узнала характерный звук, который не слышала вот уже много лет: это падали монеты, абонент звонил из автомата. Это был не юрист, а какой-то другой человек. Он очень нервничал. Я и слова не успела сказать, как он заговорил: «Ты так просто от него не отделаешься, слышишь? У него есть доказательства, что ты убийца. И если ты ничего не предпримешь, он всем расскажет».

Мей замолчала. Тело ее обмякло, словно у марионетки, у которой отрезали нитки, и секретарь оперлась о подоконник, как будто долгая речь полностью ее истощила. Мануэль ошеломленно смотрел на нее.

– «У него есть доказательства, что ты убийца»? Так и сказал?

Мей кивнула и на секунду прикрыла глаза. Когда она их открыла, взгляд у нее был грустный.

– Я ничего не ответила и дала отбой. Телефон сразу же зазвонил снова. Думаю, человек в автомате решил, что связь прервалась. Я не стала брать трубку, а ушла за кофе. Нашла предлог, чтобы покинуть офис. Когда я вернулась, Альваро уже был на месте. Звонков больше не поступало, хотя позже я видела, как шеф разговаривает по айфону. Завершив беседу, он сообщил, что у него встреча с представителями компании «Славные подвиги» и что он немедленно уезжает. А по «официальной версии» проведет выходные в Барселоне, на собрании владельцев сети отелей.

Мануэль молчал и не знал, что сказать. У него возникло впечатление, будто он прошел через волшебное зеркало и оказался в параллельном мире, где происходящее не поддавалось никакой логике. «У него есть доказательства, что ты убийца». Кто этот «он»? Кто кого убил? Писатель прижал ставшие ледяными руки ко лбу и почувствовал уже знакомый жар, сжигающий его изнутри. Мей опустила взгляд, продолжая украдкой за ним наблюдать. Мануэль ее разочаровал – как и всех, кто ожидал, что он начнет биться в конвульсиях от боли. Ортигоса понял это по ее удивленной реакции, когда задал свой следующий вопрос:

– Ты знала, что Альваро настолько богат?

Секретарь смотрела на него с недоумением на лице. Мануэль понял, что плохо сформулировал мысль.

– Я имею в виду, что за последние несколько лет он, конечно, подписал ряд важных контрактов со спортивными и фармацевтическими компаниями, а еще с «Шевроле» и этой японской фирмой... как ее, «Такэши»?

– «Такэси», – поправила Мей.

– Точно. Но его юрист говорил о большом, просто огромном состоянии.

Секретарь пожала плечами:

– Да, можно сказать, что Альваро был весьма богатым человеком.

– Что ж, я знал, что дела у него идут неплохо, но даже не предполагал...

– Ты был занят другим. Путешествовал, писал книги...

«Занят другим...» Это что, упрек? Неужели он настолько оторвался от реальности? Закрывал глаза на очевидное? А окружающие считали его неинформированность не более чем чертой характера? Разве путешествия и книги – достаточное тому объяснение? Ортигоса попытался поразмышлять на эту тему, но сознание словно погрузилось в летаргический сон, настолько на него повлияла невероятная новость Мей.

– Мануэль, мне пора.

Он поднял глаза и увидел, что секретарь уже надела плащ и что-то ищет в сумке. Она протянула ему средних размеров ежедневник в черной обложке. Мануэль быстро схватил его и положил на столик, чтобы не видеть почерк Альваро.

– Я уже пролистала его, – сказала Мей. – Информация полностью дублирует электронный календарь. Но если не веришь, можешь посмотреть сам.

В ее голосе не было упрека. Осознание, что секретарь чувствует себя виноватой, одновременно разбивало ему сердце и дико раздражало. Мей снова принялась рыться в сумке, но на этот раз без особой цели. Она заметила, что Мануэль наблюдает за ней, и, отвернувшись к окну, прижала пальцем слезу, словно собиралась направить ее обратно, в уголок глаза. Писатель вдруг понял, что не знает, где она остановилась и как добралась до Луго.

– В каком отеле ты сняла номер?

– Ни в каком. Я возвращаюсь в Мадрид.

Ортигоса бросил взгляд на экран мобильного телефона.

– Но уже очень поздно. Если поедешь сейчас, то на месте будешь только в два часа ночи.

– После разговора с тобой мне стало не по себе. Я собиралась позвонить тебе, но поняла, что должна приехать и рассказать все лично. Я любила Альваро, и тебя люблю, и не хочу, чтобы ты считал меня предательницей.

Мануэля глубоко тронули ее слова. Тем не менее он продолжал сидеть на кровати и смотреть, как Мей роется в сумке, словно ища предлог, чтобы задержаться. Он хотел было встать и снова обнять ее, но решил, что пока не готов. Вместо этого сказал:

– Я не считаю тебя предательницей и благодарю за то, что ты приехала и все мне рассказала.

Неохотно принимая тот факт, что если Мануэль простит ее, то не сегодня, секретарь защелкнула замок сумки и повесила ее на плечо.

– Ну что ж, тогда я пойду.

Ортигосе стало ее жаль.

– Почему бы тебе не переночевать в Луго и не поехать завтра утром?

– Я никому не сказала, что уезжаю, даже мужу. Поддалась порыву... Повесила трубку и решила, что должна тебя увидеть.

Мей направилась к выходу, взялась за дверную ручку. Только тогда Мануэль встал с кровати.

– У меня пока мысли путаются. Но я хочу, чтоб ты знала: я тебе благодарен. Мы с тобой еще поговорим... позже. Сейчас я не в силах.

Мей поднялась на цыпочки, и Мануэль поцеловал и быстро обнял ее на прощанье, а затем закрыл за ней дверь.

«Солнце Фив»

Альваро читал, сидя на диване и поджав босые ноги с закатанными штанинами. Книги он глотал быстро. Принялся за рукопись рано утром и к обеду осилил почти половину из четырех сотен листов.

Мануэль хлопотал на кухне. Вообще-то, обычно этим занимался Альваро, но в те дни, когда тот выступал в роли читателя, они менялись ролями и Ортигоса старался, чтобы ничто не отвлекало Альваро от его занятия.

Писатель прошел в гостиную и несколько минут делал вид, что изучает толстую поваренную книгу с рецептами итальянской кухни, краем глаза наблюдая за Альваро. Он анализировал выражение его лица, отмечал, с какой жадностью тот переворачивает страницы, и старался понять, какие эмоции его сейчас обуревают.

– Ты меня отвлекаешь, – прошептал Альваро, не отрывая глаз от исписанных листов.

Сочтя это приглашением, Мануэль отложил тяжелый том, присел рядом на подлокотник кресла и попросил:

– Просто поделись впечатлениями.

– Обязательно, но только сначала дочитаю до конца, – ответил Альваро, не обращая внимания на умоляющий тон Ортигосы.

– Ты же знаешь, что финал не готов. Я напишу его позже, когда ты все прочитаешь. Впрочем, как обычно.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ничего не скажу, пока не дойду по последней строчки. Так что иди и оставь меня в покое.

Мануэль решил приготовить ньокки – в первую очередь потому, что это итальянское блюдо займет его надолго. Нужно почистить и нарезать картофель, отварить его, сделать пюре, замесить тесто, приготовить мясо и соус, сформировать шарики. Рецепт простой, но требует много времени. И все равно Мануэль периодически скучал. Он выходил на террасу и смотрел на сидящих на крышах котов, перебрал свои свитера, без интереса пролистал газеты и даже предпринял безуспешную попытку начать читать одну из книг, которые дожидались, когда он закончит работу над романом. Ортигоса периодически бросал взгляды в сторону гостиной, где на диване читал Альваро. Он любил наблюдать за ним, когда тот сидел вот так, расслабленный, с голым торсом. Лучи солнца перемещались по комнате и освещали его тело, каштановые волосы, спокойное и сосредоточенное лицо. Альваро глотал страницу за страницей, складывая листы в стопку рядом с собой, и прочитать ему оставалось уже совсем немного. Он закончил, когда догорали последние отблески августовского дня.

Мануэль поставил на стол бутылку вина и два бокала, осторожно наполнил их и протянул один Альваро.

– Ну и как?

Тот вытянул правую руку и положил ее на стопку листов.

– Очень хорошо.

– Правда?

– Твоим читателям книга понравится.

Писатель поставил бокал на стол и подался вперед.

– А тебе как?

– Роман весьма хорош...

– Я спрашивал не об этом. Тебе он понравился?

От Мануэля не укрылся жест, которым Альваро отодвинул от себя стопку бумаги – так крупье скидывает сыгранную колоду. Альваро тоже подался вперед и взглянул Ортигосе в глаза.

– Если сравнивать с «Ценой отречения», твоё новое произведение недотягивает.

– Но ты же сказал, что роман хорош.

– Да. И твоим читателям он понравится.

– В чём тогда дело?

– Мануэль, ты профессионал и прекрасно пишешь, но мне не хватает... искренности.

Писатель встал, вышел в центр комнаты и остановился, повернувшись к Альваро спиной.

– Я уже сто раз объяснял, что не смогу написать произведение того же уровня, что и «Цена отречения».

– Не можешь или не хочешь?

Ортигоса вернулся к дивану и сел лицом к Альваро.

– Тот роман я написал, потому что мне было о чём рассказать людям. Я чувствовал, что должен это сделать, но заплатил высокую цену и испил боль до дна. Я поведал о своём детстве, о том, как мы остались сиротами и жили с престарелой теткой, которая нас ненавидела. И о том, как мы потом считали, что ничего плохого с нами уже случиться не может, поскольку мы всё пережили. Однако моя сестра умерла.

– Это твоё лучшее произведение, но ты даже в интервью о нём не рассказываешь.

– Я просто описал свою жизнь. Невероятно тяжёлую ношу, которая выпала на мою долю. Я не хочу больше возвращаться к этой теме и снова погружаться в болезненные воспоминания.

Мануэль снова встал и сделал несколько шагов. Альваро тоже поднялся с дивана.

– Речь не о том, чтобы снова переживать. Теперь ты вырос, тебе ничего не грозит, я рядом. «Солнце Фив» – хороший роман и будет иметь успех. Но в нём не хватает искренности. А если ты не готов выслушать моё мнение, то не надо его спрашивать.

– Но я хочу знать, что ты думаешь, потому что интересуюсь. Пойми же, я верю, что литература должна описывать реальность, но больше не готов выставлять напоказ свои чувства.

– И тут ты ошибаешься. Не нужно ничего выставлять напоказ. Необязательно рассказывать об источниках вдохновения, о них можешь знать только ты. Но если автор пишет от чистого сердца, читатель это чувствует, пусть и подсознательно. Как ты думаешь, почему «Цена отречения» считается твоим лучшим произведением?

Мануэль сел на диван и закрыл лицо руками, запустив пальцы в волосы.

– Не знаю, – наконец сдался он.

Альваро устроился рядом:

– Нет, знаешь. Знаешь, что тот шестилетний малыш до сих пор прячется где-то внутри тебя и просыпается в слезах. Он скучает по родителям и по сестре, которая не может его утешить. Я понимаю, как больно ранит тебя реальность. Наверное, поэтому из тебя и получился прекрасный писатель: ты прячешься в воображаемом дворце и выдаёшь одну историю за другой. Но нашёлся один человек – невероятный, искренний, – который утешил плачущего малыша и позволил родителям и сестре покоем с миром. И сделал это с помощью ремесла писателя. Я влюбился в этого человека. И не перестаю восхищаться его стойкостью. А если перестану, то перечеркну лучшее, что со мной когда-либо случилось.

Мануэль смотрел на Альваро, упрямо отказываясь воспринимать его слова.

– Ты не понимаешь. Я всю жизнь пытался убежать от этих воспоминаний и обо всем забыть. Я добился успеха, мои книги читают многие тысячи людей, у меня есть дом, деньги, всё, что нужно человеку. Как ты сказал, роман «Солнце Фив» публика встретит хорошо. Почему я должен страдать, чтобы писать, когда могу быть счастливым?

– Потому что по-другому у тебя не получится.

Ортигоса не выдержал и снова вскочил на ноги.

– Хватит, я так больше не хочу! Я промучился все детство и всю молодость, пока не повстречал тебя. Меня вполне устраивает наша жизнь. – Он наклонился, собрал исписанные

листы в стопку и прижал ее к груди. – Я желаю, чтобы все оставалось как есть. Новых потрясений мне не вынести.

Альваро несколько секунд молча смотрел на него. Затем закрыл глаза, вздохнул, встал с дивана и подошел к писателю.

– Прости меня. Ты прав. – Он забрал у Мануэля стопку листов и обнял его.

– И ты меня прости. Но ты не знаешь, каково это: провести детство так, как провел его я...

– Не знаю, – прошептал Альваро.

Начало расследования

В баре гостиницы было людно. Среди толпы местных жителей Мануэль разглядел сидевшего у стойки лейтенанта Ногейру. Страж порядка жевал жареный бекон, доставая его из нескольких слоев бумаги, которая стала прозрачной от жира. Засунул в рот последний кусок, запил его пивом, затем взял пару салфеток и тщательно вытер рот и усы.

– Нам лучше поговорить снаружи, – сказал он вместо приветствия и сделал официанту знак принести выпивку на веранду.

Едва они вышли за дверь, лейтенант зажег сигарету, глубоко и с удовольствием затянулся, как делают бывалые курильщики, и указал на дальний от входа стол.

– Как прошел визит в Ас Грилейрас?

– Так себе. Накануне Гриньян позвонил в поместье, чтобы предупредить о нашем приезде. В результате оказалось, что сеньора маркиза плохо себя чувствует и никого не принимает, а Сантьяго и Катарина уехали. Я видел только Элису с сыном, но мы едва обменялись парой слов.

Ногейра раздраженно шелкнул языком.

– Этот Гриньян мне сразу не понравился, едва я увидел его в больнице.

– По-моему, он просто выполняет свои обязанности, – заметил Мануэль, но все же подумал о том, что юрист слишком торопится доказать свою преданность новому маркизу. Хотя вряд ли его можно за это винить. Писатель был вынужден признать, что после объявления об отказе от наследства отношение к нему Гриньяна резко изменилось. Ортигоса досадовал на свою наивность. А ведь сначала Адольфо произвел на него благоприятное впечатление. Он уважительно отзывался об Альваро и, кажется, искренне им восхищался, и Мануэлю с трудом верилось, что юрист руководствовался только корыстными интересами. Но гвардейцу он в этом ни за что не признается.

– Гриньян устроил мне экскурсию по поместью. Сад там великолепный.

– Да, он чудесен, – согласился Ногейра.

Писатель удивленно посмотрел на собеседника. Он не ожидал услышать от лейтенанта таких выражений. Ногейра поймал этот взгляд, лицо его стало серьезным, и он потушил сигарету.

– Не принимайте увеселительную прогулку за желание сотрудничать. Этот пройдоха сначала предупредил родственников вашего супруга, а потом повел вас в сад, чтобы отвлечь от дел.

– Я познакомился с теми, кто работает в усадьбе: смотрителем, ветеринаром, юношей, который помогает Катарине выращивать гардении, Эрминией, экономкой – она ведет хозяйство, – и Саритой, ее помощницей.

– Вам удалось с ними поговорить?

– Перекинулись парой слов с Эрминией. Она показалась мне очень радушной. – Мануэль вспомнил жаркие прощальные объятия. – Вообще-то Гриньян не оставлял меня ни на минуту. И хотя он старался, чтобы я не попадался никому на глаза, думаю, маркиза была не очень довольна. Она вызвала юриста в свои покои, а когда он вернулся, то поспешно придумал какой-то предлог, чтобы мы сразу же уехали. Даже экономка догадалась, в чем дело.

Ногейра покачал головой.

– Заезжал я и в участок, – продолжал писатель. – В багажнике моей машины стоит коробка с одеждой и личными вещами Альваро.

– Отлично, отвезем ее Офелии.

– Автомобиль остался на парковке возле отделения. Чтобы его забрать, мне пришлось бы оставить свой. Завтра поеду туда на такси.

– Я должен был это предусмотреть, – раздраженно пробормотал лейтенант. – Попрошу своего друга, чтобы пригнал машину сюда и оставил ключи у бармена. Потом я сам заберу автомобиль.

Мануэль отвел взгляд и глубоко вздохнул. Было сложно признать, что его одурачили.

– Гвардейцы отдали мне два мобильных телефона. Один хорошо мне знаком, о существовании второго я и не подозревал. Похоже, этот аппарат Альваро использовал для решения вопросов, связанных с семейными делами. – Писатель достал из кармана айфон, положил его на стол и тут же вспомнил рассказ Мей о странном звонке. – Он создал сеть частных компаний, которые управляли недвижимостью, фермой и сельскохозяйственными операциями. В календаре все, что касается Галисии, отмечено как «Встречи с представителями фирмы «Славные подвиги».

Не отводя взгляда от Мануэля, который продолжал говорить, Ногейра взял айфон.

– «Славные подвиги» – это головная компания, которая заправляет всем, включая две винодельни и предприятие, занимающееся экспортом галисийского вина. Счета за мобильную связь по этому телефону оплачивала компания, вот почему я не знал о его существовании. О делах Альваро в Галисии я узнал из электронного календаря, – писатель с горькой улыбкой указал на смартфон, – куда секретарь вносила информацию о встречах с представителями компании «Славные подвиги» наряду с другими деловыми совещаниями. Раз в два месяца Альваро встречался с этим важным клиентом – иными словами, занимался семейными делами, уезжая на пару дней. И так в течение трех лет.

Подошел официант с напитками. За столиком повисла тяжелая тишина, и в голове Мануэля зазвучали слова Мей: «У него есть доказательства, что ты убийца». Писатель сделал глоток пива, а к закускам, которые здесь всегда приносили по умолчанию, не притронулся. Он сомневался, нужно ли пересказывать лейтенанту историю, поведенную Мей. С одной стороны, это важно, с другой, Альваро Муньиса де Давилу могут без долгих раздумий счесть виновным. Ортигоса поднял глаза. Ногейра внимательно изучал календарь в айфоне. Он взглянул на Мануэля, встал, подвинул свой стул и, усевшись рядом с писателем, произнес, указывая на экран:

– Взгляните-ка. Как вы и сказали, встречи с представителями компании «Славные подвиги» проходили регулярно, раз в два месяца, и занимали два дня. Кроме сентября, когда они длились пять дней, примерно в одни и те же даты. Судя по последней записи, Альваро был в Галисии второго и третьего июля. А следующая поездка была запланирована на конец этой недели.

– Гриньян сообщил, что мой муж приезжал сюда регулярно. Но в этот раз он не знал, что Альваро был здесь.

Лейтенант глубоко вздохнул. Он ненадолго оставил телефон, занявшись содержимым своей тарелки с закусками и запивая их пивом, и бросил взгляд на порцию Мануэля.

– Вы не будете есть?

Писатель покачал головой. Гвардеец прикончил месиво, напоминавшее макароны с мясом и томатным соусом, затем зажег сигарету и глубоко затянулся. Лицо его приобрело удовлетворенное выражение.

– Вы получили счета, выставлявшиеся за использование этого телефона?

Ортигоса взял айфон и нашел нужную иконку.

– В этом нет необходимости. Здесь установлено специальное приложение, где отображены все входящие и исходящие вызовы, даже если их удалили из памяти телефона.

Судя по информации в программе, за последний месяц с этого сотового звонили несколько раз, а вот входящих вызовов было совсем мало: три со странного номера, состоящего из четырех цифр, и еще два с другого, неопределившегося. И все пять – в тот день, когда Альваро уехал в Галисию.

Мануэль оторвал взгляд от экрана.

– Что думаете?

– Первые три звонка поступили с телефона-автомата, – ответил гвардеец, подтверждая рассказ Мей. – Нет особого смысла выяснять, из какого именно, но мы попробуем это сделать: возможно, местонахождение будки станет для нас подсказкой. Последние два вызова, судя по коду, поступили со стационарного телефона, установленного в этом регионе...

Ногейра достал черную книжку и сделал заметки. Затем взял свой сотовый, набрал номер, прижал аппарат к уху, а потом передал его Мануэлю, который услышал часть сообщения автоответчика: «...юридический офис открыт с восьми утра до четырех часов дня. Если хотите записаться на консультацию, продиктуйте свои данные после сигнала, и мы вам перезвоним».

Писатель услышал характерный писк и передал мобильник лейтенанту. Тот завершил вызов.

– Это офис Адольфо Гриньяна. Не кажется ли вам странным, что юрист позвонил Альваро как раз в день его отъезда в Галисию? Кроме того, только он знал, как связаться с вашим мужем. Значит, сеньор де Давила приехал, потому что Гриньян его вызвал. Возможно, наш юрист и автоматом пользовался...

Мануэль подумал о другом человеке, который связался с Альваро. Мей была уверена, что это не Адольфо. И эта фраза: «У него есть доказательства, что ты убийца...» Но если рассказать об этом Ногейре сейчас, у гвардейца просто сложится определенное мнение об Альваро, только и всего. Нет, пока рано.

– Тогда завтра с утра отправляйтесь в офис Гриньяна, о своем визите заранее не предупреждайте, – велел лейтенант. – Зайдите прямо к нему в кабинет, даже если наш друг юрист будет занят, и попросите объяснений. Вопросов не задавайте – просто скажите, что Альваро приехал, потому что Адольфо ему позвонил, и вам об этом прекрасно известно. Посмотрим, как Гриньян будет выкручиваться. Я же говорю, он мне сразу не понравился.

Мануэль задумчиво кивнул. В отличие от Ногейры, он не был уверен, что у них в руках козырь, но попробовать стоило.

– А затем поезжайте в Ас Грилейрас. Вот ублюдки! В конце концов, у вас есть полное право быть там, вы – законный владелец. Я уверен: если этот проходимец юрист не будет ошибаться рядом, кто-то, возможно, с вами разоткровенничается.

Писатель отдал лейтенанту ключи от машины Альваро, два телефона и коробку с вещами и стоял, глядя вслед гвардейцу и думая об излишней услужливости Гриньяна. И о том, что с удовольствием посетит Ас Грилейрас еще раз.

* * *

Секретарь Гриньяна улыбнулась, увидев Мануэля. Не останавливаясь, он прошел по коридору к кабинету юриста, по дороге кивая попадавшимися на пути ассистентам и помощникам. До сотрудников Адольфо уже дошел слух, что Ортигоса – знаменитый писатель, и Мануэль ловил на себе многозначительные, восхищенные или робкие взгляды.

Возле двери в кабинет Гриньяна Ортигосу остановил Доваль.

– Адольфо не говорил, что вы зайдете сегодня, – добродушно сообщил помощник.

– Потому что я и не планировал.

Эухенио бросил на писателя недоумевающий взгляд, но тут же снова принял невозмутимый вид.

– Тогда, пожалуйста, подождите здесь. Я скажу шефу, что вы пришли.

– Нет, ждать не буду, я сегодня не в настроении. – Мануэль прошел мимо помощника и взялся за дверную ручку.

– Но вы не можете... – Доваль коснулся его плеча.

Писатель напрягся и медленно повернулся:

– Не трогайте меня.

Эухенио отдернул руку, словно его ударило током. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Гриньян, тщетно пытаясь скрыть недоумение.

– Сеньор Ортигоса? Мы вас не ждали. Чем могу помочь?

– Для начала, пожалуй, перестаньте мне врать, – ответил Мануэль, награждая юриста тяжелым взглядом.

Привычное доброжелательное выражение исчезло с лица Адольфо. Он посмотрел на Довалю, который стоял за спиной Мануэля, и сказал:

– Всё в порядке. Я забыл обсудить один момент с сеньором Ортигосой. Принесите нам кофе.

Гриньян пропустил писателя в кабинет, зашел и плотно закрыл дверь. Затем веско сказал:

– Я вам не врал.

– Альваро приехал в Галисию после вашего звонка, – выпалил Мануэль, не давая юристу возможности собраться с мыслями.

Гриньян опустил глаза и молчал. Когда он наконец заговорил, голос его звучал очень грустно, хотя Ортигоса не верил в искренность эмоций собеседника.

– Я до конца жизни буду об этом жалеть. Но вам я не врал. Я не знал, что сеньор де Давила здесь, и понял это только когда со мной связалась Гвардия.

– Зачем вы ему звонили? – все тем же жестким тоном продолжал писатель.

Юрист опустил в кресло и жестом предложил Мануэлю сесть.

– Денежный вопрос. Сантьяго требовалась крупная сумма, он обратился ко мне, а я сообщил Альваро. Я обладаю полномочиями выделять до десяти тысяч евро в месяц на непредвиденные траты, касающиеся семейного бизнеса, но нынешний маркиз просил куда больше.

– Сколько?

Гриньян немного помолчал:

– Триста тысяч евро.

– Сантьяго объяснил, зачем ему такие деньги?

Юрист покачал головой:

– Нет. Но он явно торопился. Очевидно, что для него это было дело первостепенной важности. Я позвонил Альваро и передал ему просьбу брата. Вот и всё. Я вам не врал и не знал, что сеньор де Давила здесь, пока маркиз не сообщил мне о его смерти.

Выходя из кабинета, Мануэль столкнулся с Довалем, который нес чашки с кофе на серебряном подносе. Писатель обернулся.

– Гриньян, больше не предупреждайте обитателей Ас Грилейрас о моих визитах. В конце концов, хозяин поместья – я.

Юрист подавленно кивнул.

По следу

Сумрачный свет, лившийся с затянутого облаками неба в последние два дня, уступил место солнечным лучам, резко очерчивающим силуэты серебрящихся эвкалиптов и кустов дрока. Мануэль проезжал мимо покрытых лишайником древних каменных стен, покосившихся деревянных заборов и домов – хотя последние попадались все реже и реже после того, как он выехал из города. Все вокруг словно было покрыто патиной. Писатель наклонился и посмотрел на небо сквозь лобовое стекло. Редкие облака напоминали длинные мазки кистью, на которой уже заканчивалась белая краска. Стоял полный штиль, ни один листочек не шевелился, но воздух был тяжелым и влажным. Собирался дождь.

Ортигоса припарковался там же, где они оставляли машину накануне. Автомобиль было хорошо видно из дома, но писателя это не волновало. Как выразился Ногейра, это не визит вежливости. У Мануэля есть вопросы, и он хочет получить ответы.

К воротам, шурша гравием, приближался красный «Ниссан». Лицо водителя показалось Ортигосе знакомым – должно быть, кто-то с похорон. Проезжая мимо, машина замедлила ход и почти остановилась. Сидевший за рулем не мог скрыть удивления. Казалось, что он остановится и что-то скажет незваному гостю. Но вместо этого нажал на газ и уехал.

Мануэль запер свой «БМВ» и несколько секунд стоял, наслаждаясь белизной цветов, на фоне которых живая изгородь казалась почти черной. Он вспомнил про две гардении, которые засунул в ящик тумбочки перед тем, как вчера выйти из отеля, протянул руку и коснулся бледных лепестков. И в этот же момент в окне показалась Эрминия и сделала ему знак подойти поближе. Мануэль направился к двери в кухню, возле которой неизменно дежурил толстый черный кот. Экономка попыталась его прогнать.

– Убирайся отсюда, чертяка! – Она топнула ногой.

Ортигоса улыбнулся.

Кот отошел на метр, сел и начал вылизываться, притворяясь, что ему нет дела до людей.

– Проходи, *fillo*⁹, дай я на тебя взгляну, – сказала Эрминия, заводя писателя в кухню. – Только о тебе и думаю, как ты там... Садись и поешь чего-нибудь. – Она достала огромный круглый каравай, испеченный по местным рецептам, сыр и колбасу.

Мануэль улыбнулся:

– Сказать по правде, я не голоден, позавтракал в гостинице.

– Хочешь чего-то горячего? Могу быстренько приготовить пару яиц.

– Нет, я правда не голоден.

Экономка с сожалением посмотрела на писателя.

– И откуда ж взяться аппетиту, когда такое творится? – Она вздохнула. – Тогда кофе? Уж от него-то точно не откажешься.

– Ладно, – уступил Мануэль. Он был уверен, что, если не согласится хотя бы на кофе, Эрминия будет предпринимать все новые попытки накормить его. – Кофе я выпью, но сперва мне нужно обсудить одно дело с Сантьяго.

– Они с женой еще не вернулись, но позвонили и сообщили, что приедут вечером.

Ортигоса задумчиво кивнул.

– В поместье только Ворона.

Мануэль непонимающе уставился на экономку.

– Ворона, – повторила та и указала пальцем на потолок. – Старуха постоянно здесь и пристально за всем следит.

⁹ Сынок (галисийск., галего).

Писатель покачал головой. На ум ему пришли слова из стихотворения, которое он читал накануне: «Больше никогда»¹⁰. Он послушно сел за стол, а Эрминия тем временем выкладывала на покрытую салфеткой тарелку еду к чаю.

– Да, здесь еще Элиса с сыном, – продолжала экономка уже другим тоном. – Наверняка пошли на кладбище. Она постоянно туда ходит.

Эрминия достала две кофейные чашки и налила воды из чайника, который, похоже, постоянно стоял горячим на дровяной печи. Потом села рядом с Мануэлем и с нежностью посмотрела на него.

– Ах, *nepo*!¹¹ Я вижу, что тебе плохо, что бы ты ни говорил. Думаешь, я тебя не знаю, но я хорошо изучила Альваро и понимаю, что у того, кого он выбрал, должно быть доброе сердце.

– Он обо мне рассказывал?

– Этого не требовалось. Я знала, что у него кто-то есть. Видела по улыбке и по взгляду. Я нянчила детей маркиза с рождения, на моих глазах они выросли и возмужали. Я любила их больше всего на свете и легко читала, словно открытые книги.

– А вот я нет, – прошептал Мануэль.

Эрминия вытянула руку, сухую и теплую, и накрыла ладонь писателя.

– Не суди его строго. Нельзя так говорить, потому что мне дороги все трое, каждый по-своему запал мне в душу, но Альваро был моим любимцем. Еще в детстве стало понятно, что он вырастет энергичным и смелым. И именно из-за своего характера часто спорил с отцом.

– Гриньян мне все объяснил. К сожалению, некоторые родители отказываются принимать детей такими, какие они есть.

– Адольфо сказал, что причина в том, что Альваро – гомосексуал?

– Да... – неуверенно ответил Мануэль.

Экономка встала со стула, подошла к шкафу, вытащила оттуда сумку, а из нее – кошелек и достала фотографию, которую положила на стол перед писателем. Снимок хорошо сохранился, хотя уголки его потрепались – видимо, Эрминия носила его с собой много лет. Ортигоса увидел троих мальчиков, один из которых смотрел в объектив, а остальные двое глядели на своего товарища.

– Самый высокий – Альваро. Это Лукас, священник, а это Сантьяго. Старшим здесь десять лет, а Сантьяго – восемь.

Мануэль погладил снимок пальцем. Он впервые видел детскую фотографию Альваро. Писатель много раз говорил ему: «Ты, наверное, был красивым мальчиком». И в ответ всегда слышал: «Обычным». Но этого парнишку с большими глазами и каштановыми, сияющими на солнце волосами никак нельзя было назвать обычным. Он широко улыбался и по-дружески обнимал Лукаса за плечи. Сантьяго, наполовину скрытый фигурой брата, почти висел на левой руке Альваро, словно хотел привлечь к себе его внимание.

– Мой муж сделал этот снимок прямо здесь, на кухне, подаренной ему на день рождения камерой. И я всегда считала, что это лучшая детская фотография моих мальчиков, хотя в ней нет ничего особенного.

Было очевидно, что тот, кто смотрит прямо в объектив, – лидер. Лукас счастливо улыбался, с обожанием глядя на друга, за которым был готов последовать куда угодно. Сантьяго хмурился. В его позе читалась ревность, словно он боялся, что фотосъемка заставит брата забыть о нем.

Эрминия внимательно наблюдала за Мануэлем, который рассматривал снимок.

– Не думаю, что гомосексуализм – истинная причина. Теперь, конечно, нет никакой разницы, но если б Альваро прислушивался к мнению родителей, все могло бы сложиться по-

¹⁰ Фраза, произносимая Вороном в знаменитом стихотворении «Ворон» Э. А. По.

¹¹ Мой мальчик (*галисийск.*).

другому. Он начал ссориться с ними достаточно рано, с малолетства. Еще ростом не вышел, а уже спорил с отцом, огрызался, дерзил... Маркиз выходил из себя. Не думаю, что он хоть кого-то когда-то любил, но старшего сына одновременно и ненавидел, и восхищался им. – Экономка замолчала, а потом серьезно посмотрела на писателя. – Не знаю, понятно ли я выражаюсь, но старик был из тех, кто больше всего уважает силу, в том числе и у врагов.

Мануэль кивнул:

– Я понимаю, о чем вы. Но мне сложно представить, что из-за разницы в характерах можно вычеркнуть сына из жизни.

– Здесь дело не только в характерах. Отец Альваро был очень властным человеком. Все домочадцы плясали под его дудку – кроме старшего сына. И этого старый маркиз простить не мог. Помню один случай. Альваро было лет восемь или девять, а Сантьяго – на два года меньше, и он уже тогда был весьма беспокойным и капризным ребенком. Однажды стащил у отца зажигалку из кабинета и решил поджечь охапку сена на конюшне. Он, правда, затоптал огонь, но недостаточно тщательно, и после его ухода пламя вновь разгорелось. К счастью, один из помощников конюха видел мальчика и решил проверить, зачем тот ходил к лошадям, так что пожар удалось быстро потушить. Когда маркиз обо всем узнал, он взял ремень и пошел искать Сантьяго, который страшно перепугался и где-то спрятался. Тогда Альваро подошел к отцу и сказал, что огонь развел он. Никогда не забуду выражение лица хозяина. Тот словно забыл о пожаре и произнес: «Знаешь, что я думаю? Что ты мне врешь и пытаешься меня обмануть, а со мной шутки плохи». Маркиз заставил старшего сына весь день стоять на улице, перед парадной дверью. Альваро не мог ни присесть, ни сходить в туалет, ни поесть. В обед начался дождь, но и тогда мальчику не разрешили зайти в дом. Каждые два часа отец выходил во двор, прячась под черным зонтом, и спрашивал: «Кто это сделал?» И в ответ раздавалось: «Я».

Мануэль слушал Эрминию и живо представлял себе мальчугана с гордым взглядом, который твердо стоял на своем.

– Не помню, в каком месяце это случилось, но точно зимой, на улице было холодно. В половине шестого началась гроза с ураганным ветром, да таким сильным, что мы на день остались без электричества. Сантьяго был так напуган, что во время ужина разрыдался и признался отцу, что пожар устроил он. Маркиз даже не взглянул на него, а велел идти в свою комнату. Все легли спать, кроме меня и хозяина. Он ничего мне не говорил, но ни за что на свете я бы не оставила ребенка одного на улице. В час ночи маркиз спустился сюда, и это было странно, потому что сеньоры никогда не заходили в кухню. Ноги его супруги здесь не было до сих пор. Хозяин нес свечу, и в ее колеблющемся свете его лицо казалось особенно безжалостным. Он остановился у окна и сказал: «Этот мальчик смелее, чем все, кого я знаю, вместе взятые». И в голосе маркиза звучали гордость и восхищение. Он велел мне дожидаться, пока не ляжет спать, и только тогда я смогла впустить Альваро. Позже на протяжении многих лет я не раз видела этот взгляд. Отец ненавидел старшего сына и в то же время преклонялся перед ним. Но не путай это чувство с любовью. Маркиз не испытывал привязанности к старшим сыновьям: Альваро просто не выносил, а Сантьяго постоянно унижал с самого детства, хотя бедный мальчуган был готов отцу пятки лизать, лишь бы заслужить его одобрение. А взамен получал только презрение. Ни разу в жизни я не видела, чтобы маркиз смотрел на среднего сына так же уважительно, как на старшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.